Испытание войной

Борис Шапталов

SHOUT
SHARE
IT

- Шапталов Борис

Шапталов Борис
Испытание войной

Шапталов Борис
Испытание войной
{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста.

Аннотация издательства: В большой войне всегда заняты две неравноправные стороны: первая - это народ и солдаты, вторая - высшее руководство и высшее командование. Солдаты претворяют в жизнь планы командования. От степени эффективности такого взаимодействия зависят ход боевых действий, размеры потерь и результаты войны. Перед вами анализ подготовки и проведения операций советским командованием в ходе Великой Отечественной войны. Особое внимание автор уделяет начальному периоду войны. Книга будет интересна широкому кругу читателей - любителям военной истории и специалистам.

Содержание

Введение
Глава 1. Война и мир по Сталину
Глава 2. Время шока. Первые выводы
Глава 3. Смертельные бои 41-го
Глава 4. Битва под Москвой: победа, но не разгром
Глава 5. Прорыв на юге
Глава 6. Поворотный пункт в войне: обретения и потери
Глава 7. Принципиальные сражения 1943 года
Глава 8. Свет и тени кампании 1944 года
Глава 9. Последние услилия
Глава 10. Если подвести итоги
Заключение. Последние выводы
Примечания

Введение

О Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. написаны тысячи работ. Что нового можно прибавить к этой библиотеке? Наверное, только одно - анализ свершившихся событий. Ведь в советское время преобладала описательная литература. В этих сочинениях на первый план выходил сам ход боевых действий, с почти неизбежным рефреном о "героической борьбе советского народа против превосходящих сил врага", хотя некоторые факты не укладывались в официальную схему. Например, миллионы советских военнослужащих попали в плен в первые же недели

войны; сотни тысяч людей стали сотрудничать с оккупантами; огромный танковый потенциал Красной Армии, созданный перед войной, почти не повлиял на ход боевых действий. Эти и другие подобные данные указывали на то, что столь ясная по официозным книгам и фильмам война на деле была событием многослойным и неоднозначным. В 90-е гг. появилось много публикаций, критически подошедших к девизу: "Победителей не судят". И тема "законной гордости" превратилась в одну из самых болезненных в нашей истории. Целые поколения привыкли к освещению военных событий как к некоему арсеналу патриотизма.

Советская цензура охраняла от "очернительства" не только славу победителей - маршалов и генералов, но и авторитет Коммунистической партии, а точнее партийной номенклатуры, прежде всего высшего политического руководства, бесконтрольно управлявшего страной. Прав был историк А.М. Некрич, писавший, что цель партийных руководителей заключалась в том, "чтобы создать новую коллективную память народа, начисто выбросить воспоминания о том, что происходило в действительности, исключить из истории все, что не соответствует или прямо опровергает исторические претензии КПСС... Взамен насаждалась память о том, чего на самом деле не было, - искусственная память" (с. 277){1}.

С тех пор многое изменилось в нашей стране, написаны десятки книг, по-новому освещающих те события, но трафареты прошлого так или иначе продолжают довлеть над современной исторической наукой, хотя немало уже сделано для уяснения истинных проблем войны 1941-1945 гг. Однако до сих пор выходят статьи и монографии, перебрасывающие своеобразный мостик от традиций официальной советской историографии к современной. Смысл них работ можно свести к одному из главных постулатов советской государственной идеологии "достигнутая цель оправдывает заплаченную цену". Приведем один из многочисленных образчиков такого видения прошлого. Так, лидер КПРФ Г.А. Зюганов считает, что "если бы мы не сумели сформировать ту систему, которая называлась командной, СССР не выдержал бы фашистского натиска. Эта система формировалась в жестких, страшных условиях и оказалась феноменальной. Она разгромила казавшуюся несокрушимой военную машину вермахта. Перед тем эта машина раздавила Францию, поставила на колени и заставила работать на себя всю континентальную Европу" (с. 10){2}. Не отстают и антикоммунисты. Немало сделавший для разрушения мифов советской историографии В. Суворов (В. Резун) написал книгу

"Очищение", оправдывающую сталинские репрессии командных кадров РККА.

Философ и социолог А.А. Зиновьев подводит теоретическую базу: "Сталинская система массовых репрессий вырастала как самозащитная мера нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности. Она становится постоянно действующим фактором нового общества, необходимым элементом его самосохранения". И вообще, заключает Зиновьев, к сталинским репрессиям "ошибочно подходить с критериями морали и права" (с. 63){3}.

Подобные цитаты можно продолжать и продолжать, "украшая страницы" именами известных политиков, писателей, публицистов, историков.

Великая Отечественная война с точки зрения качества управления - это и прошлое, и, отчасти, настоящее (вспомним Чечню). Осколки той войны и той эпохи все еще летят и ранят нас, поэтому проблемы, поднимаемые в этой книге, представляют не один лишь академический интерес.

Данная работа - это отклик на попытки серьезного разговора о цене солдатской крови, начатого еще в советские времена писателями-фронтовиками с их "окопной правдой" и отдельными историками и мемуаристами, сумевшими просочиться сквозь цензуру со своим особым мнением. А эта цена оказалась прямо пропорциональна той организации военного дела, которая сложилась в Красной Армии накануне войны, особенностям мышления ее высших органов и политического руководства в лице И.В. Сталина.

Главная тема книги - его величество субъективный фактор в области стратегии. Именно в ходе боевых действий значимость субъективного фактора достигает своего высшего проявления. Война - это концентрация множества человеческих стремлений и желаний, преобразуемая в волю немногих военачальников, которые повелевают массами, заставляя их беспрекословно выполнять любые свои приказы. В мирное время от чуждой воли можно уклониться: уволиться с работы, сменить место жительства, оспорить распоряжение, подав жалобу. В войне у большинства людей выбора нет, хотя ставки баснословно велики - здоровье и сама жизнь человека.

Военачальники и высшие государственные чины получают карт-бланш с учетом известного тезиса - "война все спишет". Главная цель - победа - оправдывает затраченные на нее средства, будь то техника или жизни людей. Правда, такие затраты в известной степени ограничиваются правовыми и моральными нормами, сложившимися в обществе. Но границы эти достаточно

гибки и подвижны.

Существуют два принципиальных подхода государства к своему народу. Тоталитарное государство использует своих подданных как сырье для обеспечения "высших" державных интересов. Причем такое "сырье" выглядит достаточно дешевым по сравнению с золотом или урановой рудой. Не щадя людей, государство добивается своих целей, а добившись, обосновывает этим свое величие в глазах народа. Цена успеха в виде человеческих жизней не имеет особого значения, ибо это ресурс возобновляемый и огромные потери не умаляют величия государя. Так было в Древнем Египте, так было в сталинском Советском Союзе. Величие Сталина как государственного деятеля и созданной им сверхмилитаризованной державы покоится на гигантском кладбище людей, которых принесли в жертву во имя державных и идеологических целей.

Демократическое государство рассматривает свой народ как совокупность граждан, т.е. субъектов права, чьи права на жизнь, свободу, имущество являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми в государственной системе ценностей. Поэтому цену достижения тех или иных целей государство волей-неволей обязано сопрягать с числом человеческих жизней.

Попытки проанализировать потери в тоталитарном государстве встречаются в штыки и рассматриваются как покушение на авторитет Власти. Поэтому советская историография вынужденно избегала такого анализа. Но и в постсоветское время обращение к этой теме сталкивает исследователя с массой сложных проблем, попытки решения которых, в свою очередь, влекут за собой необходимость осмысления других, производных от первых. Даже спустя полвека после окончания войны многое в ней остается загадочными или, по крайней мере, не до конца ясным. Истина предстает чем-то вроде улыбки Чеширского кота из "Алисы в стране чудес": она есть, но в последний момент норовит ускользнуть. Анализ событий 1939-1941 гг. требует от историка умения заглядывать в Зазеркалье тогдашней политики, выводя за скобки как ложь и искажения официальных трактовок, так и искренние заблуждения сверхпатриотичных историков, пытающихся "выстирать" историю и ее персонажей.

Там, где на первый план выступают психология и личные качества главных действующих лиц исторической сцены, для историка начинается мир загадок. Прежде всего это касается психологии диктаторов, заполучивших безусловное право повелевать своими народами, в том числе и право действовать вопреки фактам и логике. И в этом проявлялась отнюдь не только

их слабость, потому что основные успехи Гитлера и Сталина связаны с тем, что они часто действовали вопреки очевидности и побеждали. Побеждали, используя кажущуюся нелогичность как таран, шокируя противника нетривиальностью поступков.

22 июня 1941 г. столкнулись две политические воли с довольно сходными стратегическими установками. Обе стороны исповедовали идеологию насилия. Обе рассматривали свои идеологии как мессианские, призванные кардинально изменить мир на предстоящие века (один мечтал создать расовую суперимперию, другой классовую сверхдержаву). Оба лидера-диктатора, считая себя вождями своих стран, в перспективе видели себя вождями мира. Оба считали войну неизбежной и, отдавая необходимую дань мирной фразеологии, целеустремленно готовили свои государства к решающей схватке за общеевропейскую гегемонию.

О том, как Гитлер вел Германию к войне, написано много исследований. О том, как вел страну к войне Сталин, написано очень мало, а написанное оставляет пока множество неразгаданных тайн. Начало было положено нашумевшими аналитическими работами В. Суворова ("Ледокол", "День "М""), в которых известные исторические факты рассматривались с совершенно неожиданной стороны. Дискуссия о выдвинутой в этих книгах концепции и трактовке приведенного массива фактов серьезно стимулировала историческую мысль 90-х гг. Однако осмысление происшедших событий далеко не закончено. Немало написано о роли Сталина в качестве Верховного Главнокомандующего, но ясности это отнюдь не прибавило. Кто он - человек, спасший своим гением и волей государство от поражения и народ от порабощения, или человек, ввергший страну в пучину бед, из которых она титаническим напряжением национальных сил едва сумела выкарабкаться, чтобы потом, сорок лет спустя, из-за сталинского наследства в виде тоталитарно-бюрократической системы, проиграть окончательно?

Тема эта многоаспектна и не исчерпывается только личностью диктатора. Субъективный фактор формируется и действует в определенных социально-экономических, политических и исторических условиях, совокупность которых можно было бы назвать судьбой страны и нации. Победы фашизма в Германии не было бы, не будь Первой мировой войны. Войны могло бы не быть, не отторгни Германия у Франции Эльзас и Лотарингию. (Ведь удалось же Бисмарку наладить мирные, а затем и союзнические отношения с Австро-Венгрией. По тому же пути пошли США после разгрома Японии и Германии.) Примерно такую же объективно обусловленную цепочку можно выстроить и

в отношении России. Однако историю невозможно переиграть, цепь событий определяет будущие трагические последствия, и все это можно назвать исторической судьбой данного народа. С точки зрения количественного анализа соотношения сил накануне 22 июня 1941 г. летней катастрофы Красной Армии можно было избежать. Но с другой точки зрения, рассматривая исторические судьбы страны через призму войн 1904-1905 гг. и 1914-1917 гг., трагедия 1941 г. может выглядеть закономерной и почти неотвратимой. Такая двойственность чрезвычайно затрудняет аналитическую работу историка, хотя и побуждает его к более разностороннему и внимательному осмыслению прошлого. Ведь прошлое есть начало той цепочки событий, что, надвигаясь с неотвратимостью рока, нависает над будущим, служа детонатором новых драм. Будущее складывается из прошлого - эта аксиома заставляет вновь обращаться к теням ушедшего так, как будто это уходящее настоящее.

Глава 1. Война и мир по Сталину

Политика мира как пролог к войне

В том, что фашистской Германии и социалистическому Советскому Союзу придется воевать, похоже, ни Гитлер, ни Сталин не сомневались. Партийное руководство во главе со Сталиным в 30-е гг. целеустремленно готовилось к войне исходя из ленинского определения современной эпохи как переходной от капитализма к социализму, эпохи войн и революций. Поэтому ответ на вопрос воевать или не воевать, находясь "во враждебном капиталистическом окружении", был для большевистских верхов однозначным. Проблема заключалась в другом: когда, с кем в первую очередь и какими силами?

Несколько десятилетий советская историография преподносила советско-германский пакт 1939 г. как исключительно миролюбивую меру, призванную отсрочить войну с Германией, чтобы лучше подготовиться к отражению возможной агрессии с ее стороны. Искусственность такой трактовки договора всегда была очевидной. Во-первых, в августе 1939 г. у Германии не было общей границы с Советским Союзом, и потому напасть на СССР она не могла. Во-вторых, Красная Армия в 1939 г. значительно превосходила вермахт во всех видах вооружений, особенно в танках и артиллерии. Германская армия не имела боевого опыта и располагала скудными запасами сырья и военных материалов. Лишь скоротечность военных кампаний 1939-1940 гг., не поставила вермахт под угрозу снарядного голода, как это было с русской армией в 1915 г. Германия могла планировать успешный блицкриг с Россией, только усилившись за счет разбитых противников.

Для чего же Сталину был нужен договор с Германией? Опубликование секретных протоколов, где в духе классической тайной дипломатии, так осуждаемой некогда большевиками, фиксировался раздел сфер влияния, достигнутый на переговорах в Москве между Риббентропом и Сталиным, дало документальную основу тому, к чему можно было прийти путем логических рассуждений. Сталин, вопреки утверждениям советской историографии, как раз был заинтересован в начале войны в Европе. И не только потому, что в этом случае получал свободу действий в отношении Финляндии, Прибалтики и т. д. Как правоверный марксист и большевик, Сталин считал капиталистические страны главной опасностью для своей власти, и эту опасность требовалось устранить. Но как прагматик Сталин понимал, что на спонтанную европейскую пролетарскую революцию рассчитывать бесполезно, ведь даже экономический кризис 1929-1933 гг. не раскачал рабочий класс. Зато война, подобная Первой мировой, могла истощить капиталистические государства, и тогда он, Сталин, во главе Красной Армии мог войти в Европу на "белом коне". Естественно, не вина Сталина, что надежды на длительную войну на истощение не оправдались. Новая германская военная машина сумела в 1939-1940 гг., в отличие от 1914 г., реализовать концепцию блицкрига.

Каковы были дальнейшие планы Сталина с учетом изменений, происходящих в Европе? Собирался ли он отдавать приказ Красной Армии начать войну в 1941 г.? Этот вопрос остается открытым, хотя политической логике тех лет данное предположение не противоречит, а от массива фактов, собранных и систематизированных В. Суворовым, отмахнуться невозможно. Единственный серьезный недостаток его работ - это отстаивание точных сроков начала "освободительного похода" Красной Армии. Сроки, как известно, зависят от многих случайных факторов. Гитлер, например, неоднократно переносил даты своих ударов. Когда бывшие советские историки дискутировали с В. Суворовым, они лукаво заменяли спор о сущности выводов спором о частностях, доказывая, что Сталин не намеревался отдавать приказ о выступлении в июле 1941 г. Ну а могло такое произойти в августе или сентябре 1941 г.? Спорить необходимо не столько о сроках, сколько о самой возможности такого выступления.

Наступательные цели Красной Армии подтверждает и ее крайне неудачное для обороны оперативное построение в приграничной полосе. Например, большая часть лучших войск в Белоруссии (в частности, три механизированных корпуса из пяти) оказалась втиснутой в Белостокский выступ. И даже когда штабная игра в январе 1941 г. показала возможность их

окружения (войска "синих" под командованием Г.К. Жукова взяли в клещи армии "красных", возглавляемые Д.Г. Павловым), никаких выводов о необходимости передислокации сил сделано не было.

Другой выступ - Львовский - находился в Киевском военном округе. Крайней его точкой был Перемышль. С севера, полукружием, тянулась польская территория. В глубинах этого выступа располагались четыре механизированных корпуса из восьми, имевшихся у Киевского округа.

С началом войны их также пришлось разворачивать на север, чтобы задержать обтекающие их дивизии танковой группы Э. Клейста.

Зато на направлениях главных ударов германских войск оказался минимум сил и средств. Так, против Сувалкского выступа, откуда наносила удар танковая группа Г. Гота, теоретически мог действовать только 3-й механизированный корпус. Теоретически потому, что он 22 июня стоял более чем в сотне километров севернее от границы.

Против танковой группы Э. Клейста могло действовать только два мехкорпуса (22-й и 15-й) из восьми. Остальные находились на почтительном расстоянии от зоны удара.

Для советских историков был невозможен серьезный анализ столь неудачного для обороны построения группировок Красной Армии, которое выявилось в ходе штабных учений в Кремле и не было исправлено даже после назначения начальником Генерального штаба Г.К. Жукова. В. Суворов первым разработал версию, дающую внятное объяснение подобной дислокации советских войск. Правда, и до него было ясно, что механизированные корпуса были собраны в Белостокском и Львовском выступах для нанесения концентрического удара по сходящимся направлениям с выходом в районы западнее Варшавы, что, собственно, и было сделано в январе 1945 г. Неясным остается вопрос, почему в эту схему не были внесены изменения с ростом угрозы опережающего удара Германии по СССР?

Сегодня опубликовано много фактов, свидетельствующих о том, что советские разведорганы выполнили свою задачу, предоставив высшему политическому и военному руководству страны необходимые сведения о готовящемся вторжении. Часть этих материалов сведена в книгу "Секреты Гитлера на столе у Сталина". Из них следует, что военные приготовления противника были вполне очевидны.

Приведем наиболее показательные отрывки из донесений разведки и пограничников, доложенных Сталину, чтобы читатель

мог сам оценить уровень их убедительности.

Народный комиссар внутренних дел УССР Сергиенко. 16 мая 1941 г.: "По границе с СССР сконцентрировано около 3 млн. немецких войск" (с. 107){1}.

Докладная от 2 июня 1941 г.: "Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Райхенау - в районе местечка Улыувек (9 км от линии границы); 18 мая генерал с группой офицеров - в районе Белжец... и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов.

Отпуска военнослужащих из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР, в районе: Воловец (Венгрия) и Сучава-Ботошани (Румыния).

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия" (с. 136, 137) {1}.

Докладная от 11 июня 1941 г.: "Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает. В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены предварительно какие-либо требования Советскому Союзу - неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара...

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР Фитин" (с. 155){1}.

Докладная от 18 июня 1941 г.: "По имеющимся в НКГБ СССР данным, за последние дни среди сотрудников германского посольства в Москве наблюдается большая нервозность и беспокойство в связи с тем, что, по общему убеждению этих сотрудников, взаимоотношения между Германией и СССР настолько обострились, что в ближайшие дни должна начаться война между ними.

Наблюдается массовый отъезд в Германию сотрудников посольства, их жен и детей с вещами. Так, за время с 10 по 17 июня в Германию выехало 34 человека...

Народный комиссар безопасности СССР Меркулов" (с. 163) {1}.

Агентурные данные подтверждались войсковой разведкой. Генерал-майор Г.Н. Захаров, служивший тогда в Белорусском военном округе, вспоминал в книге "Повесть об истребителях", что во второй половине июня 1941 г. ему было приказано

пролететь над 400-километровым участком западной границы с задачей определить обстановку вдоль приграничной полосы. "Все увиденное, - писал Г. Н. Захаров, - вызывало чувство тревоги и недоумения: приграничные районы западнее государственной границы были забиты фашистскими войсками; в деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия, грузовики; по дорогам шныряли мотоциклы; передвигались легковые, судя по всему, штабные автомобили. Создавалось впечатление, что где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое притормаживалось здесь у самой нашей границы, готовое вот-вот перехлестнуть через край... В тот же день, поздним вечером, в присутствии командующего авиацией округа И.И. Копеца, я докладывал обо всем, что увидел, командующему войсками округа Д.Г. Павлову".

В разведсводках приграничных округов постоянно отслеживалось развертывание германских войск у советских границ. Реакция командования Прибалтийского и Киевского военных округов была адекватной: войскам были отданы первые мобилизующие приказы. Но тут же последовал запретительный окрик из Москвы: "Командующему войсками Киевского Особого военного округа. Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье.

"Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. 10 июня 1941 г. Жуков" (с. 225){2}.

А 20 июня за подписью начальника Генштаба ушло предупреждение командованию Прибалтийского ОБО: "Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении положения номер два. Это значит провести по Прибалтике затемнение... Сейчас ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить отданное распоряжение, дать объяснение для доклада наркому. Жуков" (с. 226){2}.

Именно 20 июня 1941 г. штаб 11-й армии Прибалтийского округа послал следующее донесение: "Задержанный в ночь на 20.06.41 перебежчик 13-й роты 58 пп 6 пд показал, что... немецкие части у границы окопы не копают, имея в виду переход в наступление..." (1989, No 5, с. 48){3}.

Но Жуков лишь выполнял чужую волю. В 1966 г. он так объяснял свое поведение в те дни на встрече в редакции "Военно-исторического журнала": "Надо, конечно, иметь в виду категорическую установку Сталина. Он твердо сказал, что, если

мы не будем провоцировать немцев на войну, войны не будет. Тимошенко кое-что начал двигать, несмотря на строжайшие указания... Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку" (1989, No 5, с. 29){3}.

Все нити управления военной машиной были сосредоточены в руках одного человека - И.В. Сталина. Ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба, ни тем более командующие округами не имели права на серьезную инициативу без согласования со Сталиным, хотя до июля 1941 г. он не имел официального звания Верховного Главнокомандующего. Сталин же требовал от всех одного - не предпринимать никаких превентивных мёр по защите границы от возможного удара Германии.

В. Суворов в своей знаменитой и рубежной для постсоветской историографии книге "Ледокол" объяснил удивительную военно-политическую глухоту Сталину относительно возможного удара Германии тем, что вождь как великий стратег не мог поверить в решимость Гитлера начать войну на два фронта. Возможно, В. Суворов и прав, но эта версия работает против Сталина, доказывая его чрезмерную самоуверенность. В 1941 г. какой-либо серьезной войны на Западе быть не могло. У Великобритании просто не было надлежащих сил. Ее войска с трудом сдерживали в Африке две дивизии Роммеля. В то же время Гитлер считал, что вермахт не сможет благополучно форсировать Ла-Манш после неудачной попытки завоевать господство в небе над Британией. Становилось очевидным - сложилась патовая ситуация в духе времен Наполеона I. Но зато Гитлер был уверен в успехе блицкрига против СССР. У Гитлера была своя логика, и не следовало Сталину приписывать ему свои представления, ибо у того логические умозаключения могли строиться на совершенно иных посылках. Задача аналитика - понять оппонента, какой бы чуждой, "нелогичной" ни, выглядела его логика. А что у Гитлера она была очень своеобразной и что он обладал смелостью, доходящей до авантюризма, доказывала вся его политическая биография. Внешне нелогичными, авантюристичными были и "пивной путч", и поджог рейхстага, и вторжение в Рейнскую область, и самоуверенное уничтожение Версальского договора, и оккупация Чехии, и нападение на Польшу, и морской поход в Норвегию и т.д. Почему такой человек не мог отдать рискованный приказ о вторжении в СССР, оставив в тылу (временно) полузадушенную Англию?

Странно, что, несмотря на угрозу войны, не были предприняты многие элементарные меры безопасности, которые, даже при всей боязни спровоцировать или спугнуть Германию, не

могли бы насторожить Берлин, К таким мерам относятся: рассредоточение приграничной авиации, возвращение артиллерий с полигонов, заблаговременное развертывание фронтовых и армейских командных пунктов, выдача войскам необходимого количества боеприпасов, доведение до штатной численности частей, расположенных на ожидаемых направлениях главных ударов противника и т.д. Эти мероприятия были бы куда менее заметными, чем массированная переброска сотен тысяч солдат и огромного количества техники к западным границам в мае - июне 1941 г. для формирования Второго стратегическою эшелона. Защитные мероприятия были бы оправданы еще и тем обстоятельством, что Германия на все свои жертвы нападала внезапно, причем со многими из них у нее были заключены договоры о ненападении. С Австрией такое соглашение было оформлено в 1936 г., с Норвегией - в 1939 г. Германия дала гарантий ненарушения нейтралитета Бельгии и Люксембургу.

В истории России также был случай внезапного нападения - со стороны Японии в 1904 г. Военно-теоретическая мысль Красной Армии попыталась учесть уроки истории и уделила серьезное внимание проблеме внезапности при начале военных действий.

На эту же тему достаточно осмысленно говорили и другие участники совещания;

Д.Т. Козлов (начальник Главного управления ПВО РККА): "Нанося удар по воздушным силам противника, в первую очередь нужно уничтожить авиацию, которая имеет наиболее современную материальную часть, так как разгром этой авиации немедленно дает превосходство в воздухе. На французском фронте немцы в первую очередь нанесли удар по аэродромам, на которых находилась наиболее современная французская авиация" (с. 183){6}.

М.М. Попов (командующий 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта): "Для господства в воздухе наступающий обязан обеспечить себе господство путем разгрома авиации противника на аэродромах и в воздушных боях (иногда спровоцированных). Я считаю, что эффекты таких налетов будут зависеть от того, насколько они внезапны. В начальном этапе войны подобные налеты будут давать колоссальные результаты" (с. 186){24}.

С другой стороны подошел к проблеме командующий ВВС Дальневосточного фронта генерал К.М. Гусев: "Почему германская авиация разбила польскую? Потому, что в мирное время средствами агентуры Германия знала точную дислокацию и наличие аэродромной сети Польши и поэтому Германия била не

по пустому месту, а по польской авиации" (с. 192){6}.

За развитие аэродромной сети как средства свести к минимуму внезапный удар авиации противника ратовал командующий ВВС Прибалтийского военного округа генерал Г.П. Кравченко: "Если наземные части прикрываются развитым сильным укреплением районов, то авиация может прикрываться только развитой сетью аэродромов. Я считаю, что у одной-двух эскадрилий должен быть аэродром. Своевременно предупредить нашу авиацию, базирующуюся в радиусе 50-100 км, о пролете авиации противника, имеющей скорость до 600 км, никакой пост ВНОС не сумеет" (с. 193){6}.

И еще одно ценное замечание сделал Кравченко. Он предостерег от уверенности, что борьбу за господство в воздухе можно решить ударами по аэродромам: "Я считаю, что соотношение между потерями на аэродромах (и в воздухе) будет такое: в частности, на Халхин-Голе у меня было .- так - 18 часть я уничтожил на земле и 78 в воздухе... (ошибка сканирования)Поэтому надо ориентироваться на это и готовиться в основном к сражению в воздухе" (с. 194){6}. Опыт войны ж(ошибка сканирования){4} подтвердил позицию выступавшего. Потери советских ВВС в июне 1941 г. составили примерно ту же пропорцию, о которой говорил Кравченко. Решающие бои за господство произошли в воздухе.

Критическим и, как выяснилось позднее, пророческим оказалось резюме в выступлении помощника начальника Генерального штаба РККА no-(ошибка сканирования) ВВС генерала Я.В. Смушкевича: "Мы можем безошибочно сказать, что огромное количество вопросов, которые были выявлены, скажем, в Испании, на Хасане, Халхин-Голе, а затем и в Финляндии сейчас составляют почти основу тактики действий ВВС на Западе... Вся беда в том, что (мы) не проводим в жизнь того, что знаем, беда в том, что мы не обучаем наши ВВС, как выполнять известные нам формы боевого применения ВВС" (с. 196){6}.

22 июня 1941 г. подтвердило существование этой проблемы. Совещание состоялось, на совещании много и правильно говорили; толку же оказалось ничтожно мало. Знакомо? Сколько такого рода представительных совещаний будет проведено в нашей стране и в последующем, с массой верных замечаний и предложений и своим "22 июня" в итоге?

Но внезапность, пусть и чисто теоретически, не должна была представлять для высшего командования Красной Армии неодолимую проблему. А раз так, то соответствующие воззрения нашли свое отражение в военных планах.

Планы

Оперативные документы РККА свидетельствуют о достаточно высоком уровне стратегического мышления предвоенного руководства Красной Армии. В сентябре 1940 г. военный нарком С. К. Тимошенко и начштаба РККА К.А Мерецков пишут Сталину докладную "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы". В этой квинтэссенции военной доктрины высшего профессионального руководства Красной Армии без дипломатических околичностей констатируется: "На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия... Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша - Финляндию и Румынию" (1992, No 1, с. 24){3}.

Далее следовали выкладки о возможных силах противника. По расчетам Генштаба РККА, Германия в 1941 г. имела 243 дивизии, из которых до 140 пехотных, 15-17 танковых, 8 моторизованных и до 12 тыс. самолетов могло быть направлено против СССР. Считалось, что Финляндия могла выставить 15-18 пехотных дивизий, Румыния - около 30 пехотных и 3 кавалерийских дивизий и 1100 самолетов, Венгрия - до 15 пехотных дивизий, 2 танковых дивизий и 2 кавалерийских бригад. Всего - 253 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов (там же, с. 24, 25).

На деле Германия против СССР смогла выделить в июне 1941 г. 153 дивизии, из них 17 танковых и 13 моторизованных, Румыния - 19 дивизий, Венгрия - 4 бригады. Таким образом, высшее руководство Красной Армии верно определило будущих противников, но при этом существенно преувеличило их силы. Но в таком деле, как война, лучше преувеличить, чем недооценить возможности врага.

Не менее плодотворным, как показали будущие события, оказался анализ возможных направлений ударов неприятеля. Итак:

"3. Вероятные оперативные планы противников. Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ровно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжи и Бреста с последующим развитием их в направлении Барановичи Минск.

Вполне вероятен также... их удар... на Дубно, Броды с целью выхода в тыл нашей Львовской группировке и овладения Западной Украиной.

На юге возможно ожидать одновременно с германской армией перехода в наступление из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

- к северу от устья р. Сан немцы могут иметь на фронте Мемель - Седлец до 123 пехотных и до 10 танковых дивизий и большую часть своей авиации;

- к югу от устья р. Сан - до 50 пехотных и 5 танковых дивизий с основной группировкой их в районе Холм, Тамашув, Люблин" (1992, No 1, с. 25){3}.

За исключением отдельных деталей вермахт наступал именно по тем направлениям, о которых говорилось в докладе, и почти указанными силами. Какой план действий предложили военачальники Сталину для отражения предполагаемой агрессии?

1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск;

2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника (в июне 1941 г. - это соответствовало 4-й танковой группе, 6-й и 17-й армиям группы "Юг". - Б.Ш.) и выйти на р. Висла.

4. Активными действиями Северо-Западного и Западных фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом Минское и Псковское направления" (1992, No 1, с. 27){3}.

Можно с уверенностью утверждать: предложения по отражению грядущей агрессии были весьма основательными, взвешенными и оперативно обоснованными. Казалось бы, оставалось положить в основу оборонных мероприятий положения этого доклада и спокойно (напомню: стоял сентябрь 1940 г.!), но целеустремленно готовить вооруженные силы к неизбежному... Может быть, у военного руководства не хватало ясного понимания того, к какой войне готовить армию?

Об оперативной подготовке С. К. Тимошенко у историков нет единого, устоявшегося мнения. Его затмили военачальники следующей волны - Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А. М. Василевский. Поэтому есть смысл привести обширные выдержки из его речи на совещании высшего командного состава Красной Армии 31 декабря 1940 г., которые дают достаточно яркое представление об оперативно-стратегических взглядах нового наркома обороны.

Маршал С.К. Тимошенко докладывал: "В области оперативного искусства, в области фронтовой и армейской

операции происходят крупные изменения.

Прежде всего важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными десантами обеспечило высокий темп и силу современного оперативного наступления.

Наступательные операции во время войны 1914- 1918 гг. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине. Немецкие танковые дивизии в 1939-1940 гг. упредили подтягивание этих резервов... Не случайно немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914-1918 гг. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления - в высоком темпе и непрерывности наступления" (с. 338-339){6}.

Все верно. Именно так немцы наступали и в 1941 г. "Ряд успешно проведенных на Западе прорывов в войне 1939-1940 гг. породил у некоторых исследователей мысль о кризисе современной обороны, - продолжал Тимошенко. - Такой вывод необоснован. Оборонительная линия Вейгана, например, будучи наспех и не совсем по-современному оборудована, сыграла свою роль, и немцы потратили более недели на преодоление с боем только этого препятствия.

Опыт войны показывает, что современная оборона не может ограничиться одной тактической зоной сопротивления, что против новых глубоких способов прорыва необходим второй и, пожалуй, третий оперативный эшелон обороны, состоящий из оперативных резервов, специальных противотанковых частей и других средств. При этих условиях оборона приобретает вновь свою устойчивость и сохраняет все права гражданства в будущем" (с. 341){6}.

"7. Оборона сама должна носить в себе идею маневра. Во всех случаях оборона должна преследовать цель: заставить наступающего противника принять бой в невыгодных для него условиях, с тем чтобы, используя заранее выбранную и подготовленную местность, организованную систему огня всех видов, нанести противнику наибольший урон, сломить его наступление и тем самым подготовить предпосылки для собственного перехода в наступление".

Стоит отметить - именно по такому плану была организована битва на Курской дуге.

"Оборона должна быть... противотанковой, рассчитанной на отражение массовой танковой атаки - порядка 100- 150 танков на километр фронта" (с. 342){6}.

Правильность этих положений из доклада наркома подтвердил самый главный судья - война. Но раз все так чудесно складывалось - и нарком был передовой, и начальник Генерального штаба понимающий, - оставалось разработать соответствующие, уже детализированные, оперативные планы и готовить по ним войска приграничных округов. Время торопило, тем более что в "Акте о приеме Наркома Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е." констатировалось:

"К моменту приема и сдачи Наркомата Обороны (С.К. Тимошенко был назначен наркомом обороны вместо К.Е. Ворошилова в марте 1940 г. - Б.Ш.) оперативного плана войны не было: по Западу - в связи с занятием Западной Украины и Западной Белоруссии" (1992, No 1, с. 8){3}.

Но далее началось нечто странное. Дадим слово участникам событий - тем командирам, которые 22 июня 1941 г. встретили удар вермахта первыми. Свидетельства были собраны Военно-научным управлением Генштаба Советской Армии в начале 50-х гг. и опубликованы "Военно-историческим журналом" в 1989 г.

Генерал П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией): "Командующим я был назначен в марте 1941-го. Должность обязывала меня прежде всего ознакомиться с планом обороны государственной границы с целью уяснения места и роли армии в общем плане. Но, к сожалению, ни в Генеральном штабе, ни по прибытии в Ригу в штаб ПрибВО я не был информирован о наличии такого плана. В документах штаба армии я также не нашел никаких указаний по этому вопросу. Лишь 28 мая 1941 года я был вызван в штаб округа, где командующий войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов наспех ознакомил нас с планами обороны".

Генерал И.П. Шмелин (бывший начальник штаба 11-й армии Прибалтийского округа): "Такого документа, где бы были изложены задачи 11-й армии, не видел".

Генерал П.И. Ляпин (бывший начштаба 10-й армии Западного военного округа): "План обороны госграницы 1941 года мы неоднократно переделывали с января до самого начала войны, да так и незакончили".

Генерал Л.М. Сандалов (бывший начштаба 4-й армии Западного ОВО): "В апреле 1941 г. командование 4-й армии получило из штаба ЗапОВО директиву, согласно которой надлежало разработать план прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск на брестском

направлении... Основным недостатком окружного и армейского планов являлась их нереальность. Значительной части войск, предусмотренной для выполнения задач прикрытия, еще не существовало. Например, 13-я армия и 14-й механизированный корпус находились в стадии формирования".

Генерал В.С. Попов (бывший командир 28-го стрелкового корпуса 4-й армии: "План обороны государственной границы до меня, как командира корпуса, доведен не был".

Так обстояло дело в Прибалтийском и Белорусском округах. А вот в Киевском, по утверждению начштаба округа М.А. Пуркаева, дело обстояло совершенно иначе: "План обороны государственной границы был доведен до войск" (1989, No 3, с. 66){3}. Но бывшие подчиненные придерживались несколько иного мнения.

Генерал З.З. Рогозный (бывший начштаба 15-го стрелкового корпуса 5-й армии): "Примерно в середине мая 1941 года штабом 5-й армии был разработан план прикрытия государственной границы... Документов, касающихся плана обороны, штабы корпуса и дивизий не имели, но задачи и частные планы обороны знали".

Генерал Г.И. Шерстюк (бывший командир 45-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса): "План обороны госграницы со стороны штабов 15-го стрелкового корпуса и 5-й армии до меня, как командира дивизии, никем и никогда не доводился, и боевые действия дивизии (я) развертывал по ориентировочному плану, разработанному мной и начальником штаба".

Генерал П.В. Черноус (бывший начштаба 72-й горнострелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии Киевского ОБО): "План обороны государственной границы до частей дивизии был доведен командованием 8-го стрелкового корпуса. Однако он был составлен не по организации горно-стрелковой дивизии, а стрелковой".

Итак, этот неполный сборник свидетельств командиров приграничных военных округов демонстрирует просто убийственную картину состояния штабной подготовки войск к войне. И это ведь был не 1939 г., когда европейская война едва разгоралась, и не 1940 г., когда события развивались быстро и неожиданно. К тому же военные руководители РККА, как показывает приведенный выше доклад С.К. Тимошенко и К.А. Мерецкова, все прекрасно понимали. И как итог всего этого: "План обороны государственной границы до меня доведен не был..."

Не означает ли это, что советские штабы готовились к чему-то другому? В. Суворов доказывает, что вялая разработка планов

обороны объясняется нацеленностью верхов страны на "освободительный поход" Красной Армии в Европу. Эта версия может быть подкреплена рядом косвенных свидетельств. Например, К. Симонов приводит слова А.М. Василевского, с которым он имел обстоятельную беседу: "Что касается оперативных планов, то я как человек, по долгу своей службы сидевший в Генеральном штабе на разработке оперативных планов по Западному округу... хорошо знаю, насколько подробно были разработаны все эти планы. Я сидел на этих планах и на внесении в них всех необходимых корректив с сорокового года" (с. 450){7}, Итак, планы были, и планы детальные, но не оборонительные, которые стали разрабатываться лишь весной 1941 г., да и то без спешки.

Рассекреченные и опубликованные документы свидетельствуют о достаточно сложном процессе составления оперативных планов Красней Армии накануне войны.

14 октября 1940 г. были утверждены "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940-1941 годы". То был план не только формирования стратегических группировок Красной Армии. В нем содержались разработки по ведению боевых действий фронтового масштаба в случае войны с Германией (т.е. конкретные выводы из сентябрьского доклада С.К. Тимошенко и К.А. Мерецкова).

В "Соображениях..." декларировалось, что "Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке против Японии" (с. 57){8}. В качестве ответной меры предполагалось нанести главный удар с территории Украины в направлении Люблин - Краков - Бреслау с дальнейшим поворотом к Балтийскому побережью.

В "Соображениях..." рассматривались и другие возможности как ударов со стороны Германии, так и ответных действий Красной Армии (например, предусматривался удар по Восточной Пруссии).

Этот план действовал как минимум до мая 1941 г. Дальше все еще сложнее и запутаннее. 15 мая 1941 г. по инициативе наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генштаба Г. К. Жукова появляется очередной проект "Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками". Принципиально новым в документе являлось предложение о немедленной превентивной войне против Германии. Авторы проекта предостерегали: "Учитывая, что Германия в настоящее

время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания" (с. 304){8}. Главный удар Красной Армии предполагалось также нанести через Южную Польшу на Краков - Катовице с последующим поворотом на север и овладением территориями Польши и Восточной Пруссии.

Для обеспечения тайного развертывания войск приграничных округов предлагалось осуществить скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса и, маскируясь выходом в лагеря, произвести скрытое сосредоточение войск вблизи границы. Но Сталин план отверг.

Историк В.А, Анфилов во время своего интервью с Г.К. Жуковым 26 мая 1965 г. попросил его рассказать об истории появления проекта майской директивы 1941 г. Жуков ответил: "Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам... Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержавшиеся в его выступлении 5 мая... "Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии", - прорычал Сталин" (1995, No 3, с. 40-41){3}.

Если Жуков был искренен и все обстояло именно так, то получается следующая картина: нарком и начштаба РККА знали наверняка, что Германия готовится к прыжку, только не через Ла-Манш, а через Буг. Доводы Сталина о невозможности Германии начать войну с СССР не действовали. Высшее руководство РККА знало о развертывании вермахта на границах и не сомневалось в истинных целях такого сосредоточения. Только спорить в открытую с вождем и прослыть паникерами не могли. Речь 5 мая

дала повод вручить Сталину документ, развязывающий руки командованию Красной Армии в его желании привести войска в боевую готовность. (Это еще не означало, что за подписанием директивы последовало бы незамедлительное нападение на Германию. Но можно было готовить приграничные округа к войне без самообмана.) Сталин не только не дал санкции на подготовку превентивного удара, но и высказал свое неудовольствие инициативой военачальников в самой резкой форме, связав тем самым руки руководителям РККА.

Сталин не просто проигнорировал озабоченность высших военных чинов армии сложившейся обстановкой на границе, запретив принять хотя бы минимальные меры повышения боеготовности войск приграничных округов. Он поставил их на место как мальчишек, будто военные профессионалы написали свою директиву от нечего делать! Но Сталин не был глупым человеком. Только самодурством этот случай не объяснишь.

И еще один показательный штрих. В 1998 г. был опубликован проект директивы Главного политического управления РККА, относящийся к первым числам июня 1941 г., о состоянии военно-политической пропаганды. В документе открыто заявлялось: "Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно". Теоретическим фундаментом служили слова Ленина о возможности социалистической страны выступать "в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств" и "как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот". Отсюда делались выводы: "Итак, ленинизм учит, что страна социализма... обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма... В этих условиях ленинский лозунг "на чужой земле защищать свою землю" может в любой момент обратиться в практические действия" (No 512){9}. Проект дважды обсуждался на совещаниях Главного военного Совета (9 и 20 июня), и хотя он так и не был утвержден, его появление не могло не отражать определенных тенденций и умонастроений в высших кругах. Наивно было бы считать, что начальник Главпура АС. Щербаков сотворил его по своей инициативе, начитавшись Ленина. Получается следующее.

1. В качестве ориентира к действию Красной Армии имелся стратегический оперативный план от 14 октября 1940 г., предусматривающий жесткую оборону с нанесением мощного удара через Южную Польшу, Об отработках этого плана, по-видимому, и говорил А.М. Василевский К. Симонову.

2. Оборонительных планов на уровне корпус - дивизия

фактически не существовало, и потому войсками они не отрабатывались, что нашло отражение в ответах командиров соединений Военно-научному управлению Генштаба. Планы прикрытия на уровне армий были сданы в Генштаб лишь в июне. Их не успели ни рассмотреть, ни утвердить.

3. Перебрасываемые из внутренних округов войска составляли второй стратегический эшелон, о целях которого у историков до сих пор нет единого мнения. Зачем перебрасывать войска, если Сталин совершенно не верил в возможность нападения Германии на СССР в 1941 г.? Но тогда зачем за неделю до войны командование Киевского военного округа переехало на фронтовой командный пункт в Тарнополь? А ведь именно армии этого округа по замыслу "Соображений..." должны были наносить главный удар через Польшу. В то же время, по утверждению генерала Горькова, изучавшего этот вопрос, "в оперативных документах всех западных приграничных округов никакие планы наступательных операций не были предусмотрены" (с. 63){8}. Выходит так: не было ни детально отработанных планов обороны, ни официально утвержденного плана превентивного удара. И это в условиях двух лет войны в Европе! Лишь в мае Тимошенко и Жуков спустили приграничным округам директиву о разработке "детальных планов обороны государственной границы" со сроком исполнения 20- 30 мая (приказы об этом см. 9, NoNo 481, 482, 483, 507). Но чем же занимались оперативные отделы штабов в 1940- 1941 гг.?

Что это - абсурд, нерациональность, хитрость? Тайна "22 июня" существует до сих пор. Непонятные факты, обрывки истины еще предстоит подтвердить (или опровергнуть) неопровержимыми архивными документами. Можно только констатировать: руководство страны перехитрило всех и вся, запутав не только историков, но и самих себя. Расхлебывать многомудрость начальников пришлось солдатам.

Абсурд будет сохраняться, если придерживаться сталинской версии об исключительно оборонительной политике руководства СССР в 1939-1941 гг. Пожалуй, наиболее рельефно ее изложил в беседе с писателем В.В. Карповым верный сталинец В.М. Молотов. На просьбу высказаться об ошибках Сталина в предвоенное время Молотов ответил: "Тут, по-моему, не ошибки, а наши слабости. Потому что к войне мы не были готовы - и не только в военном отношении, но морально, психологически. Наша задача заключалась в том, чтобы как можно дольше оттянуть начало войны... Нам удалось оттянуть войну почти на два года. Гитлер еще в 1939 году действительно, как потом выяснилось, был настроен развязать войну против нас и готовился к этому

усиленно" (с. 200){2}.

В словах В.М. Молотова все ложь (что неудивительно: этим он занимался всю сознательную жизнь) - и "психологическая неготовность" (достаточно вспомнить хотя бы книги и фильмы предвоенных лет, например кинокартины "Если завтра война", "Александр Невский", роман Н. Шпанова "Первый удар. Повесть о будущей войне" и т.д.), и военная (осеньюЛ939 г. Красная Армия имела по меньшей мере вчетверо больше танков, чем вермахт), и то, что Гитлер уже в 1939 г. готов был наступать на Москву (это с 70 боеспособными дивизиями и 2 тыс. маломощных легких танков?).

Заслуга В. Суворова как исследователя, на наш взгляд, заключается прежде всего в том, что он первым с решительностью хирурга вскрыл чрево "сталинской школы фальсификаций", касающихся проблем предвоенного периода. Но сделал он это чрезмерно эмоционально, расставив сомнительные акценты, что отпугнуло иных честных и добросовестных историков (мол, получается, что СССР - агрессор, а фашистская Германия - жертва агрессивных планов!), и потому, отвергнув выкладки Суворова, они не потрудились вдуматься в существо дела. А он лишь напомнил общеизвестное: что цель большевизма - мировая революция, а под "Социалистическим государством" понималась "вооруженная крепость в окружении капитализма". Л.З. Мехлис на XVHI (ошибка сканирования) съезде ВКП (б) прямо говорил: "Мы будем бить врагов Советского Союза так, чтобы ускорить ликвидацию капиталистического окружения" (с. 273- 274){10}. И Гитлер, и Сталин мечтали о мировом господстве - только с разных идеологических позиций.

Эта тема с учетом цензурных соображений дискутировалась советской интеллигенцией с 50-х гг. Достаточно вспомнить о нашумевшем и ходившем в списках письме публициста Э. Генри писателю И.Г. Эренбургу, посвященном проблеме сомнительной выгоды для страны советско-германского договора 1939 г. Горбачевская гласность позволила писать уже открыто о том, что вынужденно умалчивалось в хрущевско-брежневские времена. Позволю себе привести отрывки из своей статьи "Звездный час Иосифа Сталина", опубликованной в 1990 г.:

"Итак, к лету 1939 года Сталин завершил контрреформацию в стране: настала пора уделить главное внимание внешним целям... До 1939 года задачей его внешней политики было налаживание нормальных, желательно дружественных отношений с Англией и Францией. Нужно было отвлечь их от непростых, часто "негуманных", выражаясь языком либералов, процессов централизации государства... Но ничего бы не получилось, не

будь объекта, отводящего пристальные взоры от внутренних процессов кристаллизации новой мощи СССР. А объект был столь подходящ для этого, что удалось даже заключить союзный договор с Чехословакией.

Фашизм. Это не какая-то случайная удача для него. На фашизм делалась ставка еще до прихода Гитлера к власти, благо Муссолини уже являл пример возможного... Когда даже Великий экономический кризис не вывел хваленый европейский пролетариат из спячки, он один почувствовал - фашизм, вот что может раскачать буржуазную лодку!.. Фашизм - вот сила, которая пробьет широкую брешь в днище капитализма... Следом придет черед действовать первому социалистическому государству. Централизованному, организованному, сплоченному...

Теперь пришло время для второго акта. Фашизм хочет агрессии?.. Что ж, прекрасно! Империалисты станут уничтожаться руками империалистов... Гитлер мечтает о разгроме Польши? Давитесь. Но это уже будет не австрийская или чешская прогулка. Это будет настоящая война. Не с одной Польшей, а с англо-французским блоком... Опыт войны 1914-1918 годов показывает, что это продлится года три. В борьбу втянутся и другие шакалы - Италия, Япония, парочка-другая малых стран. Чем больше, тем лучше. За это время железные когорты Красной Армии будут готовы выступить на завершающей фазе... Утомленные империалистической бойней трудящиеся Европы Красную Армию поддержат. То, что не получилось в 1920 году, теперь получится".

В. Суворов наполнил эту версию обширным фактологическим материалом и новыми выводами.

Но есть в проблеме "22 июня" один аспект, мимо которого, увлеченный своей концепцией, прошел Суворов. Дело в том, что необходимость превентивного удара по Германии вытекала отнюдь не только из веры советского руководства в мировую революцию, но и из более прагматических соображений. Попытаемся ответить на вопрос: что было бы, если бы Германия победила Великобританию Сталин мог рассуждать примерно так: в 1941 г. Гитлер не сможет тянуть с операцией по высадке десанта на Британских островах, терпя и дальше бомбардировки немецких городов английской авиацией, блокаду германской экономики, отрезанную от океанских путей сообщения. И что будет, если вторжение удастся? СССР останется один и один с Германией и покоренной ею Европой. Очевидно следующим объектом нападения станет Советский Союз, причем с реальной перспективой "крестового похода" большей части европейских государств (Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, Хорватии, Норвегии Квислинга, Франции Петена, Испании, возможно,

Великобритании Мосли и лорда Галифакса), а также Турции и Японии. Война на фронте от Мурманска до Владивостока сулила СССР только одно - поражение.

Подобный просчет вариантов военно-международной обстановки был для Сталина неизбежен, как и вытекавший из него вывод о нецелесообразности для СССР оставаться одному в клещах между Германией и Японией. Соответственно был неизбежен вывод о желательности превентивного удара по Германии в случае успешного преодоления Ла-Манша вермахтом. Причем к такому выводу должно было прийти руководство страны любого - тоталитарного или демократического режима. России нельзя было оставаться один на один с фашистской Германией и воинственной Японией при любой идеологии и любой власти. Другое дело конечные цели борьбы, которые ставились бы руководством России в зависимости от идеологии и характера политического строя.

Ахиллесовой пятой в концепции Суворова является, как уже отмечалось, конкретизация даты "освободительного похода". Он отстаивает 6 июля. Но думается, что не только Тимошенко и Жуков, но и сам Сталин не знал его точной даты. Предположим, Гитлер отдал бы приказ на проведение операции "Морской лев" 10 июля, а Красная Армия выступила бы 6 июля и тем самым спасла Англию от вторжения. Нужно ли это было Сталину? Нет, конечно. По логике вещей, Сталин должен был выжидать удобного момента. А самым удобным был момент, когда отборные германские дивизии оказались бы за Ла-Маншем. Тогда Сталин достигал сразу несколько целей: 1) до самого Берлина серьезных сил, противостоящих Красной Армии, нет; 2) английский империализм повержен силами германского империализма; 3) Красная Армия выступила бы в роли освободителя от фашизма для всей Европы, включая Англию; 4) это создало бы предпосылки для советизации Европы, включая "освобождаемую" Англию; 5) советизация Англии (а равно и Франции) дала бы юридическое право распространить новый политический и идеологический строй на ее колонии и подмандатные территории. А это почти четверть планеты... Нет, не мог Сталин намечать для Красной Армии строго определенную дату "освободительного похода": слишком головокружительные, уникальные возможности открывались перед ним в 1941 г. И именно в этом, вероятнее всего, кроется разгадка отсутствия четких планов у войск приграничных округов. Сталин в силу своего характера мог и не посвящать в свои многоходовые комбинации Тимошенко и Жукова. То были исполнители, а не политические фигуры. Даже большинство членов Политбюро,

которое давно уже превратилось в исполнительный орган при диктаторе, не знали о планах Сталина, Н.С. Хрущев утверждал: "Не знаю, кто из членов Политбюро знал... о состоянии нашей армии, ее вооружения и военной промышленности. Думаю, что этого, видимо, никто не знал, кроме Сталина" (т. 1, с. 295){11}.

Сталин не собирался безоглядно нападать на Германию. В этом не было никакой нужды. Войска из внутренних округов подтягивались из того простого соображения, что благоприятные сроки предстоящего вторжения в Англию укладывались в период июль - август. С середины сентября на операциях на море и в воздухе могла сказаться неблагоприятная погода. Потому войскам из внутренних округов ставилась задача закончить сосредоточение к 10 июля. Отсюда и июньский приказ штабам особых приграничных округов о выделении фронтовых управлений с выносом их на полевые фронтовые пункты управления начиная с 13 июня. (Приказ о создании полевых фронтовых командных пунктов был издан 27 мая 1941 г.) Дальше все должны были ждать развития событий на Западе. А как они будут развиваться, не мог знать и Сталин... Нападет ли Гитлер на Англию? Если нет, то выступление Красной Армии, безусловно, отменялось, и тогда заранее составленные планы теряли смысл, а их авторы переходили в разряд нежелательных свидетелей. Ведь вплоть до 1942 г. существовала бы реальная угроза утечки информации, что могло вспугнуть Гитлера. Отсюда "странные" на первый взгляд действия Сталина - речь 5 мая перед выпускниками академий с критикой фашизма и вермахта и одновременно жесткое неприятие плана превентивного удара Жукова Тимошенко - Василевского от 15 мая.

Итак, в превентивном ударе не было необходимости. Если, конечно, Гитлер собирался реализовать план вторжения в Англию. Спешить было некуда. Расчеты показывали, что британские вооруженные силы существенно усилились по сравнению с 1940 г. Шок прошел, о чем свидетельствовала борьба в воздухе. Во главе страны стоял железный руководитель - Уинстон Черчилль. Этот не сдастся. Несомненно, Британское побережье за год было укреплено. Ну, а мощь британского флота не нуждалась в рекомендациях. Выходило, что вермахту предстояла сложная и достаточно долгая, упорная борьба сначала за плацдармы на Британском побережье, затем накопление там сил, прорыв обороны и только потом победоносное развитие наступления в глубь страны. Другими словами, у Красной Армии вполне хватило бы времени для приведения своих войск в боевую готовность, включая время для конкретизации планов с учетом складывающейся обстановки.

Наступление РККА могло начаться только в одном случае - если вермахт сумеет сломить оборону английской армии, а лучшие дивизии вермахта уйдут за Ла-Манш.

Задачей Генштаба и Наркомата обороны являлась концентрация сил в западных приграничных округах в ожидании развития событий в районе Ла-Манша. А для этого не требовалось возвращать артиллерию с полигонов, рассредоточивать авиацию и т.д. Гитлеру не давали ни малейшего повода усомниться в нейтралитете Сталина, дабы не вспугнуть "Морского льва". Отсюда "провокационобоязнь" и прочие странности, отмеченные, в частности, К.К. Рокоссовским: "Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку к прыжку вперед, - писал он, - а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали" (1989, No 4, с. 54. Показательно, что эти строки из рукописи цензура не пропустила в его книгу "Солдатский долг"){3}.

Сталин оставил без внимания проект оперативного плана военного руководства РККА от 15 мая 1941 г. исходя из того, что Гитлер не нападет на СССР, оставив нерешенным британский вопрос и повторив тем самым фатальную ошибку Наполеона. Сталин считал, что все козыри у него на руках. Отсюда хамские резолюции на донесениях разведки. Например, от 16 июня 1941 г. "Товарищу Меркулову. Может, послать ваш "источник" из штаба германской авиации к е... матери. Это не "источник", а дезинформатор. И. Ст.". От 21 июня 1941 г.: "Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его" (с. 211){2}.

Уверенность Сталина в том, что Гитлер ни в коем случае не пойдет на риск войны на два фронта, а будет следовать по маршруту, проложенному его политикой, возобладала над массивом противоположных данных и самой практикой. Сталин недооценил смелость фюрера. Ведь не побоялся же Гитлер ударить по Польше, оставив в тылу Францию и Великобританию. Не побоялся он открыть малый второй фронт, отдав приказ в апреле 1940 г. о вторжении в Норвегию, несмотря на огромное превосходство британского флота. И с чего бы Гитлеру летом 1941 г. опасаться высадки английской армии в Европе, если ее войска в мае 1941 г. были позорно разбиты на Крите парашютистами, практически не имевшими тяжелого вооружения?

Кремлевский вождь не уяснил несложную в общем-то вещь: Гитлер не мог спокойно вторгаться в Англию, оставляя в тылу Красную Армию и Сталина. Зато он мог спокойно оставить у себя

в тылу Англию с ее маломощной для наступления сухопутной армией и напасть на Советский Союз.

Сталин совершил ошибку. Его ошибка была ошибкой особого рода. Таких на первый взгляд малопонятных ошибок у него было немало. Их корни - в особой "политической философии", исповедуемой диктатором. Еще при жизни Сталина аналитики обратили внимание на его политическую сверхгибкость в сочетании с удивительным догматизмом, доходящим до паранойи, когда свершались странно неумные, ненужные вещи. Например, репрессии 30-х гг. явно вышли за рамки "разумной" чистки от оппонентов, превратившись в мясорубку, в которой гибли несомненно нужные и неопасные для режима люди. У Сталина просматривалась тяга к сверхжестким решениям, которая, правда, всегда чередовалась с полосами "либерализма".

Заслуженный троцкист республики Иосиф Виссарионович взял у Льва Давыдовича все те положения платформы, за которые осудили троцкизм, сверхиндустриализацию, сплошную коллективизацию, создание трудовых армий, куда вошла подавляющая часть населения страны, и так вплоть до огосударствления профсоюзов и перетряхивания госаппарата, только все это в куда более радикальной форме, чем у Троцкого. Но чего Сталин к 1941 г. еще не позаимствовал у Троцкого, так это каучуковую формулу "ни войны, ни мира". В 1941 г. представилась возможность использовать и ее. Сталин уверил все командование Красной Армии (точнее, заставил насильно), что войны с Германией удастся избежать, и двинул к границе резервные армии, проводя параллельно частичную мобилизацию, но запретив готовить войска к предстоящим боям. К 22 июня армия оказалась в ситуации "ни войны, ни мира" - она не была готова ни к наступлению, ни к обороне. Хитрость не удалась. Результат оказался тот же, что и в 1918 г.

История любит парадоксы. Для судеб мира решение Гитлера атаковать СССР, увы, стало благом. Разгроми Гитлер сначала Англию, и последующая схватка двух диктаторов означала бы для Европы выбор между двух зол, двух разновидностей тоталитаризма. И какой по масштабам была бы война при дальнейшем распространении власти диктаторских режимов по миру? Возможно, что человечество прошло бы через ужасы не только концлагерей, но и планетарной атомной войны... Но история в 1941 г, пошла по более "легкому" пути, правда, не для народов СССР.

Кадры, которые решают все

В сущности, в основе трагедии 22 июня лежит не просто ошибка, а должностная халатность руководителя государства, чья

самонадеянность и в то же время агрессивное упорство в навязывании своего видения ситуации в Европе парализовали деятельность высшего командования Красной Армии по организации необходимых мер к отражению "внезапного" удара вермахта. Но в том и заключается преимущество положения диктатора: трибунал судил не его единственного виновника катастрофы, а "стрелочников" в лице генералов Западного фронта и командования ВВС РККА. Но если бы суд над Сталиным состоялся, то многие факты изобличили бы в его лице "врага народа". Взять хотя бы его кадровую политику накануне войны. Известно, основой эффективности организации являются кадры, но предвоенная волна сталинских репрессий уничтожила значительную часть высшего и среднего командного состава РККА. Армия - один из важнейших инструментов государственной политики - ослабла. Казалось бы, политические цели диктатора вступили в противоречие с военной целесообразностью. Но подсудимый смог бы привести смягчающие его вину обстоятельства: диктатор не мог поступить иначе, исходя из соображений высшей политики.

И.В. Сталин не мог отдать такую важную часть государственной власти, как руководство вооруженными силами, кому-то другому, ибо как любой диктатор боялся эту власть потерять. А потерять ее можно было тремя путями: 1) либо его сместят соратники по партии; 2) либо военные с помощью верных им войск; 3) либо он погибнет от рук террориста. И никто не упрекнет тов. Сталина в том, что он, сознавая свою персональную значимость для судеб социализма, не принял мер по устранению всех этих возможностей. Это в демократическом государстве форма исполнения власти освобождала, например, Черчилля или Рузвельта от необходимости непосредственного руководства вооруженными силами. Даже если бы какой-нибудь генерал стяжал себе славу выдающегося военачальника, став популярным в народе, и, подобно Эйзенхауэру, превратился бы со временем в политического конкурента, это не грозило главе государства катастрофой. Спор за лидерство решался на выборах, которые были столь же неизбежны, как и смена времен года. Зато для диктатора устранение политических конкурентов является, заботой номер один. Даже монархи-самодержцы, владевшие властью по праву наследования, старались задвинуть удачливых полководцев, И опалы А.В. Суворова с М.И. Кутузовым, равно как и отравление М.В. Скопина-Шуйского или казнь князя И.М. Воротынского, победителя крымского хана Девлет-Гирея, от которого спасался трусливым бегством сам "грозный" царь Иван, - лишь отдельные эпизоды в бесконечной череде мировых

примеров. Ибо случаев, когда полководцы на штыках своих солдат приходили к власти, не меньше, чем фактов опалы. Если помнить эти уроки истории, тогда становятся совершенно понятными (с точки зрения психологии диктатора) действия Сталина по отношению к своим генералам, адмиралам и маршалам. Сразу после Победы 1945 г. отправлен в ссылку Г.К. Жуков, понижен в звании и уволен со службы нарком Н.Г. Кузнецов, арестованы главный маршал авиации А.А Новиков и главный маршал артиллерии Н.Д. Яковлев. И бесполезно искать истинную причину послевоенных арестов - от адмиралов Л.М. Галлера, В А. Алафузова,Т.А. Степанова, маршала авиации С.А. Худякова, генералов В.Н. Гордова, К.Ф. Телегина и других вплоть до заместителя председателя Совета Министров НА Вознесенского, курировавшего военную промышленность- в ворохе предъявленных им разнообразных обвинении. Если и были у них упущения и даже преступления, то другим, покладистым, сходило с рук и не такое. Дело в принципах властвования.

Почему расстреляли М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Егорова? Конечно, не потому, что Сталин наивно поверил в дезинформацию германской разведки об их шпионаже. Не собирался он верить и в то, что В.К. Блюхер - японский шпион и прочую подобную чепуху. Их расстреляли потому, что надвигалась большая война. Только не искушенному в политике человеку могло показаться: раз война надвигается, то надо беречь такие опытные кадры. Но тов. Сталин рассуждал иначе. В этих людях было много самостоятельности. Тухачевский обвинял наркома К.Е. Ворошилова в некомпетентности. Блюхер, вопреки "линии ЦК", упрямо считал причиной конфликта на озере Хасан ошибочные, по сути, провокационные действия советских пограничников при демаркации границы. И как будут воевать эти военачальники? Возможно, хорошо. Что будет, когда они выиграют войну? Их авторитет поднимется еще выше, они станут любимцами народа. И у этих "любимцев" под рукой будут реальные штыки. Конкуренты? Без сомнения! Значит, тов. Сталин должен предотвратить такое будущее. А предотвратив, вырастить за оставшиеся до войны годы новых военачальников, но уже менее заметных и более покладистых. Увы, не все получилось, поэтому пришлось и после войны сгибать особо зазнавшихся.

В речи на заседании Военного Совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г. Сталин так обосновал технологию замены выбиваемых кадров: "Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить. В нашей армии непочатый край талантов... Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам

испанский пример. Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию... Мы им говорили, если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей малозаметных, они же там чудеса творят. Кто такое был Павлов? Разве он был известен..." (с. 296){12}.

Знаменательно, что Гитлер и Геббельс в конце войны, пытаясь осмыслить причины надвигающего краха их власти, высоко оценивали предвоенную чистку советского вождя как предусмотрительную, о чем Геббельс неоднократно писал в своем дневнике.

Придя к выводу, что отдельные служебные перемещения и замещения не гарантируют незыблемости его власти, Сталин, по меткому замечанию писателя А.Н. Рыбакова, совершил "кадровую революцию", срезав почти весь верхний служивый слой, связанный с досталинской эпохой, заместив "стариков" людьми новой - своей - формации. Таким образом, проблема оппозиционности была полностью разрешена, что показали и война с Финляндией в 1939-1940 гг., и смертельный кризис 1941 г. Никто не посмел издать в адрес Хозяина страны даже критического писка. Но проблема смены кадров оказалась не столь просто решаемой, как это обрисовал Сталин на заседании Военного Совета. Новые кадры утверждались мучительно, что, в свою очередь, вызывало новые волны кадровых перемещений.

Первая волна была вызвана необходимостью заполнить бреши, возникшие в результате чистки 1937 г. Она вынесла на поверхность плеяду генералов с "капитанским" опытом.

Летом 1937 г. из Испании была отозвана труппа военных советников в составе Д.Г. Павлова, Я.В. Смушкевича, И.И. Копеца, К.М. Гусева, Н.Н, Воронова. Они предстали перед членами Политбюро и в тот же день получили воинские звания степенью выше прежнего и новые назначения. "Должно быть, у всех нас был очень удивленный и растерянный вид", - вспоминал Н.Н. Воронов (с. 111){13}.

Д. Г. Павлов стал заместителем начальника, а с ноября 1937 г. начальником Бронетанкового управления РККА. И в числе первоочередных дел занялся расформированием механизированных корпусов - наследия М.Н. Тухачевского. В июне 1940 г. он принял командование Белорусским военным округом, получив в 1941 г. чин генерала армии.

Я.В. Смушкевич стал заместителем начальника ВВС РККА, Н.Н. Воронов начальником артиллерии Красной Армии.

Майора К.М. Гусева (1906 г.р.), бывшего до того командиром эскадрильи, назначили командующим ВВС Белорусского военного округа. Затем его сменил И.И. Копец, который начал свой взлет с должности командира авиаотряда.

П.В. Рычагов, в 1937 г. старший лейтенант и командир звена, в I940 г. (в 29 лет!) поднялся до начальника Главного управления ВВС РККА.

Финал, однако, был трагичным. Павлова расстреляли 6 июля 1941 г., Смушкевича и Рычагова - в октябре того же года, Копец застрелился еще в июне. Гусева также расстреляли в 1941 г. - уже в чине генерал-лейтенанта, сняв с должности командующего ВВС Дальневосточного фронта.

Те же процессы происходили в звене полк - дивизия. В 1940 г. 200 командиров полков имели за плечами лишь курсы младших лейтенантов! Какой боеспособности вверенных им полков можно было от них требовать?

Были выдвиженцы "по необходимости". Из-за огромной нехватки кадров головокружительную карьеру делали иные тыловики. Так, Ф.И. Кузнецов, хотя и окончил военную академию, лишь за три года до войны получил командную должность, причем сразу заместителя командующего округом, до того работая преподавателем. Однако он был вскоре откомандирован заниматься подготовкой кадров, став начальником Академии Генерального штаба. Но опять ненадолго. В 1940 г. был назначен командующим округом, да притом не каким-нибудь внутренним, а особым - Прибалтийским. И дело здесь не в бурном росте рядов доблестной Красной Армии в предвоенные годы, как утверждают некоторые историки. Вермахт рос еще более бурными темпами, но фантастических карьерных взлетов среди капитанов или преподавателей все равно не наблюдалось. Профессиональная преемственность соблюдалась неукоснительно, что себя вполне оправдало последующими успехами вермахта.

Вторую волну назначений и перемещений вызвала финская кампания. Из командиров дивизий в командармы были выдвинуты И. Музыченко (назначен на 6-ю армию, прикрывавшую центральный участок границы Киевского военного округа), П.Г. Понеделин (стал сначала начальником штаба Ленинградского военного округа, а в марте 1941 г. командующим 12-й армией Киевского округа). Командующий артиллерией одной из армий в финской войне М.А. Парсегов был выдвинут на. должность генерал-инспектора артиллерии РККА. Но тоже ненадолго.

Наиболее крупный взлет карьеры связан с именем М.П. Кирпоноса. В 1934-1939 гг. он был начальником Казанского пехотного училища. Когда началась война с Финляндией, он попросился на фронт и в декабре 1939 г. получил в командование 70-ю стрелковую дивизию, с которой участвовал в овладении Выборгом. За эту операцию Кирпоносу присвоили звание Героя Советского Союза. С апреля он командир корпуса, с июня 1940 г.

уже командующий Ленинградским округом, с февраля 1941 г. - Киевским. Нигде ему не давали достаточно времени для изучения дела, перебрасывая с одного места службы на другое.

Столь же стремительно "набрасывались" воинские звания. Если в 1939 г. Кирпонос носил звание полковника, то в 1941 г. был уже генерал-полковником. Как показали дальнейшие события, уровень Павлова и Кирпоноса оказался, мягко говоря, недостаточным для руководства таким сложным хозяйством, как военный округ, а затем фронт. К.К. Рокоссовский, вспоминая в книге "Солдатский долг" об одном из учений, проведенных в Киевском округе, писал о Кирпоносе: "Мы много ожидали от этого учения. Надежды не оправдались. Разбор, произведенный командующим округом, был весьма бледным, трудно было даже определить, что, собственно говоря, от нас требовалось". Характеристика нелицеприятная, и корректность выражений лишь подчеркивает беспощадную суть (кстати, во втором издании книги этот абзац сняли).

В массовом порядке в армию возвращали уволенных прежде офицеров. Одним из источников пополнения были арестованные, но еще не расстрелянные командиры. Причина "либерализации" была проста: увеличение вооруженных сил не сопровождалось их качественным ростом. Расшаталась дисциплина. Так, в мае 1940 г. на совещании у замнаркома обороны генерал И. Проскуров заявил: "Как ни тяжело, но я должен сказать, что такой разболтанности и низкого уровня дисциплины нет ни в одной армии, как у нас" (1989, No 3, с. 45){3}. Потом Сталин именно нераспорядительность поставил в вину Проскурову и расстрелял в 1941 г.

С должности на должность "прыгали" в те годы не только выдвиженцы. Например, А.И. Еременко за семь месяцев сменил три должности: в декабре 1940 г. был назначен командующим Северо-Кавказским военным округом, в январе 1941 г. - командующим 1-й Особой Краснознаменной армией на Дальнем Востоке. 19 июня отозван в Москву. Какую пользу он мог принести за такое короткое время вверяемым ему войскам?

В феврале 1941 г. приступает к своим обязанностям новый начальник Генерального штаба - Г.К. Жуков, не имевший до того опыта штабной работы и сменивший К. А. Мерецкова, который пробыл в этой должности всего 10 месяцев.

Очередная волна перемещений прошла за несколько дней до войны.

Маршал Г.И. Кулик снят с поста начальника ГАУ, а его место занял начальник артиллерии Киевского военного округа Н.Д. Яковлев. Он прибыл в Москву и приступил к своим обязанностям

в ночь на 22 июня! Маршал Н.Д. Яковлев писал о своем взлете так: "Назначение начальником ГАУ было довольно почетным повышением, но очень уж неожиданным. Ведь всю свою службу до этого я прошел строевым артиллеристом и к вопросам, входящим в крут деятельности ГАУ, почти никакого отношения не имел" (с. 56){14}.

Яковлева заменил генерал М.А. Парсегов, ранее генерал-инспектор артиллерии РККА, прибывший в округ 17 июня.

А.А. Коробков приступил к обязанностям командующего 4-й армией, прикрывавшей Брест, 6 апреля 1941 г.

Командующий Южным фронтом был определен только 22 июня. Им стал командующий Московским военным округом И. В. Тюленев. Лишь вечером 22 июня он отбыл из Москвы вместе со своим начальником штаба и членом Военного Совета. Хорошо, что противник не трогал границу Южного фронта до 2 июля, и у нового начальствующего состава было немного времени, чтобы войти в

Всего же за период 1940-1941 гг. были переназначены 82% командующих округов, 53 командующих армий, 68 командиров корпусов и 71% - дивизий.

Как сказалась на боеготовности войск эта плановая чехарда, могла ответить только война.

Была и другая напасть. Это фавориты Сталина: К.Е. Ворошилов, Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис, подлинные способности которых заключались лишь в абсолютной преданности своему Хозяину. Все они прямо причастны к репрессиям офицеров. Потом, в войну, войскам предстоит еще понести тяжелые потери под их руководством, пока Сталин вынужденно не отстранит Кулика и Ворошилова от управления боевыми действиями. И уже в горниле кровавых потерь будут выковываться качественные кадры, решавшие извечную проблему войны - цену победы, оплачиваемую, в зависимости от их соотношения с посредственными командирами, большой или малой кровью.

Постскриптум. А сентября 1938 г. нарком обороны Ворошилов издал приказ, в котором обосновывалось принятое 31 августа Главным военным советом РККА под председательством Сталина решение о смещении В.К. Блюхера с поста командующего Дальневосточным фронтом. В приказе говорилось, что потери в ходе боевых действий у озера Хасан (408 человек убитыми и 2807 ранеными) "не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, ни втрое большими потерями японцев". Вина за недостаточную распорядительность возлагалась на Блюхера. Вскоре его уничтожили. На Главном военном совете присутствовали: И.В. Сталин, С.М. Буденный, Г.И.

Кулик, Д.Г. Павлов, В.М. Молотов, Е.А. Щаденко, Б.М. Шапошников. Через три года они покажут, как надо воевать, - по три красноармейца за одного немца.

Противостояние

Итак, обе стороны - и Германия, и СССР - к войне друг с другом готовились. Но кто объективно был сильнее к лету 1941 г.? Советские историки десятилетиями утверждали: Германия, у которой была лучшая техника, больше солдат и боевого опыта. И даже в постсоветское время, когда были опубликованы достаточно полные данные о вооружении Красной Армии, делались попытки утвердить сталинскую версию о неблагоприятном соотношении сил накануне войны. Так, в брошюре для массового читателя "Великая Отечественная война: цифры и факты", изданной в 1995 г. к юбилею Победы под редакцией бывшего начальника исторического управления Генштаба генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, читатель мог ознакомиться со следующим авторитетным суждением: "В 1936-1941 гг. германская танкостроительная промышленность выпускала в основном легкие танки T-II и средние - T-III и T-IV. По своим тактико-техническим данным они уступали новым советским Т-34 и КВ, но значительно превосходили все другие танки, имевшиеся в то время на вооружении Советской Армии" (с. 6){16}. Ему вторит в вышедшей в 1997 г. монографии академик Академии военных наук историк В.А. Анфилов: "Танки Т-26 и БТ были устаревшими и имели весьма ограниченный моторесурс (70-100 моточасов)" (с. 200){17}. Тем более превосходили немецкие "мессершмитты" наши "чайки". Кроме того, германская армия была отмобилизована, в то время как Красная Армия находилась в стадии развертывания. Все вроде бы верно, и все одновременно являлось тонкой фальсификацией. И лишь в период гласности стало ясно, почему власть столь, неохотно шла на опубликование полных данных о вооружении Красной Армии, ибо в таком случае картина выглядела намного сложнее и неоднозначнее.

Бронетехника во Второй мировой войне стала главной ударной силой воюющих армий. Развенчав прежние мифы, исследователи доказали, что Красная Армия располагала современным танковом парком, ни в чем не уступающим по тактико-техническим показателям танкам других стран, а по ряду моделей намного опередившим мировое танкостроение. Чтобы убедиться в высоком классе советских танков, достаточно сравнить танки Германии и Советского Союза по главным характеристикам.

Легкий немецкий T-II, являвшийся основной боевой машиной

в кампаниях 1939-1940 гг. и продолжавший составлять значительный удельный вес танкопарка Германии в 1941 г., имел броню 15 мм, пушку калибра 20 мм и запас хода без дозаправки в 150 км при мощности двигателя в 140 лошадиных сил (л.с.), тогда как советский аналог БТ-7 имел броню в 20 мм, пушку калибра 45 мм. и мотор в 400 л.с. с запасом хода до 500 км.

Средние немецкие танки Т-III и Т-IV с броней 30- 40 мм, пушками калибра 50 и 75 мм с лихвой уравновешивались танками Т-35 и особенно Т-34 и КВ-1 с их броней 45-75 мм и пушками 76 мм. Мощные дизельные двигатели советских супертанков, менее огнеопасные, чем бензиновые моторы, давали ощутимое преимущество в скорости, проходимости и маневренности перед машинами врага. К тому же снаряды немецких противотанковых пушек калибра 37 мм не пробивали броню этих машин. Бывший офицер вермахта Б. Винцер так рассказывал о своей первой встрече с "тридцатьчетверками" летом 1941 г.: "Из леса вырвались несколько танков. Наши 37-миллиметровые орудия посылали снаряд за снарядом в лобовую броню Т-34. Попадание за попаданием, но никаких пробоин. Круто в небо уходил светящийся след от взорвавшегося снаряда... советские танки прорвали наши позиции и, гремя гусеницами, покатили дальше" (с. 193){18}.

В каждом классе танков наши машины превосходили неприятельские по мощи оружия и не уступали, а чаще превосходили их по толщине брони, в скорости и маневренности. Но в исторических работах советского времени утверждалось, что новых танков у нас было мало, поэтому враг получил значительное преимущество. Обосновывалось это очень просто. Бралось общее количество танков у противника - 3700 (иногда эту цифру завышали до 4300) и сопоставлялось с числом средних и тяжелых танков в приграничных округах. Причем легкие танки вообще исключались из расклада. Выходило, что вермахт имел 3700 танков против 1800 советских. Это соотношение закрепили официальные труды - шеститомная "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг." и двенадцатитомная "История Второй мировой войны". В обоих изданиях почти одними и теми же словами было записано: "Накануне нападения Германии на СССР Советская Армия имела в строю танки разных типов, из них 1861 танк Т-34 и КВ. Основную массу машин составляли легкие танки устаревших конструкций, со слабой броней, которые подлежали замене по мере поступления новых машин..." (т. 3, с. 421){27}.

Фальсификация состояла еще и в том, что далеко не все танки немцев относились к средним, а тяжелых танков в

германской армии до конца 1942 г. вообще не было. Лишь спустя несколько десятилетий после войны стали рассекречиваться данные о танкопарке Красной Армии накануне войны. Держать в секрете, оказывается, было что, ведь Вооруженные Силы Советского Союза располагали арсеналом в 20 тыс. танков! Вермахт и не мечтал о таком количестве:

По данным немецкого военного историка Мюллер-Гиллебрандта, танкопарк сосредоточенной для вторжения в СССР германской армии насчитывал всего 3582 единицы без огнеметных танков. Из них:

180 - T-I, 746 - T-II, 772 чешских танка с пушкой 37 мм, 965 - T-III, 439 - T-IV, 230 - командирских танков и 250 штурмовых орудий.

Таким образом, лишь 1400 средних танков T-III и T-IV можно было отнести к современным. Всего же "22.06.1941 г. на Востоке, включая резерв ОКБ (2-я и 5-я танковые дивизии), имелось около 3680 танков, в Северной Африке - около 350 танков; всего свыше 4000" (т. 3, с. 19){19}. И это против 20 тыс. танков Красной Армии!

Немецкие танковые войска побеждали отнюдь не за счет технического превосходства машин. Из-за недостатка времени и средств немецкие конструкторы постоянно прибегали к паллиативным мерам. T-I создавался в 1932 г. как учебный танк, смонтированный на шасси английского танка "Карден-Ллойд". Вооружен он был двумя пулеметами. Г. Гудериан констатировал: "Никто, конечно, не думал в 1932 г., что с этими небольшими учебными танками нам придется в один прекрасный день вступить в бой с противником" (с. 21){20}.

Из-за задержки разработки и производства средних танков было принято решение запустить в серию промежуточный тип танка с пушкой 20 мм и пулеметом под индексом T-IL С этими машинами вермахт выиграл польскую кампанию.

В 1940 г. немецкая армия имела средний танк T-III с уже противоснарядной броней (30 мм - борт, 50 мм - лоб), но ее 50-миллиметровая короткоствольная пушка не пробивала броню французских танков "Рено". Пришлось устанавливать длинноствольную калибра 50 мм. Но это не спасало положение. Ее бронебойный снаряд весом 2,06 кг при начальной скорости 685 мс пробивал броню 47 мм с расстояния 500 м. Снаряд нашей пушки калибра 45 мм при весе в 1,93 кг и начальной скорости 760 мс пробивал такую броню с расстояния 1000 м. Зато на T-IV, по личному приказу Гитлера, стали устанавливать длинноствольную пушку 75 мм. Но когда началась война с Советским Союзом, выяснилось, что оснастить все T-IV

длинноствольными орудиями не удалось и немалой их части пришлось воевать с прежними короткостволками. Г. Гудериан писал в мемуарах: "Наши противотанковые средства того времени (1941 г.) могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. Например, наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор" (с. 224){20}.

Германская танковая промышленность только набирала темпы после отмены запретительных статей Версальского договора на производство вооружений. Нехватка танков вынуждала немцев использовать трофейные машины, что почти не практиковалось армиями других государств. Исключения носили эпизодический характер, но не были системой. Маршал М.Е. Катуков вспоминал, как он, обходя поле боя, после того как его дивизия приняла свой первый бой в июне 1941 г., увидел, что подбитые танки "сделаны не только в Германии. Кроме немецких Т-П, Т-III, Т-IV здесь были и чехословацкие машины завода "Шкода", и французские "Шнейдер-Крезо", "Рено" и даже захваченные в Польше танкетки заводов "Карден-Ллойд" (с. 14){21}. Такое техническое разнообразие, казалось бы, не должно было способствовать повышению боеспособности немецких танковых дивизий. Однако к вермахту вполне применима пословица "бедность не порок".

Военная авиация германских ВВС в целом шагала в ногу со временем, имея на своем вооружении в 1941 г. один из лучших мире истребителей "Мессершмитт-109" и неплохой, но быстро устаревающий пикирующий бомбардировщик "Юнкерс-87". Люфтваффе существенно отставали в разработке фронтовых и дальних бомбардировщиков. Фронтовой бомбардировщик "Хейнкель-111" из-за недостаточной дальности полета не мог бомбить, например, промышленные объекты Волги и Урала, что сыграло свою роль в соревновании двух военных экономик. К тому же у него невысокая скорость, что делало его лакомой добычей для истребителей новых типов. Дальними бомбардировщиками вермахт так и не обзавелся. Единственным современным бомбардировщиком до 1944 г. был Ю-88. Столкновения взглядов внутри руководства люфтваффе были столь острыми, что это привело к самоубийству двух генералов из высшего руководства ВВС - начальника материально-технического управления Удета (07.11.41) и начальника штаба ВВС Ешоннека (19.08.43).

Не менее драматично развивались ВВС Красной Армии. Правда, там генералы самоубийство не совершали. Их

арестовывали и расстреливали. В 1937-м, 1938-м, 1941 гг. были расстреляны начальники штаба ВВС С.А. Меженинов, В.В. Хрипин, В.К. Лавров, С.В. Тестов, П.С. Володин. Они держались в среднем по году. Сажали и авиаконструкторов - А.Н. Туполева, В.М. Петлякова, К.А. Калинина, итальянского эмигранта Р. де Бартиньи.

Столь "размашистое" руководство авиацией со стороны сталинских карательных органов не могло не сказаться на ее развитии. После первоначальных успехов середины 30-х гг. обозначился застой. К 1940 г. стало ясно, что типы самолетов, созданные на основе конструкторских разработок начала 30-х, серьезно уступают по боевым характеристикам лучшим самолетам Германии и Англии. Был объявлен организационный аврал, и уже к середине 1940 г. модели самолетов с необходимыми тактико-техническими данными предстали перед правительственными комиссиями. Быстрота воплощения идей в металл говорила о том, что конструкторская мысль в России развивалась без малейшего отставания от германской. Разница заключалась лишь в уровне ее востребованности. Качественное отставание советской истребительной авиации накануне войны есть плод чисто субъективных причин. Когда они были устранены, то КБ, авиазаводы и летчики, несмотря на все колоссальные потери, смогли в 1943 г. обеспечить господство в воздухе.

Но и к 22 июня 1941 г. положение было далеко не из худших. В 1940 г. германская промышленность произвела 10 250 самолетов, из них 8070 боевых, против 8331 самолета, построенного в СССР. Но люфтваффе в борьбе с Англией только с августа 1940 по май 1941 г. потеряло 4,4 тыс. самолетов. Правда, "мессершмитты" превосходили И-15 и И-16, вооруженные пулеметами калибра 7,62 мм. Но это не вся правда. Советские самолеты отнюдь не были беспомощны перед немецкими. Бывший нарком вооружений Б Л. Ванников в своих воспоминаниях разъяснял, что с принятием в середине 30-х гг. пулемета Б.Г. Шпитального и И.А. Комарицкого, который при калибре 7,62 мм делал 2 тыс. выстрелов в минуту (так называемая система "Шкас"), "Военно-Воздушные Силы СССР по пулеметному оружию выдвинулись на первое место в мире" (с. 144){22}. Кроме того, И-16 был очень верткой, маневренной машиной, попасть в которую, если ее пилотировал опытный летчик, было непросто. Недаром японцы на Халхин-Голе знали И-16 под именем "Овод". Доказательством тому может служить количество сбитых самолетов противника нашими истребителями на "безнадежно устарелых" машинах: Глотов Г.Ф. на И-16 сбил 16 самолетов;

Бринько П.А. - 15 самолетов; Машковский С.Ф. - 14 самолетов; Осколенко Д.Е. на И-16 и И-153 - 15 самолетов и т.д.{29}.

На 22 июня 1941 г. ВВС приграничных округов имели 1762 истребителя И-16 и 1549 И-153, что значительно превышало число истребителей Германии (1067) и ее союзников на Востоке. Старые истребители не годились для нападения из-за недостаточной скорости, но при обороне аэродромов, железнодорожных узлов требовалась не столько горизонтальная скорость, - ибо догонять самолеты противника было не нужно, они сами летели на позиции истребителей, - сколько скороподъемность и маневренность для ведения воздушного боя на вертикалях. С задачей борьбы с бомбардировщиками эти истребители в руках опытных летчиков справиться могли. А вот для прикрытия от "мессеров" нужны были уже истребители новых марок. И они были. К 22 июня 1941 г. авиазаводы выпустили 3,5 тыс. самолетов новых типов (Пе-2, Ил-2, Су-2, Ер-2 и др.), среди них 2 тыс. истребителей: 399 - ЯК-1, 1309 - МИГ-3, 322 - ЛаГГ-3. Необходимо было правильно организовать тактику боя, тем более что Гитлер любезно продал нашей стране основные типы самолетов люфтваффе, так что советское командование знало, с чем придется столкнуться. Сами немцы умело совмещали устаревшие типы танков и самолетов с новыми и одерживали победы на земле и в воздухе.

Для борьбы на Восточном фронте командование вермахта смогло выделить лишь 3664 самолета, из которых 1,5 тыс. приходилось на бомбардировщики, чуть более тысячи на истребители, 623 являлись разведчиками, остальные - транспортными и самолетами связи. Как видим, ничего сверхмощного люфтваффе предложить Красной Армии не могли. Среди этого числа самолетов более половины приходилось на морально устаревшие модели вроде бомбардировщиков "Хейнкель-111", "Хеншель-123", "Дорнье-17", транспортного "Юнкерс-52" и т.д.

Не было превосходства у противника и в таком важнейшем виде оружия, как артиллерия. Если вермахту для боев на Востоке выделили 31 тыс. орудий, то артиллерийский арсенал Красной Армии насчитывал 112,8 тыс. орудий и минометов, ив которых более 30 тыс. находилось в приграничных округах. "Артиллерийские орудия советского производства, как правило, имели высокие боевые качества, а многие из них были лучшими в мире", - утверждалось в "Истории Второй мировой войны" (т. 3, с. 385){27}. Того же мнения придерживался и Б.Л. Ванников: "К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией,

превосходившей по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую" (с. 138){22}.

В ходе войны немцы очень результативно применяли в боях минометы, что нашло свое отражение во многих художественных произведениях о войне. А как обстояло дело с минометами в Красной Армии? На 1 июня 1941 г. в Красной Армии имелось 14 200 батальонных минометов 82 мм и 3800 полковых калибра 120 мм. В германской армии самым крупным был миномет калибра 81 мм. Лишь в 1943 г. немцам удалось создать калибр 120 мм, да и то приспособив советский полковой миномет. Но в РККА были еще 160-миллиметровые минометы и уникальные установки реактивной артиллерии (будущие "катюши").

Военная промышленность

Обязательной в советской историографии была фраза о том, что на вермахт работала экономика пол-Европы, а сама Германия превосходила СССР по выпуску стали, чугуна, электроэнергии. Сравним итоговые цифры производства вооружений.

В 1940 Г. в Германии выпущено 10 250 самолетов, а также около 2 тыс. танков, около 5 тыс. орудий калибром от 75 мм. В кинофильмах, посвященных 1941 г., немецкие солдаты поголовно бегают с автоматами, но цифры опровергают этот расхожий стереотип. В 1940 г. германские оружейные заводы произвели всего 175 тыс. автоматов. В 1941 г. уже больше, но явно недостаточно, чтобы вооружить всю армию, - 325 тыс. штук.

В 1941 г. производство оружия в Германии несколько возросло, причем руководство страны считало, что намного. Было выпущено 11 030 самолетов, из них 9540 боевых; 3806 танков и САУ (из них 1366 танков и 255 штурмовых орудий в первом полугодии); 7092 орудия калибра 76 мм и выше; 4230 минометов.

Ну а чем отвечала советская промышленность?

В 1941 г. военная промышленность Советского Союза выпустила 15 735 самолетов. Одних только сверхсовременных танков Т-34 и КВ - 4300 единиц, что превысило всю произведенную в Германии бронетехнику вместе с танкетками и тихоходными и небронированными штурмовыми орудиями. Казалось бы, шансов у германских танковых войск не было никаких. А неутомимая советская промышленность на 7 тыс. орудий среднего и крупного калибра, произведенных немцами за весь 1941 г., только во втором полугодии дала армии 6520 орудий 76-мм калибра. Минометов выпустила в 10 (!) раз больше, чем противник, - 42 300 штук и опять же только во втором полугодии 1941 г. А всего за год более 53 тыс. минометов!

И все это обилие войска получали, несмотря на потери огромных производственных мощностей. Возникает вопрос: куда

же девалась эта прорва высококачественного оружия, насколько эффективно распоряжались в Красной Армии результатами самоотверженного труда Тыла?

Не сомневаясь в необходимости вступления в новую мировую войну, Сталин считал наращивание военной мощи страны первостепенной задачей. На эти цели расходовались основные средства госбюджета, и фактически экономика страны уже в 1940 г. вступила в состояние мобилизационной готовности, что и предопределило взлет производства вооружений после начала войны.

Действующая армия

Не так плохо, как это представлялось десятилетиями, обстояло дело и с соотношением вооруженных сил противостоящих сторон.

Советская официальная историография придерживалась следующей версии. К 22 июня 1941 г. Германия и ее союзники сосредоточили у границ СССР сухопутные вооруженные силы численностью 3,3 млн. человек, 4900 самолетов всех типов (из них 1 тыс. союзников), около 4000 танков и штурмовых орудий, около 40 тыс. орудий и минометов. Более точных данных советские историки почему-то дать не могли и потому называли разные цифры. Так, "История Великой Отечественной войны" приводит достаточно верную цифру наличия танков у войск вторжения 3410, а в "Истории Второй мировой войны" число округлили до 4000 и, присовокупив 260 танков немецких союзников, получили 4300 танков (т. 4, с. 21){27}. Конечно, лишняя тысяча в таком деле, как борьба с Красной Армией, не помешала бы, но как быть с истиной? Зато если "История Великой Отечественной войны" завысила цифру орудий и минометов у противника до 50 тыс., то "История Второй мировой войны" великодушно опустила ее до 47 200: 42 тыс. у вермахта и 5200 у союзников (там же). Зато оба официальных издания безбожно увеличили численность армии вторжения, включив 1200 тыс. человек в ПВО и ВВС, доведя личный состав противника до 5,5 млн. человек. Тогда как советские войска западных приграничных округов определялись в 2,6 млн. человек с 37,5 тыс. орудий и минометов (без 50-мм минометов), 1800 средними и тяжелыми танками и 1540 самолетами новых типов. Все, подсчет закончен.

На основе этих выкладок делался вывод о "значительном превосходстве немецко-фашистских войск". Конечно, и в советские времена простой арифметический подсчет позволял усомниться в безусловной справедливости официальной версии. Сравним.

Силы вторжения были разделены на три армейские группы:

"Север", "Центр" и "Юг". Финская и румынская армии имели свои полосы наступления.

Группа армий "Север" насчитывала 20 пехотных, 3 танковые и 3 моторизованные дивизии, не считая трех охранных, т.е. не предназначенных для боевых действий, дивизий. Всего 26 дивизий.

Противостоящие им войска Прибалтийского Особого военного округа имели 19 стрелковых, 4 танковые и 2 механизированные дивизии. Итого 26 дивизий.

В группу армий "Центр" входило 47 дивизий - 31 пехотная, 9 танковых, 6 моторизованных, 1 кавалерийская (по существу, тоже охранная).

Противостоящий им Западный Особый военный округ располагал 44 дивизиями 24 стрелковыми, 12 танковыми, 2 кавалерийскими и 6 мотопехотными. На этом участке советская сторона уступала немецким войскам только по пехотным дивизиям.

Группа армий "Юг" насчитывала 41 дивизию - 26 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, 4 легкопехотные, 2 горно-стрелковые. Силы союзников включали в себя 19 румынских дивизий (всего 360 тыс. человек) и 4 венгерские бригады.

Против них на первом этапе борьбы должны были действовать силы двух округов - Киевского и Одесского. Киевский Особый военный округ располагал 58 дивизиями - 32 стрелковыми, 16 танковыми, 2 кавалерийскими и 8 мотострелковыми. В Одесском округе группировались 22 дивизии - 13 стрелковых, 4 танковые, 3 кавалерийские, 2 мотострелковые. В совокупности это составляло 80 дивизий. Здесь, на юге, у Красной Армии было явное превосходство в силах.

Но германские пехотные дивизии численно превосходили советские стрелковые дивизии, поэтому реальное соотношение на границе было несколько иным{22}. По данным, опубликованным уже в постсоветское время, Прибалтийский округ насчитывал около 400 тыс. человек против 700 тыс. у группы армий "Север"; Западный округ - 625 тыс. против 820 тыс. у группы армий "Центр"; Киевский округ - 730 тыс. и Одесский 300 тыс. против 800 тыс. у группы армий "Юг" и 1,2 млн. вместе с союзниками.

Но и в этих подсчетах военные историки привычно блефовали, ибо в войска противника включались все наличные силы, в том числе и резервы, которые были введены в действие только в июле, а также тыловые службы. В результате в некоторых солидных постсоветских исторических работах численность группы армий "Центр" возрастала до 1,3 млн., а группы армий "Юг" до 1650 тыс. человек! (с. 8){16}. Не чем иным, как научной

фантастикой, эти выкладки не назовешь. В то же время в число войск приграничных округов не включались дивизии Второго стратегического эшелона, в частности уже прибывшие к началу боевых действий сильные 16-я и 19-я армии, части 21-й армии и некоторые другие. Так, 16-я армия, в состав которой входил 5-й механизированный корпус и отдельная танковая бригада, насчитывала более 1 тыс. танков! Почти столько же было во всей группе армий "Юг".

Даже без предстоящей мобилизации Красная Армия имела солидные оперативные резервы. Если у верховного командования Германии в резерве находилось 24 дивизии (21 пехотная, 2 танковые, 1 моторизованная), то у командования Красной Армии - 43 дивизии, включая 12 танковых. То были войска внутренних округов, переброска которых началась весной 1941 г. В соответствии с планом развертывания Второго стратегического эшелона из Уральского военного округа в Белоруссию перебрасывалась 22-я армия, из Приволжского округа в Киевский 21-я армия, из Харьковского - 25-й стрелковый корпус. Следом, для усиления Западного и Прибалтийского округов должны были прибыть соединения еще трех армий - 20-й, 24-й и 28-й.

Если германская армия практически полностью отмобилизовала свои войска, то советские вооруженные силы по-настоящему не трогали свои многомиллионные резервы. Поэтому численный перевес противника на северном и центральном направлениях должен был стать явлением сугубо временным и легко устранимым. Но и до подхода резервов и отмобилизованных маршевых пополнений войскам приграничных округов было чем воевать.

Ленинградский военный округ имел 1771 танк против горстки легких танков Финляндии.

Прибалтийский ОБО - 1412 танков (из них 79 КБ и 108 Т-34) против примерно 700 танков группы армий "Север".

Западный ОБО - 2136 танков (из них 117 КВ-1 и 268 Т-34) против примерно 2000 танков группы армий "Центр".

Киевский ОБО - 4772 танка (из них 320 КВ-1 и 694 Т-34) против примерно 1100 группы армий "Юг".

Одесский ВО - 1119 танков против 60 устаревших легких танков румынской армии.

Всего приграничные округа располагали 12,3 тыс. танков против 3,8 тыс. танков и самоходных орудий (которые только с натяжкой можно причислить к танкам из-за слабого бронирования) противника. Тройное превосходство! Причем количественный перевес подкреплялся наличием полутора тысяч супертанков Т-34 и КВ. Но и это было еще не все. В отличие от

германской, у Красной Армии тысячи танков находились во внутренних округах. В Московском военном округе дислоцировались три танковые и одна моторизованная дивизии, еще три танковые в Северо-Кавказском и одна дивизия в Орловском округах.

Неплохо обстояло дело и с авиацией. На 22 июня 1941 г. ВВС приграничных округов насчитывали 7133 боевых самолета. Их расклад был следующим.

Ленинградский ВО - 1045 самолетов против 280 (из которых 40 бомбардировщиков и 100 истребителей были немецкими) самолетов немецкой армии "Норвегия" и финских ВВС.

Прибалтийский ОБО - 1211 боевых самолетов против 830 самолетов группы армий "Север" (из них 270 бомбардировщиков и 210 истребителей).

Западный ОВО - 1939 самолетов. Это 802 бомбардировщика (466 фронтовых и 336 дальних, из них 139 новых конструкций); 85 штурмовиков (из них 8 ИЛ-2); 885 истребителей (из них 253 новых); 154 разведчика; 13 корректировщиков. Этим силам противостояло 1670 самолетов противника группы армий "Центр", включая 490 бомбардировщиков и 390 истребителей.

Киевский ОВО имел 1313 самолетов и Одесский ВО - 950 самолетов против 900 самолетов в группе армий "Юг", а также около 400 устарелых румынских самолетов всех типов. В других источниках встречаются еще большие цифры советских самолетов и еще меньшие у противника.

Но и это не все. Военные флоты имели собственную авиацию: Северный флот 116 самолетов, Балтийский - 656, Черноморский - 625 (в том числе 346 истребителей).

Таким образом, ВВС приграничных округов Красной Армии располагали 8,6 тыс. самолетов против примерно 3700 немецких и около 800 морально устаревших самолетов союзников. Причем эти 4500 машин включали в себя все наличные силы, которые Германия и ее сателлиты смогли выставить против СССР, тогда как во внутренних военных округах СССР находились еще многие тысячи самолетов. Но даже из скромных 3 тыс. боевых самолетов Германия выделила для внезапного удара 22 июня лишь часть этих сил, так как не могла задействовать авиацию союзников (Румыния и Финляндия вступили в войну несколько дней спустя) и ряд собственных частей. По данным зарубежных источников, в утреннем налете германских ВВС участвовало 775 бомбардировщиков, 310 пикирующих бомбардировщиков и 290 истребителей. Поражает мизерное число истребителей. Это означает, что при должной организации ВВС и ПВО приграничных округов, которые насчитывали несколько тысяч истребителей,

можно было нанести серьезный ущерб авиации противника. Что, впрочем, и произошло в последующем. К 19 июля 1941 г. люфтваффе потеряли 1280 самолетов, и это после потерь от внезапного удара по аэродромам приграничных округов.

Вернемся к дислокации войск Красной Армии в западных приграничных округах.

В официальной "Истории Второй мировой войны" указывалось, что на 22 июня 1941 г. в первом эшелоне армий прикрытия западных приграничных округов находилось 56 стрелковых и кавалерийских дивизий и 2 бригады. Во втором эшелоне армий на удалении 50-100 км еще 52 дивизии, в основном танковые и механизированные. "Для нанесения удара утром 22 июня 1941 г. в первом стратегическом эшелоне с учетом финских, венгерских и румынских войск было сосредоточено 157 дивизий (из них 17 танковых и 13 моторизованных) и 18 бригад (в том числе 5 моторизованных). Это была громадная, невиданная в истории армия вторжения" (т. 3, с. 441){27}. Еще бы! Против 56 дивизий готовились ударить 157 дивизий врага! Однако это ложь. Приведенный отрывок - типичный образчик сфальсифицированного подсчета сил официальной советской военной историографией, чье наследство и традиции еще живы в исторической науке и массовом общественном сознании. Если в первом абзаце выкладки верные, то во втором - ложные. Дело в том, что утром 22 июня венгерские, румынские и финские войска удар наносить не собирались. Финляндия вступила в войну 26 июня, Румыния - 2 июля. Естественно, и немецкие войска, находящиеся на их территории, выступили в те же сроки. А это 11-я армия с 7 дивизиями и армия "Норвегия" с 4 дивизиями. В резерве германского верховного командования находилось 24 дивизии. В свою очередь, группы армий имели свои резервы (до 3 дивизий). Поэтому реально утром 22 июня могли выступить около 100 дивизий, и исход приграничного сражения зависел от того, насколько организованно вступят в бой части прикрытия и насколько быстро подойдут дивизии второго эшелона.

Если подытожить выводы советской военной историографии, касающиеся состояния Красной Армии накануне войны, то легко вычленить главный, неустанно доказываемый тезис - подготовиться к войне не успели. И в качестве объективных причин неудач лета 1941 г. советские историки перечисляли, что именно не успели сделать: развернуть, подвезти, достроить, дообучить... Но все ли в этой тотальной недоустроенности было предопределено нехваткой времени и сил? В "Истории Второй мировой войны" читаем: "На 1 июня 1941 г. средняя укомплектованность стрелковых дивизий приграничных округов

составила: Ленинградского - 11 985 человек, Прибалтийского Особого -- 8712, Западного Особого - 9327, Киевского Особого - 8792 и Одесского - 8400 человек" (т. 3, с. 419){27}. Но, наверное, на то и были эти округа "особыми", чтобы встретить врага в полной готовности? "Однако на 1 июня 1941 г. из 170 дивизий и 2 бригад... ни одно соединение не было укомплектовано по полному штату, говорится в другой солидной работе. - 144 дивизии имели численность по 8 тыс. человек, 19 - от 600 до 5 тыс." (с. 209){24}. Во-первых, это не совсем так. Например, полностью был укомплектован 6-й механизированный корпус в Западном ОВО, имевший 1021 танк. Это три дивизии. Во-вторых, что мешало увеличить численность дивизий до необходимого уровня боеспособности? Кого, собственно, винить? Не Гитлера же! Но и по численности дивизий данные были тоже сфальсифицированы. Все дело в дате: "на 1 июня...". По сведениям генерала Ю. Горькова, работавшего с архивами, к 22 июня за счет призванных на сборы 802 тыс. человек удалось "21 дивизию укомплектовать до 14 тысяч, 72 дивизии - до 12 тысяч и 6 стрелковых дивизий - до 11 тысяч" (с. 71){8}.

Немало написано и о танках старых типов, многие из которых нуждались в ремонте. В июне 1941 г. Красная Армия имела 22,6 тыс. танков, из которых 16,5 тыс. требовали ремонта (!), утверждалось в одной из статей "Военно-исторического журнала" (1990, No 3, с. 5){3}. Это обстоятельство вряд ли может считаться смягчающим, так как подготовка к войне не равнозначна подготовке к посевной кампании. Войска приграничных округов всегда должны быть готовы к бою, тем более в условиях критической международной обстановки. Зато в воспоминаниях участников войны не встречается сетований на фатальную нехватку запчастей, хотя промышленность потеряла огромные мощности. Получается, что когда возникла необходимость, то уровень снабжения сразу повысился.

Слабость заключалась не в технике и не в ее количестве - давно доказано, что бьют не числом, а умением. Войскам "чего-то" не хватало и под Сталинградом, и на Курской дуге, и вообще нельзя всерьез надеяться, что вероятный противник даст возможность "пришить последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата". Ведь и германская военная машина покатилась навстречу войне с Советским Союзом, имея существенные пробелы в военной технике (было мало средних танков и минометов) и скудные резервы. Исход сражений решала чаще всего боевая выучка войск, хорошая организация дела, нацеленность на решающий результат. Мотивы же явных фальсификаций и умолчаний в советских исторических трудах

понятны. Надлежало представить Советский Союз и его военно-политическую верхушку жертвами агрессора. Иначе у простых людей неизбежно бы возник вопрос: почему руководство страны, которое отождествлялось с Коммунистической партией, так плохо распорядилось столь мощным арсеналом, созданным трудом этих простых людей за счет их безжалостной эксплуатации? Лучший ответ - это снять сам вопрос. И он был снят версией о "неготовности".

Была ли в комплексе проблем, которые можно назвать "феноменом 22 июня", некая фатально-объективная неизбежность поражения? Вопрос с арсеналами оружия мы рассмотрели. Анализ дает отрицательный ответ на вышеприведенный вопрос, ибо оружия и мощностей для его производства вполне хватало, а качество оружия находилось на уровне мировых стандартов и даже выше. Не было и сколь-нибудь непоправимой нехватки солдат. Резервы же были настолько обильными, что вермахт о таких и не мечтал. Тогда в чем причина случившегося летом 1941 г.?

Интересна в этой связи оценка Красной Армии ее противником. Аналитики вермахта невысоко оценивали боевые возможности РККА. В записи обсуждения плана "Барбаросса" в Ставке Гитлера от 3 февраля 1941 г. начальник штаба сухопутных сил Ф. Гальдер констатировал: "Количественное превосходство у русских, качественное - у нас". И объяснил: у противника "много танков, но плохих, наскоро собранная техника" (как это знакомо по нашим плохо собранным автомобилям!). И далее: "Артиллерией русские вооружены нормально... Командование артиллерией неудовлетворительное" (кн. 1, с. 591){9}. В этих лаконичных фразах - искомые грани истины.

Полный ответ придется давать на протяжении двух глав, но прежде всего необходимо отметить чрезвычайно высокую зависимость всего происшедшего от субъективного фактора в лице верховного командования Красной Армии. Официально во главе ее стоял достаточно опытный, целеустремленный нарком по военным делам С.К. Тимошенко. Генеральный штаб возглавлял талантливый военачальник с развитым стратегическим мышлением Г.К. Жуков. Казалось бы, все в порядке. Но фактически главой страны и ее вооруженных сил был, конечно, И.В. Сталин, скромно именовавший себя секретарем ЦК. От него зависело утверждение всех стратегических и даже оперативных мероприятий и всех сколь-нибудь значимых кадровых перемещений. Пагубность диктаторского всевластия, когда с мнением одного человека ничего не могли поделать знающие, профессионально подготовленные люди, особенно значимо

проявилась в ходе событий 1941 г.

Финал политики мира как пролога к войне

Вечером 21 июня Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев и доложил о немецком перебежчике - фельдфебеле, сообщившем, что утром 22 июня начнется вторжение. Тянуть дальше и надеяться на "авось" больше было нельзя. В кабинете Сталина собрались члены Политбюро.

- Что будем делать? - спросил Сталин, у которого в подобные щекотливые моменты всегда прорезался вкус к коллективному принятию решений.

Еще можно было объявить тревогу в частях прикрытия, привести ПВО в боевую готовность... С.К. Тимошенко повторил просьбу о приведении войск приграничных округов в боевую готовность, предложив соответствующий проект директивы.

- Читайте! - приказал Сталин. Жуков прочитал проект директивы.

Сталин возразил: мол, такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений (с. 243){25}.

Для государственного деятеля, имевшего репутацию гениального, это было непростительным промахом, ведь Гитлер к тому времени атаковал уже семь государств (Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Югославию), не отягощая себя долгими поисками повода для вторжения. Более того, по введенным самим Сталиным законам, действия, направленные на срыв мероприятий по отпору врагу, даже в силу каких-то объективных и психологических причин, должны были квалифицироваться как деяния "врага народа". Так был замучен в тюрьме В.К. Блюхер, расстреляны позже Д.Г. Павлов, П.В. Рычагов, Я.В. Смушкевич, Г.М. Штерн... Но сам Сталин в их число так и не попал.

Новая директива, составленная Г.К. Жуковым и Н.Ф. Ватутиным, предупреждала командование приграничных округов, что в течение 22-23 июня возможно нападение Германии. Ставилась задача, не поддаваясь ни на какие провокационные действия (что подразумевалось под словами "ни на какие", не обговаривалось), встретить в боевой готовности возможный внезапный удар немцев и их союзников. Для этого приказывалось в течение ночи 22 июня скрытно занять огневые точки укрепрайонов, рассредоточить и замаскировать авиацию и войска, привести в боевую готовность средства ПВО. И далее Сталин

приписал: "Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить".

Оказалось, что можно без лишнего шума принять меры, повышающие боеготовность войск, но к вечеру 21 июня они уже безнадежно запоздали.

Около полуночи М.П. Кирпонос доложил о новом перебежчике - немецком солдате 74-й пехотной дивизии, переплывшем реку с сообщением уже о часе нападения - 4 утра.

Директива из Москвы была передана в половине первого ночи 22 июня и дошла до штабов округа лишь перед самым вторжением. Войска же оставались в неведении до самого начала боевых действий.

В 3 часа 17 минут из штаба Черноморского флота поступило первое сообщение о начале войны - неизвестные самолеты пытались атаковать корабли. Потом посыпались донесения из приграничных округов об ударах вражеской авиации. В половине пятого утра вновь собирается заседание Политбюро с участием военных, В описании последовавших далее событий слово передаем Г.К. Жукову. "В кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

- Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза. Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

- Не задержать, а уничтожить, - уточнил С. К. Тимошенко.

- Давайте директиву, - сказал И.В. Сталин".

Вот так просто, с ходу, была определена стратегия всего приграничного сражения. Один военачальник, не выдержав паузы, предложил быстрое "удобное" решение, другой, не имея никакой информации о масштабах сражения, но дабы не отставать от подчиненного, добавил "решительности". Фактический главнокомандующий, подавленный своим грубейшим политическим просчетом, хватаясь за приятное ему "уничтожить", немедля утвердил предложение. Какую большую роль в исторических событиях порой играет психология момента! Так, без анализа, в условиях дефицита времени было принято первое пришедшее на ум решение, тотчас оформленное директивой, которая, по признанию самого автора, "по соотношению сил и сложившейся обстановке... оказалась явно нереальной, а потому и не была проведена в жизнь" (с. 248){25}.

Однако эпопея с директивами в этот день не закончилась. После полудня Сталин ощутил такой прилив решимости, что на

свет родилась директива No 3, отличавшаяся от предыдущей еще большей большевистской боевитостью. Если директива No 2 требовала лишь отбросить врага за государственную границу, то директива No 3 настаивала на разгроме в двухдневный срок основных сил агрессора и переносе военных действий на территорию противника. Столь абсурдное требование в условиях неотмобилизованности советских войск можно объяснить только шоковым состоянием верхов в этот день. Мнение о возможности подобных мероприятий не спросили не только у фронтовых штабов, но даже у начальника Генштаба.

Г.К. Жуков только в Киеве, куда он выехал днем как представитель Ставки, узнал о новой директиве из разговора по ВЧ (высокочастотная связь) с Н.Ф. Ватутиным. Сначала Ватутин доложил, что, "несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике". После чего он сообщил, что Сталин все же одобрил проект директивы, предусматривающий переход наших войск в контрнаступление с задачей разгрома противника на главнейших направлениях с выходом на территорию противника. Жуков позволил себе высказать недоумение таким приказом. Ватутин, согласившись с ним, заявил, что это дело решенное. Начальник Генштаба не посмел противиться воле секретаря ЦК и завизировал директиву.

Она пошла в войска в 21 час 15 минут 22 июня. Эта директива стала новой ошибкой в цепи-удавке, скованной Сталиным накануне войны. Нет нужды доказывать, что преступно планировать столь крупномасштабные операции, не имея ни устойчивой связи с фронтами, ни сведений о противнике, короче, ничего не зная по существу дела. Обычный здравый смысл требует от человека оглядеться, оценить ситуацию, прежде чем броситься в гущу драки. Директива No 3 была броском в драку с криком "ура", но с накрепко закрытыми глазами. Расплачиваться за эмоции вождей пришлось войскам. Руководство страны и Вооруженных Сил явно оказалось не на высоте, не сумев в экстремальной ситуации найти верное решение.

Перед войной на экраны страны вышел кинофильм "Если завтра война". Эта картина интересна тем, что в ней на фоне плакатных представлений о войне есть удивительные предвосхищения будущих событий, в том числе с точностью до наоборот. Фильм начинается с показа праздничного вечера. Люди отдыхают. Играют оркестры. Воскресенье! А в это время враг по ту сторону границы готовится к удару. В рецензии на фильм А. Морев писал: "Он (враг) рассчитывал неожиданным нападением смять Красную Армию, посеять панику среди войск и населения...

Страна социализма начеку! Ее невозможно застать врасплох... Фашисты просчитались. Наша страна прекрасно подготовлена к тому, чтобы защитить свой мирный труд. Фильм хорошо показывает нашу готовность... Танки рвут проволочные заграждения противника, давят его орудия, его людей"{26}.

И вот давно ожидаемая война грянула. Как посевная или уборка урожая совершенно неожиданно.

Глава 2. Время шока. Первые выводы

Предвоенный период оставил много загадок, но и первые недели войны не менее загадочны своей алогичностью. По всем военным уставам наступающая сторона обречена на неудачу, имея перед собой противника с 2- 3-кратно большими силами. Но германские дивизии не просто выигрывали сражения, но и побеждали с удивительной легкостью. Советская историография, скрывая истинное соотношение противоборствующих сил, при этом вынуждена была как-то объяснять стремительное продвижение немецких войск. Формулу оправдания дал сам И. В. Сталин, связав неудачи Красной Армии в начальный период войны с фактором внезапности нападения Германии. Получалось, что командование и войска были в шоке, и множество фактов свидетельствует именно об этом. Составим своеобразную сводку событий первых недель войны по фронтам.

Северо-Западный фронт (22 июня -19 июля)

В состав Прибалтийского ОБО, переименованного в Северо-Западный фронт, входили две армии - 8-я и 11-я.

Главные ударные силы составляли 12-й и 3-й механизированные корпуса. Части прикрытия оказались застигнутыми врасплох, вступали в бой 22 июня, как правило, небольшими группами и не могли оказать организованного сопротивления. Все пограничные мосты попали в руки противника в полной сохранности. Поэтому к вечеру соединения 4-й танковой группы под командованием Гёпнера продвинулись на 60-70 км от границы.

11-я армия, прикрывавшая Каунас и Вильнюс, была рассечена моторизованными войсками противника, что привело к потере управления и связи между частями, уничтожению большого количества запасов боеприпасов, горючего, техники из-за невозможности их вывезти. Положение могло измениться на следующий день, так как противник достиг дислокации войск второго эшелона и прежде всего сил двух механизированных корпусов - 12-го и 3-го, которые совокупно имели 1393 танка (из них 109 Т-34 и КВ), что почти вдвое превышало количество танков в группе Гёпнера. Но контратаки успеха не имели. По мнению советских историков, причиной тому было недостаточное

артиллерийское прикрытие (хотя танки имели свои пушки), слабое снабжение (вечная российская проблема) и плохая разведка. Зато воздушная разведка противника заблаговременно доносила о выдвижении наших танков и противник успевал развертывать противотанковую оборону.

День 24 июня характеризовался все большим ухудшением обстановки. 3-й мехкорпус, которому ставилась задача выйти в тыл наступающему противнику, не смог этого сделать, ибо входившей в его состав 5-й танковой дивизии уже фактически не существовало, а 2-я танковая дивизия оказалась без горючего. Попытка организовать снабжение по воздуху не удалась.

В штабе фронта решили прекратить дальнейшие попытки к наступлению ив ночь на 25 июня начать организованный отход. Остатки разбитых механизированных корпусов выводились в резерв. Плохо обстояло дело и с авиацией. За три дня ВВС фронта потеряли 921 самолет.

У соседней 8-й армии день 25 июня был отмечен управленческой неразберихой. В то время когда ее стрелковые части отходили на указанные в приказе рубежи, 12-й мехкорпус, не имея связи со штабом армии и фронта, начал очередную атаку. Лишь во второй половине дня танковые дивизии получили приказ на отход, после чего командир корпуса потерял с ними связь до 27 июня. Отход армий фронта превратился в повсеместное отступление, если не бегство.

26 июня авангард 56-го моторизованного корпуса под командованием Э. Манштейна захватил Даугавпилс и переправы через Двину. Назревал глубокий оперативный прорыв. Но на место разбитой 11-й армии выдвигалась 27-я армия генерала Н.Э. Берзарина, охранявшая до того побережье Прибалтики. Кроме того, к Двине из резерва Ставки перебрасывался 5-й воздушно-десантный корпус и 21-й механизированный корпус (98 танков и 129 орудий). Десантники в тот же день начали бой за Даугавпилс. С подходом частей 21-го мехкорпуса бой за город продолжался до 28 июня, но отбить его не удалось.

Задачей немецкого 56-го корпуса был захват и удержание до подхода основных сил переправ через Двину, причем отрыв от пехотных дивизий порой достигал 100 км. Однако риск оправдался, задача была выполнена, что обеспечило дальнейшее быстрое продвижение главных сил группы армий "Север".

В это время соседний 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в ночь на 29 июня форсировал Двину примерно в 150 км от Риги у Екабпилса. Учитывая тяжелое состояние 8-й армии, Ставка разрешила рассматривать рубеж реки как временный, а основную линию обороны развернуть в укрепленных районах по

старой границе. Командующий фронтом неправильно понял приказ и отдал распоряжение о немедленном отходе (в действительности он лишь констатировал существующее положение дел). Вечером 30 июня, узнав о предполагаемом отступлении, Г. К. Жуков поспешил разъяснить смысл указания Ставки - задержать противника на 3-4 дня, а затем уже отступать. Командующий 8-й армией из-за плохой связи смог распорядиться о прекращении отхода и восстановлении утраченного положения лишь вечером 1 июля. Но выполнить приказ войска были не в состоянии. Отступление продолжалось безостановочно. На 2 июля фронт располагал всего лишь 154 самолетами и 150 танками.

9 июля немецкие авангарды заняли Псков и 12-14 июля вышли на реку Луга в 150 км от Ленинграда. Пока у противника все шло по плану: дивизии вермахта должны были выйти к Ленинграду 21 июля. Казалось, оставались считанные дни до появления у города вражеских танков. К счастью, у противника для этого физически не хватало сил. После 600-километрового марша и боев к реке Луге вышли только авангарды танковых дивизий, пехота же сильно отстала. К тому же фронт в полосе группы армий "Север" возрос до 500 км вместо первоначальных 250.

В это время на Лужский рубеж из Ленинграда было брошено все, что возможно: отряды моряков, курсанты военных училищ и (впервые) дивизии ополчения, сформированные из гражданских лиц старших возрастов и специалистов, освобожденных от службы в армии. Потери ополченцев были особенно велики из-за их необученности и плохой вооруженности.

Большую помощь обороняющимся оказал контрудар 11-й армии в районе Сольцы у озера Ильмень. Здесь советским войскам впервые удалось наказать 56-й моторизованный корпус, который постоянно отрывался от основных сил немцев, оголяя фланги. Немцы двигались вдоль дороги и потому могли быть легко обойдены с флангов. Но советские части на такое долго не отваживались. Однако шло время, шок проходил. Новые и достаточно обильные резервы вдохновляли на смелые решения. 14 июля части 11-й армии ударили с двух сторон по флангам 56-го моторизованного корпуса и окружили одну из его дивизий (8-ю танковую). Бои продолжались до 18 июля, и лишь опыт и выучка немецких частей позволили им избежать поражения. Вызволив окруженную дивизию и нейтрализовав дальнейшие удары советских войск, Э. Манштейну пришлось оттянуть корпус назад километров на сорок.

Бои на Лужском рубеже и у озера Ильмень показали, что

столь малыми силами преодолеть новый оборонительный рубеж с ходу немецким авангардам не удастся, и 19 июля фон Лееб отдал приказ о прекращении атак до подхода основных сил группы армий "Север". Северо-Западный фронт получил передышку.

Западный фронт (22 июня - 16 июля)

Как вспоминал И.В. Болдин, занимавший в то время пост заместителя командующего Западным округом, в субботний вечер 21 июня на сцене минского Дворца офицеров шла "Свадьба в Малиновке". На спектакле присутствовало почти все руководство округа, с интересом наблюдая, как красные партизаны ловко обводят вокруг пальца недалеких бандитов. "Неожиданно в нашей ложе показался начальник разведотдела штаба Западного Особого военного округа полковник С.В. Бляхин. Наклонившись к Д.Г. Павлову, он что-то тихо прошептал.

- Этого не может быть, - послышалось в ответ.

- Чепуха какая-то, - вполголоса обратился ко мне Павлов. - Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска якобы приведены в полную боевую готовность" (с. 81){1}.

Несносная разведка в течение дня прислала много сведений, противоречащих доктрине Центра о невозможности войны. Командующий 3-й армией генерал В. И. Кузнецов сообщал из Гродно, что вдоль границы вечером сняты проволочные заграждения, а в лесу слышен гул многочисленных моторов. Сообщения с этими сведениями за подписью начштаба округа В.Е. Климовских было передано в Генштаб. Но все напрасно. Никаких мер предосторожности принимать было не велено. Как от камня, брошенного в воду, так от одного человека - Сталина исходили волны, создающие атмосферу пассивного выжидания, парализующие весь военный организм Красной Армии.

В 20 часов того же дня командующий и начальник штаба 4-й армии тоже пошли в театр. Но, по свидетельству Л.М. Сандалова (начальник штаба), командарм А.А. Коробков нервничал и даже спрашивал у него: "А не пойти ли нам в штаб?" (с. 70){2}. Около 23 часов их вызвал по телефону начальник штаба округа и предупредил, чтобы они были наготове. Коробков вызвал ответственных работников штаба, и последние часы перед войной они провели в помещении штаба армии. Коробков не имел права поднять тревогу, хотя еще 5 июня в информации из штаба округа сообщалось, что на Брестском направлении, т.е. в полосе 4-й армии, находятся 15 пехотных и 2 моторизованные дивизии (с. 73){2}. Но вечером 21 июня Г. Гудериан, командующий 2-й танковой группой, мог наблюдать в бинокль, как под звуки оркестра производится развод караула. Приведя эту выдержку из мемуаров Гудериана, Л.М. Сандалов заметил: "Гудериан явно не

понимает, что здесь он выглядит как главарь банды, нетерпеливо ожидающий наступления темноты, чтобы напасть на ничего не подозревающую жертву" (с. 90){2}. Можно было бы понять чувства автора, если бы "жертва" тоже не была вооружена танками и орудиями... В том, что 4-я армия оказалась "жертвой", а не защитницей страны, виноват, конечно, был не Гудериан.

Примерно в половине четвертого ночи Павлов, связавшись с Коробковым, сообщил ему, что ожидается провокационный налет фашистских банд на нашу территорию. На провокацию не поддаваться, лишь пленить их, но границу не переходить. Для этого необходимо привести части в боевую готовность, скрытно заняв доты Брестского укрепрайона и перебазировать полки авиадивизии, приданные 4-й армии, на полевые аэродромы (с. 92){2}. Коробков уже начал было отдавать приказания, когда обрушился шквал огня. Армейская авиация, за исключением двух десятков самолетов, была уничтожена. В это время в штаб армии поступила директива No 1, предупреждавшая о возможности провокационного нападения немцев. А в половине шестого утра пришел приказ-телефонограмма из штаба округа: "Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому" (с. 96){2}. Черный юмор войны.

Теперь все приказы либо запаздывали, либо опережали события. Характерны дальнейшие события в 4-й армии, которые с разными вариациями, но с одним результатом повторялись и в других частях прикрытия Западного фронта.

В полосе 4-й армии имелось шесть мостов через Буг: два железнодорожных и четыре автомобильно-гужевых. За 5-10 минут до начала артналета немцы захватили их. Железнодорожный мост у Бреста был захвачен десантом, высаженным с бронепоезда.

В результате артиллерийского и авиационного налета была уничтожена вся материальная часть артиллерии и почти все лошади артчастей 6-й и 42-й дивизий, призванных оборонять Брестский район.

22-я танковая дивизия находилась в 3-4 километрах от границы. Ее командир с началом артналета, не дожидаясь приказа, самостоятельно стал выдвигать танки к Бугу. Но дивизию накрыла авиация. Танки и артиллерия большей частью были уничтожены еще в парках.

Подразделения 28-го стрелкового корпуса, готовившиеся к опытным учениям, вместе с 204-м гаубичным полком 6-й стрелковой дивизии и 455-м корпусным артиллерийским полком ночевали в палатках на артполигоне. Когда на них обрушились снаряды, они решили, что это ошибка в учениях, и ракетами и звуковыми сигналами пытались предупредить "своих". Но огонь только усиливался, и тогда до всех дошел смысл происходящего - война!

К 7 часам утра немцы ворвались в Брест. Бои за город продолжались все утро, но силы были несоизмеримы, и части Красной Армии к полудню отошли. В крепости остались не успевшие отступить воины из 6-й и 42-й дивизий, а также других разрозненных частей. С их именами и связана брестская эпопея.

Около 12 часов дня немецкая авиация разбомбила два окружных артиллерийских склада. 4-я армия осталась без боеприпасов. В 14 часов авиация немцев уничтожила большую часть бомбардировщиков на аэродроме в Минске.

В тот же день по телеграфу за подписью В.Е. Климовских пришел приказ 4-й армии контрударом разгромить противника в районе Бреста и выйти к границе. В помощь из тыла должен был подойти механизированный корпус. Но Гудериану уже удалось прорвать фронт. Вечером его соединения овладели Кобрином (в 60 км от границы). При отступлении из Кобрина были взорваны крупные склады горюче-смазочных материалов (ГСМ). В сущности, к концу дня боеспособность 4-й армии как оперативной единицы свелась почти к нулю. Утром 23 июня командование армии пыталось организовать контрудар силами своего 14-го мехкорпуса, имевшего 500 танков. Однако встречный бой закончился поражением корпуса. В штабе фронта из-за плохой связи о реальном положении дел не знали. Д.Г. Павлов 23 июня приказал разгромить прорвавшиеся из района Бреста немецкие войска силами 14-го мехкорпуса и 6-й кавдивизии. Но ничего из этого замысла не получилось. Приказ о наступлении до командира корпуса не дошел (да ему вскоре уже и нечем было наступать). 6-я кавдивизия была обнаружена и атакована с

воздуха, а затем ее ослабленная атака отражена частями 47-го моторизованного корпуса противника.

Наступление танковой группы Гудериана продолжалось. Утром 24 июня 17-я танковая дивизия заняла Слоним (около 200 км от границы). 25 июня 24-й моторизованный корпус, почти не встречая сопротивления, вышел на старую государственную границу.

На правом фланге Западного фронта положение, казалось бы, должно обстоять значительно лучше. Противник свой главный удар танковыми клиньями наносил чуть севернее - на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Поэтому 10-я и 3-я армии имели время и силы для организации достойной борьбы с врагом.

22 июня в 10-ю армию самолетом прибыл заместитель командующего округом генерал И.В. Бодцин с приказом об организации контрудара. 23 июня последовал приказ Д.Г. Павлова: 6-му мехкорпусу и 6-му кавкорпусу совместно с 11-м мехкорпусом 3-й армии нанести удар по южному флангу прорвавшихся немецких частей.

Таким образом, два корпуса 10-й армии поворачивались из Белостокского выступа на север, чтобы прямо с марша атаковать наступающую из района Сувалок группировку немцев. Им навстречу должен был ударить 3-й мех-корпус 11-й армии Северо-Западного фронта. Взятую в клещи Сувалкскую группировку (т.е. танковую группу Г. Гота) предполагалось окружить и разгромить.

С оперативной точки зрения приказ не вызывал сомнения. Единственное, чего не было и быть не могло в тех условиях, так это должной организации. Уничтожение запасов горючего, господство в воздухе вражеской авиации, нехватка времени на развертывание обрекли замысел операции на провал. 11-й мехкорпус уже втянулся в бои и не мог использоваться для наступления. По той же причине не состоялся контрудар 3-го мехкорпуса, Который был разбит во встречном бою с танками Гота. 36-я кавалерийская дивизия 6-го кавкорпуса была разбомблена на марше и выведена И.В. Болдиным в лес. Лишь 6-й мехкорпус генерала И.Г. Хацкилевича, используя ночную темноту, начал развертывание в полном составе и к полудню 23 июня вышел к намеченному рубежу. Сбив заградительные заставы немцев, танки устремились вперед. Корпус имел штатную численность - 1021 танк и наполовину был укомплектован Т-34 и КВ, а потому должен был причинить противнику много хлопот. Во всяком случае, у немецких танковых генералов таких оперативных соединений не было ни в 1941-м, ни в последующие годы. Но 6-й мехкорпус смог лишь одно - героически погибнуть. Уже к вечеру стали заканчиваться запасы горючего и

боеприпасов. Утром бои развернулись с новой силой. Но теперь перед корпусом стояла более скромная задача - отбить Гродно. Противник, не тратя свои танки, бросил на соединения корпуса пикирующую авиацию и подтянул противотанковую артиллерию. Корпус завяз в боях вокруг города. Генерал-майор Хацкилевич погиб. Когда боеприпасы и горючее кончились, танкисты стали уничтожать свои машины. 25 июня противник перешел в наступление и расчленил части корпуса. Группа Болдина была отрезана и потеряла связь с остатками корпуса. Вечером 25 июня советские части начали отступать из-под Гродно.

Шесть немецких пехотных дивизий вышли победителями в трехдневном сражении с танковым корпусом и тремя (правда, недоукомплектованными) стрелковыми дивизиями 3-й армии, впервые на Восточном фронте продемонстрировав эффективность и организованность своей противотанковой обороны. Эти качества немецкие войска покажут еще не раз.

В результате боев 22-25 июня основные танковые и кавалерийские силы 10-й и 3-й армий были разбиты, значительная часть запасов горючего и боеприпасов потеряна. Их фланги были глубоко охвачены моторизованными группировками противника. Деморализованные войска обеих армий начали отдельными колоннами и группами отходить на восток.

Поскольку дивизии Гота вышли к этому времени к Молодечно (примерно в 100 км от Минска), командованию фронта стала ясна угроза окружения 3-й и 10-й армий, поэтому 25 июня оно запросило Москву дать разрешение на их отход. Верховное командование согласилось с предложением, и вечером того же дня соответствующий приказ ушел в войска. Но события развивались еще быстрее.

Танки Гота уже утром 24 июня захватили Вильнюс, а 28 июня - Минск. Город мог пасть еще раньше, но великолепно проявила себя 100-я стрелковая дивизия генерал-майора И.Н. Руссиянова. Заняв оборону в 10-15 км северо-восточнее Минска, она 26 июня не только успешно отразила атаки авангарда 3-й танковой группы, но и перешла на следующий день в наступление, отбросив его на несколько километров. Лишь подход основных сил немцев заставил стойкую дивизию отступить. Бои дивизии Руссиянова показали, что наши кадровые части при должной организации и руководстве вполне могли дать должный отпор врагу. Об упорном сопротивлении отдельных советских частей писали и Гальдер, и Гот, и другие очевидцы с немецкой стороны. Но то были лишь очаги, а не единая линия борьбы, и хотя они тормозили отдельные наступающие дивизии противника, но в целом их усилия мало отражались на общей стратегической

обстановке. Германские войска неудержимо рвались вперед.

27 июня к Минску вышли соединения 47-го моторизованного корпуса из 2-й танковой группы. Через день, 29 июня обе танковые группировки соединились. 3-я и 10-я армии оказались в окружении.

28 июня произошла смена командования Западного фронта. Вместо отозванных и затем арестованных Д.Г. Павлова и В.Е. Климовских на пост командующего фронтом заступил генерал А.И. Еременко, а начальником штаба генерал Г.К. Маландин. Через несколько дней, 2 июля, командование фронтом принял сам нарком обороны С. К. Тимошенко, а А.И. Еременко стал его заместителем. Перед новым командованием стояла задача восстановить рухнувший фронт, овладеть инициативой. Главные надежды возлагались на развертывание армий Второго стратегического эшелона.

Оборону решено было строить по рекам Днепр и Западная Двина с арьергардными боями в междуречье Березины и Днепра, которые должны были прикрыть развертывание войск второго эшелона.

Возникли проблемы и у немецкого командования. Стремительность продвижения с неизбежным отставанием пехоты вызвала у Гитлера желание приостановить наступление, но Гот и Гудериан убедили его дальше продвигаться на восток, чтобы не допустить создания фронта по линии Днепр - Двина. 30 июня в штабе 3-й танковой группы Г. Гот и Г. Гудериан уточнили взаимодействие своих групп. 3-я танковая группа должна была наступать основными силами на Витебск и Полоцк, 2-я - вдоль шоссе Минск - Смоленск. Так, не зная о планах друг друга, противоборствующие стороны начали состязание за обладание стратегическим рубежом по линии двух великих рек.

1 июля был взят Борисов. Мост взорвать не успели, и танки беспрепятственно переправились через Березину. Днем ранее была преодолена оборона отчаянно сражавшихся курсантов военного училища у Бобруйска. Немецкие моторизованные войска устремились дальше. Группа Гота уже 4 июля вышла к Двине у Витебска и южнее Полоцка. Но с какими силами? У Гота было 7 дивизий (четыре танковые и три моторизованные). У его соседа Гудериана - 9 дивизий. И это на фронте протяженностью в 500 км. Им предстояло встретиться с армиями Второго стратегического эшелона, зная о которых Гитлер наверняка приказал бы приостановить дальнейшее наступление до подхода пехоты.

На участок Полоцк - Витебск выдвигалась 22-я армия генерала Ф.Н. Ершакова с шестью стрелковыми дивизиями, в

район Витебска - 19-я армия И.С. Конева с шестью стрелковыми дивизиями. Центральный участок у Орши занимала 20-я армия генерала П.А. Курочкина. Ее списочный состав был самым внушительным: девять стрелковых, четыре танковые и две мотострелковые дивизии. Участок от Могилева до Быхова прикрывала 13-я армия с шестью

Страницы пропущены...

гов оказалась охваченной 22-я армия у Полоцка. В это же время, 10-11 июля, дивизии Гудериана форсировали Днепр у Быхова и Шклова в полосе 13-й армии. Они прорвали оборону советских войск и, громя тылы, вышли на оперативный простор. Чтобы избежать окружения, 22-я и 13-я армии начали отход. Следом вынуждены были отступать и стоящие в центре фронта 19-я и 20-я армии.

Ставка пыталась еще раз овладеть инициативой. Западному фронту было приказано утром 15 июля начать наступление, чтобы отсечь моторизованные соединения противника от его тыла и восстановить фронт. В наступлении должны были принять участие все армии, включая прибывшую 16-ю и переформированную 4-ю. Наделе в контрнаступление удалось перейти лишь отдельным соединениям 20-й и 19-й армий (последней ставилась задача отбить Витебск). Но успеха они не добились. Продвижение противника продолжалось. 16 июля 24-я моторизованная дивизия вермахта ворвалась в Смоленск, а 7-я танковая дивизия из группы Гота в Ярцево. Создалась реальная угроза окружения под Смоленском основных сил центрального участка Западного фронта. В тот же день С.К. Тимошенко сообщил в Ставку: "Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное - нет танков" (с. 50-51){5}. Правда, не было танков и у 24-й моторизованной дивизии немцев, что не помешало ей ворваться в Смоленск. Но это к слову. Главный драматизм момента заключался в том, что путь на Москву был открыт. Тимошенко еще не знал, что противник, к счастью, не имел надлежащих сил для непрерывного наступления.

У Ярцево враг перерезал единственное шоссе и железную дорогу Смоленск Москва. Связь со Смоленском поддерживалась по лесисто-болотистой местности между Ярцево и Ельней. Ширина горловины достигала не более 30 км, для моторизованных частей сущий пустяк. Но местность не благоприятствовала действию танков, поэтому клинья Гота и Гудериана нацеливались соединиться восточнее, в районе Дорогобужа. Однако на это требовалось время и этим обстоятельством воспользовался К. К. Рокоссовский. Он прибыл

на Западный фронт в середине июля, и его сразу назначили командующим особой группой с зада чей оказать в районе Ярцево помощь 16-й и 20-й армиям Рокоссовский вспоминал, что на вопрос, какие и откуда; будут выделены войска в его распоряжение, ему назвали несколько дивизий и полков. С.К. Тимошенко добавил чтобы он подчинял себе все, что найдет по дороге от Москвы до Ярцево.

До Москвы оставалось около 350 км. Предыдущие 70 километров противник одолел за три недели!

Юго-Западный фронт (22 июня - 11 июля)

В половине третьего ночи 22 июня операторы закончил прием директивы Генштаба о приведении войск в боевую готовность и необходимости занять приграничные укреплена Но на это требовалось 8-10 часов, а на развертывание всех сил армий не менее двух суток. Поэтому войска Киевского округа также были застигнуты врасплох.

Главный удар наносила 1-я танковая группа Э. Клейста. Ей предстояло наступать из района южнее Люблина, выступа, клином вдававшегося на советскую территорш Направление рассекающего удара дивизий Клейста бы; почти строго меридиональным в общем направлении на Киев и проходило через города Сокаль, Дубно, Луцк, Ровно, НІвоград-Волынский (ошибка сканирования), Житомир, Киев. После чего, передав свой участок следовавшей за ней 6-й армии, танковая группа должна была двигаться вдоль Днепра на юг с целью окружения войск Красной Армии на Правобережной Украине.

Особого внимания прикрытию Люблинского выступа командование Киевского округа не уделяло. 5-я армия генерал-майора М.И. Потапова, прикрывавшая северный участок границы (170 км), и 6-я армия генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, оборонявшая центральный участок (160 км), были смещены от острия выступа, и удар 1-й танковой группы пришелся как раз на стык этих армий.

Это направление могла бы надежно прикрыть 16-я армия генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, прибывшая из Забайкалья, но ее вскоре после начала войны стали перебрасывать на Западный фронт. В итоге крепкого, надежного положения не удалось создать ни на одном из фронтов.

В утренние часы 22 июня в бой вступили пехотные части вермахта, имевшие задачу захватить мосты через Буг, подавить пограничные заставы и, прорвав тактическую оборону, дать возможность танковым частям выйти на оперативный простор. Хотя необходимые переправы были вскоре захвачены, задуманного прорыва не получилось. Пограничные заставы и

подоспевшие стрелковые части, используя доты укрепрайонов, оказали сильное сопротивление пехоте противника. Прекрасно дралась 99-я стрелковая дивизия, удерживавшая Перемышль до 27 июня, пока не получила приказ отходить. 124-я и 41-я стрелковые дивизии обороняли свои укрепрайоны до тех пор, пока не были окружены. Они прорвали кольцо и вышли к своим в начале июля. Эти примеры дают основание утверждать, что разместись заблаговременно наши части в Перемышльском, Рава-Русском и других укрепрайонах, и немцам пришлось бы значительно дольше преодолевать их, тем самым сузив фронт наступления ударной группировки.

В полосе наступления 1-й танковой группы сильных укреплений не было, поэтому немецкой пехоте удалось быстрее подавить тактическую оборону погранчастей. Около 10 часов утра Клейст начал вводить в бой части 48-го моторизованного корпуса, который в этот день продвинулся на 20 км.

День 23 июня начался с директивы No 3, требующей перехода в контрнаступление с решающими целями. Юго-Западному фронту приказывалось сходящими ударами 5-й и 6-й армий с привлечением механизированных корпусов окружить и разгромить Люблинскую группировку противника и взять город Люблин к вечеру 24 июня. Реакцию штаба Юго-Западного фронта на новую директиву описал Г.К. Жуков, посланный 22 июня в штаб фронта в качестве представителя Ставки: "Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М. А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для ее проведения в жизнь.

Сложившееся положение было детально обсуждено на Военном Совете фронта. Я предложил М.П. Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточение механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий "Юг" (с. 251-252){6}.

Вынужденное согласие поставить подпись под малореальным документом обязывало Жукова действовать вопреки своему пониманию сложившейся обстановки и заставлять это делать других. Но, по всей видимости, у него теплилась надежда на волевое решение возникших проблем.

Наибольшей же проблемой в организации контрудар являлось быстрое сосредоточение мехкорпусов в намеченных районах. Сделать это было очень трудно из-за жестких сроков намечаемого наступления, поэтому соединениям пришлось вступать в сражение по частям и с большим потерями в пути следования. Так, за время марша 8-го мехкорпуса из-под Львова к Бродам из 858 танков намеченного района достигло около

половины машин. Остальные отстали из-за поломок и других причин. И все же танковый кулак получался увесистым.

Встречное танковое сражение охватило районы Луцка, Дубно, Броды. Сначала в бой вступили 22-й, 4-й и 15-й корпуса. Своего пика битва достигла с выдвижением 9-го, 19-го и 8-го мехкорпусов. Бронетанковые войска наносили удар по сходящимся направлениям с целью окружения 1 -и танковой группы. С северо-востока, из районов Луцк и Ровно, наступали 9-й и 19-й корпуса, с юга 8-й и 15-й. Основную силу представляли два "южных" корпуса, насчитывавших до войны 1700 танков, включая 300 Т-34 и КВ (170 в 8-м корпусе и 131 в 15-м). Но командование фронта заставило части корпусов пройти форсированным маршем несколько сот километров, после чего в районы наступления вышло чуть более половины танков. Остальные отстали из-за поломок или попросту оказались уничтоженными авиацией.

Несмотря на это, северной группе удалось вклиниться в оборону немецких войск километров на 25, южной - местами на 30-35. Были моменты (27 июня), когда казалось, что состоится окружение хотя бы части германских сил. Соединения 8-го механизированного корпуса ворвались в Дубно, где располагалась тыловая база 11 -и танковой немецкой дивизии. Но 28 июня 35-я дивизия этого корпуса сама была окружена у Дубно. Израсходовав боеприпасы и горючее, танкисты взорвали машины и пошли на прорыв. Не лучше обстояло дело и с другими дивизиями. 29 июня наступление фактически захлебнулось по всему фронту, и остатки мехкорпусов либо отступали с боями, либо выводились в тыл.

Каковы итоги грандиозного танкового сражения у Броды - Дубно, в котором приняли участие с обеих сторон в общей сложности не менее двух с половиной тысяч танков? В советской исторической литературе отстаивался тезис, что оно оказалось чрезвычайно полезным для фронта. "Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара", - писал Г.К. Жуков. Сам Георгий Константинович считал контрудар целесообразным: "Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву" (с. 259){6}. Более того, танковая труппа Клейста "была задержана в районе Броды Дубно и обессилена" (с. 256){6}.

Увы, оценка Г.К. Жукова не подтверждается фактами. Продвижение германских войск на Украине не прекращалось ни

на один день. С 22 по 25 июня 1-я танковая группа преодолела почти 80 км. С 26 по 29 июня на этом же участке, где сражались мехкорпуса, танки Клейста продвинулись еще на 120 км! 30 июня, на следующий день после окончания наступательной операции под Бродами - Дубно Ровно, командование Юго-Западного фронта с согласия Ставки отдало приказ об отходе основных сил на линию старой государственной границы.

Последуем завету Г.К. Жукова "детально разобрать оперативную целесообразность" контрудара.

Обе стороны в развернувшемся сражении преследовали решительные цели разгромить ударные силы противника и захватить инициативу. Какая из сторон достигла своих целей? Обратимся к свидетельству участников тех событий и вернемся к вопросу о "детальном обсуждении" контрудара на Военном Совете фронта.

Начальник оперативного отдела штаба фронта полковник И.Х. Баграмян, получив директиву No 3, немедленно отправился к начальнику штаба генералу М.А. Пуркаеву. с докладом. "Он с явным недоверием взглянул на меня, - вспоминает И.Х. Баграмян, - выхватил бланк и перечитал текст несколько раз. Быстро обмениваемся мнениями. Они у нас сходятся: к наступлению мы не готовы... Идем к командующему фронтом.

- Что будем делать, Михаил Петрович? - начал Пуркаев еще с порога. - Нам бы, слава Богу, остановить противника на границе и растрепать его в оборонительных боях, а от нас требуют уже послезавтра захватить Люблин!

Генерал Кирпонос... протянул руку за документом, внимательно прочитал его, поднял трубку телефонного аппарата:

- Николай Николаевич, зайди, пожалуйста, ко мне.

Член Военного Совета был, как всегда, бодр и энергичен. Командующий протянул ему директиву. Быстро пробежав ее глазами, Вашугин откинулся на спинку кресла и оглядел присутствовавших.

- Ну и что же, товарищи, приказ получен - нужно выполнять.

- Так-то оно так, Николай Николаевич, - проговорил Пуркаев, - но мы сейчас не готовы к этому. Нам пока приходится думать об обороне, а не о наступлении.

Вашугин даже привстал..." (с. 113){7}. Корпусной комиссар Н.Н. Вашугин к оперативной обстановке подходил точно так же, как и в Москве, - эмоционально, без учета реального положения. "Вот уже два дня воюем, а пока ни разу по-настоящему не ударили по фашистам, - говорил он. - Нужно бить! И не давать опомниться" (с. 114){9}. Кирпоносу не хватало мужества возразить, хотя он был согласен с доводами своего начштаба,

который прямо предупреждал, что подойти одновременно к месту начавшихся боевых действий мехкорпуса не смогут, а потому будут ввязываться в сражение по частям. Пуркаев предложил просить Ставку об изменении боевой задачи фронту с учетом реальной обстановки. Но контрудар состоялся в том виде, в каком требовали сверху. Вечером 26 июня, подводя малоутешительные итоги наступления мехкорпусов, Пуркаев вновь предложил перейти к обороне и с помощью подходящих из глубины трех стрелковых корпусов закрепиться на удобных для обороны рубежах. Мехкорпуса же отвести и подготовиться к новому удару. К этому времени ясно выявилось, что смелые, но плохо подготовленные атаки задерживают противника лишь на отдельных участках, ценой катастрофических потерь в технике. Кирпонос вынужден был принять предложение Пуркаева. В войска был послан соответствующий приказ, но в тот же день из Москвы его отменили. Ставка запретила отход и потребовала продолжать наступление: "Ни дня не давать покоя агрессору. Все" (с. 141){7}.

А утром 27 июня пришла весть, что 11-я немецкая танковая дивизия захватила Дубно и двигается дальше. Назревал прорыв, но резервов уже не оставалось. 29 июня, захватив Острог, моторизованные части противника устремились к Шепетовке - крупному железнодорожному узлу и тыловой базе фронта. Положение спасли части 16-й армии генерала Лукина, уже грузившиеся в эшелоны для отправки на Западный фронт. Они приняли на себя удар и сдерживали немцев до подхода войск Юго-Западного фронта. Механизированные корпуса, потеряв большую часть техники, начали отходить. Преследуя остатки 9-го и 19-го мехкорпусов, немцы прорвались к окраинам Ровно. Пришло известие об агонии 3-го мехкорпуса, частью окруженного у Дубно, а частью отступающего под вражескими ударами. Н.Н. Вашугин, мучимый совестью, застрелился. "Все складывалось не в нашу пользу, констатировал И.Х. Баграмян. - Увлекшись организацией контрудара, мы втянули в него все наши силы, а линия старых укрепленных районов по-прежнему оставалась без войск" (с. 149){7}. Угроза прорыва к Киеву была осознана и Ставкой. 19-й армии И.С. Конева в течение 29-30 июня было поручено организовать оборону Киева в радиусе 50-70 км от города. Так закончилось встречное танковое сражение под Дубно - Бродами, вплоть до Курской битвы 1943 г. - самое большое в истории Второй мировой войны и, как ни странно, малоизвестное.

Итак, каковы реальные итоги контрнаступления пяти мехкорпусов под Бродами - Дубно - Ровно? К 30 июня противник

достиг двух важнейших результатов, которые определили характер дальнейшей борьбы, - уничтожил основные бронетанковые силы Юго-Западного фронта и одновременно подготовил свой прорыв к Киеву. Потери фронта на 30 июня составили 2648 танков, т.е. 60% от танкопарка Юго-Западного фронта на 22 июня (4201 танк). Главная тяжесть борьбы теперь ложилась на стрелковые части. Это означало переход к пассивной обороне, чего так не хотело Верховное Командование. Пограничное танковое сражение стало поворотным в судьбе Юго-Западного фронта, а финальным аккордом стала его гибель.

Из остатков мехкорпусов командование фронта решило создать моторизованные дивизии из расчета один корпус - одна дивизия. Но Генеральный штаб приказал вывести танкистов в тыл. Зато "обессиленные" дивизии Клейста в полной мере сохраняли свою ударную мощь и неумолимо продвигались вперед. Из-за угрозы окружения войск Львовского выступа Ставка 30 июня разрешила отвести войска фронта и правого крыла Южного фронта на рубежи старей государственной границы. Это сокращало общую линию двух фронтов с 1400 до 900 км, из которых менее половины приходилось на Юго-Западный фронт. Штаб фронта перемещался из Тарнополя в Проскуров. 1 июля должны были начать отход 5-я и 12-я армии, в ночь на 2 июля - 6-я и 26-я армии.

А противник одерживал все новые победы. 2 июля был занят Тарнополь. Возникла угроза тылам 26-й и 12-й армий, что серьезно беспокоило Ставку и командование фронта. Для закрытия образовавшейся бреши были направлены свежий 24-й мехкорпус и две стрелковые дивизии - фактически последние крупные фронтовые резервы. 19-я армия И.С. Конева в это время перебрасывается под Смоленск. Оборона Киева возлагалась на местные формирования. Положение ухудшалось тем, что в наступление перешли румынские и венгерские войска, а также с территории Румынии немецкая 11-я армия, нацеленная ударить во фланг и тыл Юго-Западного фронта. 3 июля была занята Шепетовка. Группа Клейста стала продвигаться сразу в к двух направлениях - на Киев и на юг, к Бердичеву, Вечером 7 июля Бердичев был взят. Это означало, что попытка задержать врага на линии старых укрепрайонов не удалась. 9 июля немцы заняли Житомир. До Киева оставалось около 150 километров. Советские войска попытались отбить город. Силы, брошенные в атаку, были грозными - две стрелковые дивизии и три мехкорпуса. Однако в стрелковых дивизиях насчитывалось по 3,5 тыс. человек и по три десятка орудий. В 9-м мехкорпусе оставалось 66 танков, в 19-м - 35 и в 22-м - 33 машины (с. 431){8}, К 6 июля Юго-Западный

фронт потерял более 4 тыс. танков и 1200 самолетов (с. 164){3}. Но атакующие смогли оседлать Житомирское шоссе, по которому осуществлялось снабжение 3-го моторизованного корпуса, рвущегося к Киеву, Это было очень своевременно: 11 июля его части вышли на внешний обвод Киевского укрепрайона по реке Ирпень и оказались .таким образом в 20 км от столицы Украины. Никакого срыва плана молниеносного прорыва немцев к Киеву не наблюдалось. Вся надежда была на то, что у противника силы все-таки не беспредельны.

Южный фронт (22 июня -16 июля)

В судьбе Южного фронта многое еще не ясно. 9-я и отчасти 18-я армии Южного фронта были достаточно сильными оперативными объединениями, чтобы попытаться разбить румынские вооруженные силы и дать достойный отпор немецкой 11-й армии. В. Суворов в "Ледоколе" пропел чуть ли не оду их мощи. Советские армии имели 15 стрелковых, 3 кавалерийские, 6 танковых и 3 моторизованные дивизии против 7 немецких, 13 румынских пехотных дивизий и 9 отдельных пехотных бригад. И по фактической численности сил и средств положение выглядело вполне обнадеживающим. Советская сторона располагала 5554 орудиями и минометами против примерно стольких же у противника; 769 танками (60 из них Т-34 и КВ) против 60 безнадежно старых румынских танков французского производства времен Первой мировой войны; 1216 самолетами против примерно 600 противника, многие из которых (румынские) также устарели.

Личный состав Южного фронта советский источник определяет в 325,7 тыс. человек, тогда как противника в 500 тыс., из них 67% румыны (1989, No 7, с. 16, табл.){19}. Но это лукавый подсчет, ибо личный состав советских армий определялся на предмобилизационный период (21 июня), а противника - на начало июля, т.е. после мобилизации. Передержка нужна была для того, чтобы как-то объяснить труднообъяснимое - каким образом небольшие немецкие силы (около 100 тыс. солдат) при поддержке слабой румынской армии успешно оттеснили войска Южного фронта из Молдавии? Начав наступление 2 июля, противник уже 16 июля овладел Кишиневом при полной неудаче двух советских мехкорпусов - 16-го и 18-го, созданных для сокрушающей атаки. И когда в середине июля оба корпуса и две стрелковые дивизии были переданы Юго-Западному фронту, ударное значение Южного фронта окончательно упало. Причиной того, что армии Южного фронта выглядели столь бледно, что даже не справились с румынскими войсками, советская историография объясняла все тем же "превосходством врага в

силах", а вот на фактор внезапности ссылаться уже было нельзя. 10 дней - вполне достаточный срок, чтобы оправиться от шока внезапности. Потому в "Истории Великой Отечественной войны" констатировалось, что отсутствие "в июне активных действий крупных сил противника позволило командованию армии в сравнительно спокойной обстановке привести войска в боевую готовность" (т. 2, с. 43){10}: Но что толку? Странно и то, что не была предпринята попытка разбить сравнительно слабые румынские войска и создать угрозу Плоешти - основному нефтяному источнику для Германии.

Нельзя сослаться на внезапность как на причину отступления и Карельскому фронту. Финляндия открыла боевые действия 28 июня. Но прежде, 25 июня, советская авиация нанесла удары по финским военным аэродромам (с 26 июня она начала совершать налеты на Плоешти в Румынии), что и стало формальным поводом для Финляндии объявить войну СССР.

Далее произошло, как везде... Под давлением мифических превосходящих сил финнов 23-я армия на Карельском перешейке и 7-я армия в Карелии отступили на всех направлениях до Ленинграда и реки Свирь. Учитывая, что финская армия всего лишь полтора года назад потерпела поражение и у нее не было танков и бомбардировщиков, ее успехи выглядели впечатляюще. Финская армия как бы ответила Сталину, который на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 г., посвященном итогам финской кампании, дал следующий, как всегда, по мнению собравшихся, гениальный анализ свершившихся событий. В частности, вождь отметил основные недостатки финской армии. "Она создана и воспитана не для наступления, а для обороны, причем обороны не активной, а пассивной... Я не могу назвать такую армию современной". И вывод: "Мы разбили не только финнов - эта задача не такая большая. Главное... мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов" (с. 607, 608){28}.

Лишь в Заполярье советские войска отстояли Мурманск, что дало возможность проводить в будущем конвои союзников в российские порты. Это был единственный стратегический успех. Везде же, от Черного моря до Карелии, Красная Армия, за исключением отдельных частей, воевала плохо и откатывалась далеко на восток в глубь страны. Даже там, где у нее возникали солидный материальный перевес и возможность перехвата инициативы в выборе времени и места наступления, она все равно терпела поражение. Неумение Красной Армии воевать - вот в чем заключался подлинный шок и для руководства, и для

страны в первые недели войны.

Какие же выводы можно сделать на основании событий лета 1941 г.?

Качество предвоенной работы можно оценить только в боевой обстановке. Оно слагается из трех основных компонентов: 1) объема подготовленных материальных ресурсов; 2) уровня подготовки личного состава и 3) эффективности управления (отбор и расстановка кадров, применение наиболее адекватных приемов тактики ведения боя и оперативных принципов осуществления войсковых операций).

Если с объемом подготовленных к войне материальных ресурсов было все в порядке, ибо даже агрессор не имел такого количества танков, самолетов, минометов и боеприпасов, как Красная Армия, то по остальным компонентам качества выявились просто провальные недочеты.

Располагая всеми возможностями для оказания достойного сопротивления, советские войска из-за политики Сталина оказались застигнутыми врасплох. Не имея четких планов и прочной связи, штабы фронтов - не по своей вине нацеливали армии прикрытия на плохо подготовленные, поспешные контрудары, истощавшие войска. Лишь в отдельных случаях, а именно "внизу", на уровне дивизии, полка, гарнизона, когда не давило некомпетентное вмешательство "сверху", кадровые части сражались хорошо и упорно.

В своих мемуарах Г. К. Жуков упрекнул командование приграничных округов в уходе от ответственности. "Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указаний свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц" (с. 262){6}. Но прежде чем требовать инициативности от командиров, надо предоставить им право на нее. Ведь командующим округов было строжайше запрещено проводить какие-либо мероприятия, способствовавшие реальному повышению боеготовности частей. Что мог подумать командир, услышав "лязг гусениц" и зная о настроениях высшего военно-политического руководства страны: "Я подниму часть по тревоге, а вдруг это провокация?"

Несмотря на верный и качественный предвоенный теоретический анализ, высший командный состав Красной Армии продемонстрировал неготовность к современной войне, прежде

всего при столкновении со стратегией глубоких танковых прорывов немцев. Он оказался совершенно беспомощным в организации их отражения, в то время как вермахт проводил операции по окружению, будто на маневрах. Блистательные действия танковых групп Гота и Гудериана и напористость соединений Гёпнера и Клейста предрешили исход пограничного сражения фронтов. И если Арденнско-Ламаншская операция вермахта в мае 1940 г. была оперативной новинкой и англо-французское командование ни психологически, ни практически еще не могло быть готово к глубоким танковым прорывам, то к лету 1941 т., после Югославии, Греции, а также после детального теоретического разбора новаций в военном деле в ходе московских совещаний декабря - января 19401941 гг., командование Красной Армии, казалось, должно было быть готовым к подобному виду боевых действий. Но на практике оно ничего не смогло противопоставить немецким моторизованным корпусам, несмотря на растянутые на сотни километров коммуникации противника. В частности, оно не сделало серьезных попыток ударить по коммуникациям противника диверсионно-штурмовыми группами, хотя в Красной Армии имелось значительное количество парашютно-десантных частей. А как можно эффективно громить растянутые по дороге дивизии в лесистой местности, продемонстрировали финны в войне 1939-1940 гг. Две советские армии в Карелии - 8-я и 9-я, несмотря на свое очевидное превосходство в людях и технике, были парализованы из-за фланговых ударов и засад противника.

О том, какие возможности существовали на открытых флангах противника в условиях лесистой местности, может рассказать боевой эпизод 64-й стрелковой дивизии. Ее разведбатальон 25 июня в районе Молодечно наткнулся на штабную колонну 39-го моторизованного корпуса. В коротком бою было уничтожено 15 автомашин и несколько десятков солдат и офицеров. Разведчики захватили штабные документы, в том числе карты с обозначением всей группировки армий "Центр", с указаниями направлений наступления армий и танковых групп и сроками достижения промежуточных рубежей (с. 288){1}. И это не единичный случай. Подобные примеры приводил в мемуарах Гудериан. Однажды на его командный пункт случайно выскочили советские танки, прорывавшиеся на восток. Инцидент обошелся ранением нескольких работников его штаба. Сам Гудериан, по его словам, "считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам", и в то же время "был убежден в непреодолимой мощи и наступательной силе моих войск" (с. 160){9}.

Того же мнения придерживался Э. Манштейн, возглавлявший танковый рейд 56-го корпуса до озера Ильмень. Корпус почти постоянно действовал в отрыве от пехотных дивизий. Причем разрыв в отдельные дни достигал 100 км. "Естественно, риск возрастал по мере того, как отдельный танковый корпус или вся танковая группа одна продвигалась в глубину русского пространства. Но, с другой стороны, безопасность подвижного соединения, находящегося в тылу вражеского фронта, основывается главным образом на том, что оно все время остается в движении" (с. 171){10}. Однако возможность перехвата тыловых коммуникаций германских моторизованных групп существовала вполне реально, хотя бы в силу наличия у советской стороны большого количества танков и кавалерии, но, увы, правы оказались немецкие генералы танковых войск: этого почти не происходило. Командование Красной Армии к такому роду боевых действий оказалось не готово. Для ударов по тылам требовалось сохранять устойчивую связь с войсками, а им самим предоставить широкую инициативу. Войска же, оказавшись без связи, предпочитали спешно отступать. Перспектива пропасть без вести не улыбалась ни командирам, ни солдатам.

Повысить управляемость войсками Верховный Главнокомандующий пытался вначале привычным способом, усилив систему страха. За потерю управления было расстреляно командование Западного фронта, 34-й армии, отданы под трибунал несколько общевойсковых командиров. Помогло это мало; в последующем расстрельная практика прекратилась. Сталин понял, что управление теряется не столько из-за халатности командования и командиров, хотя и это имело место, сколько из-за пробелов в организации. Вот только на устранение их ушло очень много времени - больше года войны.

"Внимание! Танки!"

На Западе танковые прорывы являлись новинкой, да и расстояния по российским меркам были небольшими, значит, и время оголенности флангов исчислялось несколькими сутками, а не неделями, как на Восточном фронте. Поэтому стоит ли удивляться тому, какой фурор произвели 3,5 тыс. немецких танков, половина из которых были легкие. Спустя десятилетия не только историки и кинорежиссеры, но и фронтовики повествовали об армадах вражеских танков, наступавших на позиции. Прорывы немецких танковых групп неизменно вводили командование Красной Армии в шоковое состояние и сеяли панику в войсках. Наступление танковых дивизий противника прекращалось только тогда, когда чрезмерно отставали тылы и пехота. Красная Армия получала передышку, и командование

спешно восстанавливало разорванный фронт. Но только до следующего рывка немецких танков.

Удары оказались столь внезапны, а развитие событий столь стремительным, что в условиях дезорганизации, потери связи и управления обороняющаяся сторона не успевала вовремя и с надлежащими силами нанести эффективный контрудар по тылам прорвавшихся. Достойна удивления глубина германских танковых операций в 1941 г. За первые три недели танковые группы Гёпнера, Гота и Гудериана прорвались на оперативную глубину в 500-600 км. Это по прямой, на деле же танкам приходилось постоянно маневрировать и далеко не всегда двигаться только по хорошим дорогам, что влияло на расход моторесурсов. Чем больше такой расход, тем выше вероятность поломки танка. А в сотнях километров от основной базы снабжения и ремонта, в боевом соприкосновении с противником, поломка являлась более чем неприятным событием (вспомним проблему ремонта в РККА мирного времени). Но немецкие танки не только преодолели с боями огромные, невиданные еще для танковых войск пространства, но и оставались в высокой боевой готовности. Так, группы Гота и Гудериана почти без паузы начали в июле 1941 г. сражение с советскими дивизиями Второго стратегического эшелона (Смоленское сражение) и, как ни удивительно для войск, прошедших 600 км, выиграли его! Стоит напомнить, что куда более мощные по качеству танков советские танковые армии в 1943-1944 гг. обычно выводились из боя как малобоеспособные сразу же по завершении одной запланированной операции, и глубина их действий не превышала 400 км.

Чтобы как-то спасти честь Красной Армии, в советской военно-исторической литературе если и делались, то обязательно снисходительные оценки результативности немецких танковых прорывов. Так, известный советский историк Д. Проэктор утверждал: "Оказалось, что быстрое и глубокое продвижение танковых соединений в отрыве от полевых армий не приносит эффекта против Красной Армии, которая умело использует нарушение взаимодействия в немецком оперативном построении и ставит под угрозу разгрома как танковый, так и пехотный эшелоны". И не приведя ни одного примера в подтверждение своего буквально сенсационного открытия, продолжал: "Тактика создания обширных "котлов" оказалась бесполезной (!), ибо упорным сопротивлением советские войска надолго сковывали немецкие группировки на внутреннем фронте окружения или же прорывали его" (с. 317){11}.

Другим способом спасти честь верхов являлись утверждения о заимствовании германским генералитетом советской военной

теории, в частности, доказывалось, что идею массированного применения танковых войск Гудериан взял из советских военных трудов. В действительности эта идея разрабатывалась интернациональными силами начиная с 20-х гг. Немецкая концепция применения танковых войск была достаточно самобытной, хотя, естественно, как и любая иная, использовала теоретическую мысль других стран. И пока в СССР дебатировался вопрос о целесообразности создания механизированных корпусов, германское командование от кампании к кампании совершенствовало боевое применение танков в сводных группах. Даже в постсоветское время - в 90-е гг. - "Военно-исторический журнал" Министерства обороны России печатал статью за статьей о превосходстве советской военной теории над западной, о полном заимствовании германской военной мыслью советских разработок, хотя от высказанных идей по поводу характера будущей, абстрактной, войны до реального воплощения их в жизнь "дистанция огромного размера". На деле Красная Армия в начале войны - в маневренный ее период - ничего не смогла противопоставить вермахту ни в воздухе, ни на земле.

Теория танкового глубинного прорыва оказалась куда более революционной, смелой и, главное, сложной в практическом исполнении, чем это могло показаться на первый взгляд. Она предъявляла чрезвычайно высокие требования к командному составу и к качеству организации танковых соединений. Взять, например, материально-техническое снабжение. Солдат или лошадь можно вовремя не покормить. Понуканиями, угрозой или лаской заставить превзойти их обычные физические возможности. С машинами этот номер не проходит. Без горючего танки, двигаться не будут; без смазки или от чрезмерных нагрузок механизмы выйдут из строя, невзирая на строгие приказы о наступлении. Если солдатами можно распоряжаться совершенно бездумно, то машина требует к себе умного отношения, начиная с рядового водителя и кончая командующим фронтом. В первые дни войны на механизированные корпуса Юго-Западного фронта обрушилось так много противоречивых приказов, обязывающих танковые войска без конца совершать форсированные марши вдоль линии фронта, что до половины танков выходило из строя еще в походе. В 1941-1942 гг. советское командование столкнулось с почти неодолимыми трудностями в деле управления крупными танковыми соединениями, проиграв все без исключения танковые сражения. Лишь зимой 1942-1943 гг. эта задача была разрешена удовлетворительно.

Следует отметить и такой факт. Хотя решающую роль в боях у германских войск играли танки, но, в отличие от Красной

Армии, у них очень надежной была и противотанковая оборона, которая выполнила свои задачи, даже несмотря на кризис в июне - июле, вызванный неожиданным появлением на поле боя советских Т-34 и КВ.

В мировой военной практике встречается не так уж много примеров того, чтобы крупные воинские формирования сознательно бросались в оперативный тыл противника с целью нанести ему решительное поражение. В дотанковую эру подобной силой могла быть только кавалерия, но лишь кочевники использовали ее как таран большой оперативно-стратегической мощности. И хотя в Первую мировую войну появился новый род войск, способный выполнять былую роль конницы, отказаться от привычного линейного построения войск, где все соединения связаны друг с другом общей линией фронта в пользу маневренного, а значит, рискованного вида боевых действий, решались не многие армии. Ведь в этом случае от войск требовалась высокая выучка, наличие инициативно мыслящих командиров, хорошая организация связи и служб снабжения. То, что при линейной тактике и линейном построении войск делается сравнительно просто, вырастало в сложную проблему при маневренных операциях. Массированное применение танков советской стороной в 1941 г. оказалось совершенно неэффективным. Использование механизированных корпусов полностью провалилось. Они не только не сыграли той оперативно-стратегической роли, что им предназначалась теорией, Но и не сумели выполнить даже оперативно-тактических задач поддержки стрелковых частей. Срок боевого применения мехкорпусов составлял считанные дни, после чего они выводились из сражения ввиду потери своей основной матчасти.

В качестве одной из причин неудачного исхода боев советские историки и мемуаристы называли неполную укомплектованность корпусов. На самом деле целый ряд мехкорпусов закончил формирование: 1-й в Ленинградском округе, 6-й в Белоруссии, 4-й, 5-й и 8-й на Украине. Все они имели в своем составе по тысяче танков{12}. По сути дела, каждый из них равнялся или даже превосходил по численности одну из танковых групп вермахта. Однако им также не удалось выделиться из общего ряда погибших корпусов. Основной причиной этого является плохое обеспечение наступления корпусов, включая снабжение, распыление сил, слабое воздушное прикрытие и другие организационные неувязки, кроме того, неудачные тактические приемы ведения боя. Атака советских танков нередко проводилась густой, массированной колонной, что давало изобилие целей поднаторевшим немецким

артиллеристам. Отсутствовало и взаимодействие между родами войск - пехотой, артиллерией, авиацией.

Немецкие танкисты иначе строили схему боя. Они не бросались навстречу нашим танкам, а выжидали, пока артиллерия дезорганизует атаку неприятеля, после чего обычно наносили фланговый удар, стремясь не попасть в зону действия советских пушек.

Долгие годы полные сведения о боевом потенциале Красной Армии скрывались. На то были веские причины. Они развенчивали главный миф советской истории - о безусловном численном превосходстве вермахта. Вот официальные рассекреченные данные из сборника Министерства обороны России "Гриф секретности снят": 22 июня 1941 г. действующая армия располагала 14,2 тыс. танков, еще 8,4 тыс. находились во внутренних округах (с. 350, табл.){4}. Правда, из них 29% нуждались в капитальном ремонте и 44% в среднем, поэтому лишь 3,8 тыс. танков приграничных округов были полностью боеспособны. Хорошо, пусть так, но даже это количество равнялось всему танкопарку войск вторжения вермахта. К тому же напрашивается закономерный вопрос: а разве немецкие танки не нуждались в ремонте?

Но о ремонте как о насущной проблеме боеспособности бронетанковых сил вермахта у нас никто не писал, хотя часть танков в апреле - мае 1941 г. была задействована на Балканах, что не могло не сказаться на их моторесурсах. Но даже если в июне большую часть советских танков поставили на ремонт, то они все равно представляли огромную силу, ибо ремонт когда-нибудь кончается, а танки были нужны не только 22 июня, но и 22 июля, и 22 августа... Другое дело, что итоги этих боев всегда были удручающими.

С 22 июня по 9 июля 1941 г. Северо-Западный фронт потерял 2523 танка; Западный за тот же период - 4799 танков; Юго-Западный - 4381 танк; Карельский фронт - 546 танков. Итого 12 249 танков! (с. 368, табл.){4}. Цифра фантастическая! Это значит, что на каждый немецкий подбитый танк приходилось 10 советских! Даже если часть танков была взорвана при отступлении в силу объективных причин (поломки, отсутствие горючего), все равно остается только подивиться тому, как немцам удалось за 2,5 недели уничтожить столько танков, и тому, как советскому командованию удавалось угробить столько техники за такой короткий срок. (Информация для размышления: танкопарк англо-французских вооруженных сил в 1940 г. составлял порядка 3,7 тыс. танков.)

Стоит обратить внимание и на другую деталь. Если

действующая армия накануне войны располагала 14,2 тыс. танков, то после потери 12,2 тыс. у нее оставалось еще 2 тыс., плюс ей была передана часть из 8 тыс. танков, располагавшихся во внутренних округах. Немцы тоже понесли определенные потери. Кроме того, советская промышленность выпустила несколько сот танков. Поэтому даже после ужасающих потерь Красная Армия сохраняла превосходство в танках перед противником, но на итогах боев это все равно не отразилось. Так что не в одном ремонте заключались беды танковых войск РККА.

Сталин быстро нашел объяснение случившемуся. 15 июля 1941 г. Ставка издала директиву об использовании опыта войны. "Первое. Опыт войны показал, что наши механизированные корпуса, как слишком громоздкие соединения, малоподвижны, неповоротливы и не приспособлены для маневрирования... Ставка считает, что при первой возможности в обстановке военных операций следует расформировать мехкорпуса" (с. 72-73){13}. Ну, последнее пожелание командованию фронтов было выполнить легко, ибо, как это прекрасно знал и сам Сталин, практически все мехкорпуса к этому времени были разбиты наголову. Но то было вполне понятное лукавство. Зато первая часть директивы содержала откровенную ложь. Истинная причина - слабая подготовка личного состава мехкорпусов во всех звеньях, а также неуклюжее командование ими со стороны самой Ставки - маскировалась за якобы неудачной формой организации танковых объединений. Противник в это же время действиями своих танковых групп убедительнейшим образом доказывал обратное. Но возразить кремлевскому полководцу было некому. Тухачевский давно уже лежал в могиле.

"Воздух!"

Господство вражеской авиации в 1941 г. стало проклятием для наземных войск. Но откуда оно взялось, остается загадкой. Обратимся к цифрам.

Перед войной ВВС Красной Армии располагали 20 тыс. самолетов всех типов, из них 8 тыс. в приграничных округах: Налет на аэродромы 22 июня привел к уничтожению 800 самолетов, что составило лишь около 10% от авиации приграничных округов. Оставшиеся 7 тыс. самолетов против 3 тыс. боевых у противника - разве не сила?

За период с 22 июня по 9 июля 1941 г. Карельский фронт потерял 64 самолета; Северо-западный - 990 боевых самолетов; Западный - 1777; Юго-Западный - 1218. Итого 4039 самолетов (с. 368, табл.){4}. В свою очередь, немецкие ВВС с 22 июня по 5 июля 1941 г. потеряли 807 самолетов, и с 6 по 19 июля еще 477.

Хотя соотношение потерянных самолетов и составляло 1 к 5,

ВВС Красной Армии все равно сохраняли численное превосходство в воздухе. Но что толку?

Превосходство немецкой авиации в воздухе объясняется не налетами на советские аэродромы 22 июня и не значительным количеством морально устаревших типов самолетов, а низкой боевой выучкой основной массы летного состава РККА. Обратимся к фактам.

1. За 22 июня 1941 г. ВВС приграничных округов совершили 6 тыс. боевых вылетов и уничтожили около 200 самолетов противника (с. 39){14}, т.е. на один сбитый самолет врага пришлось 30 вылетов!

2. С 22 июня по 10 июля 1941 г. только дальнебомбардировочная авиация произвела 2112 боевых самолето-вылетов по танковым и моторизованным колоннам противника (с. 44){14}. Но никакой серьезной роли в срыве наступления танковых войск эти налеты, в отличие от бомбардировок немецкой авиации, не сыграли.

1 июля 1941 г. Ф. Гальдер констатировал в дневнике: "Боеспособность русской авиации значительно уступает нашей вследствие плохой обученности их летного состава. Поэтому, например, во время вчерашних воздушных боев над Двинском и Бобруйском атаковавшие нас воздушные эскадры противника были целиком или большей частью уничтожены" (т. 3, кн. 1, с. 71){15}. Гальдер и здесь прав.

Тактика

Тяга к организационной определенности, ясности, контролируемости, желание избежать "ненужного" риска довлели над многими поколениями офицеров и генералов, независимо от изысканий отдельных теоретиков. И когда нужда заставила, когда выяснилось, что советское командование в своей массе не готово к маневренной войне, то возникла необходимость в совершенно иных обоснованиях ведения боевых действий. Так, 18 июля 1941 г. в "Красной звезде" была опубликована статья за подписью-псевдонимом И. Александрова под заголовком "Авантюристическая тактика фашистской пехоты". В статье противник критиковался за "стремление наступать одновременно в нескольких узких местах, узкими клиньями, использование всякой бреши, образовавшейся в обороне, чтобы проникнуть в глубину расположения. Следовательно, нажим наступающего не равномерно распределяется на отдельных участках, - уличал автор, - а значительно усиливается только на отдельных участках... пытаясь создать угрозу флангу и тылу остающихся в промежутках подразделений противника. Не трудно понять, что мы имеем в данном случае дело с уже известной

авантюристической тактикой немецко-фашистских войск. Она исходит не столько из возможности действительного окружения, сколько из стремления морально воздействовать на оборону... вызвать панику в рядах обороняющихся войск... Попытки врага применить подобную тактику против частей Красной Армии кончаются полным провалом".

В этой неумной писанине внимания заслуживает только тезис об окружении как средстве морального воздействия на противника. Попавшее в окружение подразделение испытывает острое чувство покинутости. Нет соседей, неясно оставаться ли на месте или отходить, и куда?

Зато всем понятно, что теперь не следует ждать подкрепления, подвоза боеприпасов, нельзя эвакуировать раненых и т.д. Предстоящие же бои сулят либо смерть, либо плен. Поэтому естественным человеческим стремлением будет желание уйти от такой перспективы, покончить с состоянием неопределенности, т.е. вырваться скорее из окружения, отступить. Требуется профессиональная выучка войск, чтобы хладнокровно сражаться, оказавшись в кольце.

Первые недели войны показали, что командиры Красной Армии всех звеньев от маршала до майора - не умеют организовать атаку соединения. В июле 1941 г. Ф. Гальдер записал в дневнике: "Русская тактика наступления: трехминутный огневой налет, потом - пауза, после чего - атака пехоты с криком "ура" глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки огнем тяжелого оружия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских" (т. 3, кн. 1, с. 93){15}.И подобная "тактика" в войсках изживалась довольно долго.

Война показала, что к лету 1941 г. Красная Армия представляла собой огромный полуфабрикат, которому только предстояло обрести кондиции организованной военной силы. Была масса танков, но спешно созданные в 19401941 гг. механизированные корпуса не дотягивали до минимальных боевых требований. Было много самолетов и плохо обученных летчиков. Хорошо подготовленные военные кадры (выжившие после чистки) "плавали" в море неквалифицированных. Дело доходило до того, что двое командармов из четырех в Киевском военном округе не имели военного образования! Все приготовления носили по-большевистски грандиозный характер, но почти ничего не было доведено до конца. Гигантомания во многом губила дело. Зачем в 1941 г. надо было формировать сразу 16 новых мехкорпусов, если под их штаты не имелось ни кадров, ни техники? ВВС насчитывали 13,7 тыс. исправных

боевых самолетов, но на 1,5 тыс. из них не были подготовлены экипажи (с. 90){3}.

Итак, самолетов и танков было изготовлено достаточно и для обороны, и для наступления. Хватало и людей. Только в первую неделю войны в армию призвали 5,3 млн. человек 1905-1918 гг. рождения. В августе прошла мобилизация военнообязанных 1890-1904 гг. и призывников до 1923 г, рождения. А это еще несколько миллионов. Да вот беда, либо вооружение было не того качества, либо люди были плохо подготовлены, либо еще что-то, и, когда грянула война, огромная масса техники и колоссальные затраченные средства были уничтожены в считанные дни. Все лишения народа, связанные с ориентацией экономики на производство вооружений, оказались напрасными. Знакомо? Это повторялось и позже, десятилетие за десятилетием. Государство не сумело распорядиться огромным потенциалом и, чтобы скрыть свою несостоятельность, принялось ссылаться на "объективные причины". Так было с военной мощью в 1941 г., но тогда Система колоссальным напряжением сил, не скупясь ни на какие жертвы, выстояла, хотя провалы были столь очевидны, что вызывали возмущение у честных коммунистов. Режиссер Александр Довженко зло записал в своем дневнике: "Качество войны - это качество организации общества, народа. Вся наша фальшь, вся тупость... весь наш псевдодемократизм, перемешанный с сатрапством, - все вылезает боком и катит нас... И над всем этим - "Мы победим!" (с. 87){16}.

В свое оправдание коммуно-бюрократическая система может сослаться на аналогичный опыт царской России, которой также чаще всего не удавалось эффективно использовать свой огромный потенциал. Тогда глубинный источник поражений можно искать в традиционной исторической слабости России - в отсутствии надлежащей повседневной организованности. Бывший начальник разведывательного управления Генштаба вермахта К. Типпельскирх так писал в своей книге о слабостях Красной Армии: "Отборные командные кадры русских пали жертвой широкой политической чистки в 1937 г. Русско-финская война вскрыла недостаточную тактическую подготовку среднего и младшего командного звена... Казалось невероятным, чтобы эти недостатки, проявившиеся еще в Первую мировую войну и отчасти вообще свойственные характеру русского народа, могли быть ликвидированы в короткий срок" (с. 173){17}.

К. Типпельскирх указывал также на тот факт, что в годы Первой мировой войны русская армия в боях с германской армией не продемонстрировала особых боевых качеств. В 1917 г. против 110 австро-германских дивизий безуспешно действовало

свыше 200 русских дивизий. Одна из причин этого - организационные неурядицы (снабжение, разведка, планирование, связь, управление), тогда как победа над армией Самсонова в 1914 г. была бы невозможна без четкой работы германских железных дорог. Казалось бы, немецкий военный атташе, наблюдая на военных парадах грозно двигающиеся по Красной площади танки и орудия, должен забить тревогу. Однако в германском Генштабе были уверены, что после гибели кадров, связанных с именами Тухачевского и Уборевича, новое командование распорядиться с толком этой силой не сумеет. И разве они оказались не правы?

Красная Армия столкнулась с противником, известным своей организованностью. Скрупулезность в подготовке рядового и офицерского состава вермахт взял из кайзеровской армии. Военную доктрину сокрушающего нацеленного удара Мольтке - Шлифена модернизировали стратегией блицкрига, главным оперативным компонентом которой являлось массированное применение танков при авиационной поддержке наземных войск. "В целом сухопутные войска настолько отвечали задачам, поставленным войной, что даже для них самих это оказалось неожиданным", - отмечал К. Типпельскирх (с.11){17}. И такой вывод вполне оправдан, учитывая, что вермахт как массовая армия стал формироваться лишь с 1936 г. По времени подготовки и количеству обученных резервистов Германия намного уступала своим вероятным противникам. То, что вермахту удалось ликвидировать разрыв в боевой выучке личного состава за такой короткий срок, достойно внимания и анализа как пример эффективности организационных мероприятий.

Фактор времени является одним из важнейших в политике, экономике, науке, военном деле. И здесь фашистская Германия его даром не теряла. В августе 1936 г. Гитлер в секретном меморандуме сформулировал цели, которых намеревался достичь. Он писал: "Я ставлю следующие задачи: 1) Через 4 года мы должны иметь боеспособную армию. 2) Через 4 года экономика Германии должна быть готова к войне".

Все было выполнено точно в срок. Появление вермахта можно отнести к организационному чуду. Создать в такие сжатые сроки многомиллионную армию, обеспечить ее материально-техническую часть, проведя огромные по объему конструкторские работы в условиях дефицита многих видов сырья и материалов, бесспорное достижение государственного управления Германии. Но главное - не объемные показатели, а достигнутый уровень боеспособности молодых вооруженных сил. Хотя и ранее германскому руководству удавалось сделать схожий военный

рывок - в XIX в. Тогда прусская армия, возглавляемая Мольтке, бледно показав себя в войне с Данией в 1864 г., уже в 1866 г, на удивление всей Европе, молниеносно громит австрийскую, а в 1870-м и французскую армию, считавшуюся луч щей в мире. И дело заключалось не в многочисленности прусских вооруженных сил или наличии некоего супероружия. Прусскому командованию удалось быстро развить потенциально сильные и блокировать слабые стороны своей армии и в сочетании с лучшей разведкой, передовой стратегией и хорошей дисциплиной добиться необходимого перевеса. Это те организационные качества, от недостатка которых страдали русские вооруженные силы в войне 1877- 1878 гг. и которых просто катастрофически не хватало в 1904-1905 гг. и в Первую мировую... Увы, и японцы, и германцы били русскую армию не числом, а умением. Поэтому вредным и недальновидным было бы причину всего происшедшего в 1941 г. видеть в пресловутом мифическом "превосходстве". В деле овладения искусством организации и управления у России столь много пробелов, что учиться преодолевать их нужно, опираясь в том числе и на исторический опыт. А о том, как мы можем наладить дело организации, на какую высоту ее поднять в сравнении с противником, свидетельствует тот же опыт Великой Отечественной войны. Но в 1941 г. до этого было еще далеко.

Моральный фактор

Итак, "верхи" летом 1941 г. достойно воевать еще не умели, а "низы"?

В первом издании мемуаров К.К. Рокоссовского цензура выбросила слова, восстановленные лишь в издании 1997 г.: "Они (войска. - Б.Ш.) подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время". И это была правда. Но была и другая...

Если советские историки сокрушались, что войска Красной Армии не были своевременно подтянуты к границе из глубины страны, то Г.К. Жуков в мемуарах возразил им, но тоже "по-советски", т.е. с долей фальсификации: "Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались армии приграничных округов" (с. 260){6}. Куда более откровенно и верно эта мысль была выражена в не опубликованном при жизни Жукова отклике на статью маршала А.М. Василевского. Жуков по-военному четко заявил: "Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если

бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году. Г. Жуков. 6.XII.65 г." (с. 67){18}. Вот так! Не больше и не меньше. То же самое Жуков говорил ранее историку В.А. Анфилову, когда они обсуждали судьбу проекта директивы от 15 мая 1941 г. с предложением превентивного удара. Как известно, Сталин ее отклонил. Маршал заметил: "Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе, при том состоянии наших войск, могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом" (1995, No 3, с. 40-41){19}. Вот и ответ тем, кто ныне считает, что нападi Красная Армия первой в 1941 г., то она бы показала рейху "кузькину мать".

Чем же войска на границе отличались от тех же войск в глубине Советского Союза? Принципиально ничем. Но если у границы немецкие войска были сконцентрированы, то по мере продвижения в глубь страны они растекались, подобно армии Наполеона, по ее бескрайним просторам и постепенно теряли свою ударную мощь. Тем самым у противостоящей стороны появлялись шансы улизнуть от поражения.

В чем состояла глубинная слабость Красной Армии? Помимо уже отмеченных чисто военных изъянов, Красная Армия в 1941 г. имела еще один порок, который тщательно маскировался советской пропагандой, - это нежелание огромного числа солдат воевать. Г.К. Жуков говорил К. Симонову: "У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальный период войны. А войска... не только отступали, но и бежали, и впадали в панику". И вывод: "В начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу" (с. 335){20}.

Этой темы в советское время с учетом цензуры чуть более внятно удалось коснуться лишь генералу А.В. Горбатову. В своих мемуарах он неоднократно и достаточно подробно писал о низком боевом духе солдат и офицеров. Вот он рассказывает, что солдаты 501-го стрелкового полка 25-го стрелкового корпуса в июле 1941 г. под Витебском при первом же артналете спешили отойти в тыл. Паника необстрелянных бойцов? "Не пройдя и трехсот шагов, мы увидели с десяток солдат, сушивших у костра портянки. У четверых не было оружия" (с. 217){21}. А вот еще деталь: "Мы стали догонять разрозненные группы, идущие на восток... Останавливая их, я стыдил, ругал, приказывал вернуться, смотрел, как они нехотя возвращаются" (с. 217){21}. Нехотя возвращались в строй солдаты и позже. Уже вспоминая события

октября - ноября 1941 г., А.В. Горбатов писал: "Мы производили анализ потерь за время отступления.

Большая часть падала на пропавших без вести, меньшая часть - на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев). Исходя из анализа потерь, мы строили партийно-политическую работу, чтобы повысить устойчивость дивизии в обороне. Если в дни первой недели мы выделяли 6 часов на работы по обороне и 2 часа на учебу, то в последующие недели соотношение было обратное" (с. 230){21}. Признание показательнейшее: обучение солдат военному делу было в тот момент менее значимым, чем пропагандистская обработка сознания красноармейцев. Ведь что толку обучать солдата, если тот норовит при первой же возможности "пропасть без вести"? Поведал Горбатов и о том, как боролись в рамках выделенных 6 часов с настроем красноармейцев сдаваться в плен. Комиссар Горбенко "довел до сведения солдат рассказ убежавшего из плена красноармейца Фролова о зверском обращении немцев с нашими пленными, об изнурительных работах и голодном пайке. В числе пленных Фролов видел и тех, кто сдался добровольно, и к ним отношение было таким же зверским. И они сильно ругали себя за то, что, поверив пропаганде противника, сдались в плен" (с. 232-233){21}.

Воспоминания, подобные этим, единичны, потому что цензура была на страже тезиса "морально-политического единства партии и народа". Например, она вымарала подобные факты из мемуаров Рокоссовского и вряд ли только у него одного. И теперь непросто собрать свидетельства обратного счета, которые либо не сохранились, либо погребены в архивах. Кое-что начинает извлекаться на свет Божий. Например, опубликовано донесение заместителя Кирпоноса генерала Ф.С. Иванова о своей инспекционной поездке в войска, где он честно писал: "Моральное состояние пехоты 27-го и 36-го стрелковых корпусов очень низкое... Много случаев оставления артиллерии и боевых машин на дорогах и на поле боя. Мною созданы заградительные отряды, но их стремятся обойти полями. Проверяя организованную мною из задержанных разрозненных частей оборону в Ровно, последнюю не обнаружил. Разошлась..." (с. 160){3}.

Показателен, например, такой штрих. В ходе следствия по делу бывшего командующего 12-й армией П.Г. Понеделина, расстрелянного в 1950 г., один из пунктов обвинения состоял в том, что в плену он вел дневник, где "подвергал антисоветской критике политику советской власти в отношении коллективизации сельского хозяйства, восхвалял врагов народа и

клеветал на боеспособность советских войск" (с. 152){22}. Его товарищ по плену и коллега по службе, бывший командарм 6-й армии И.Н. Музыченко показал, что "он лично видел дневник, в котором Понеделин, излагая причины неудач Советской Армии в 1941 г., клеветнически отзывался о колхозниках" (с. 154){22}. За этими эвфемизмами совпартовского новояза скрывается следующее.

П.Г. Понеделин одну из основных причин неустойчивости войск Красной Армии видел в нежелании крестьян воевать за колхозно-крепостнический строй. Сам Н.С. Хрущев признавал, что "среди военных были "нехорошие настроения". Отступаем, потому что солдат не чувствует, за что он должен воевать, за что он должен умирать... сейчас все общее, все колхозное. Поэтому, мол, нет стимула" (с. 87){23}.

Теперь, когда приоткрылись архивы, появляется все больше свидетельств отсутствия поголовного "морально-политического единства партии и народа". Позволю привести еще одно такое показание очевидца. Писатель Н. Богданов послал письмо на имя Сталина, в котором сообщал: "Я был на передовой позиции с августа 1941 г. не просто как военнослужащий, но как писатель, как психолог, как научный работник, изучающий происходящее. Я видел массу примеров героизма, но я видел и то, как целыми взводами, ротами переходили на сторону немцев, сдавались в плен с вооружением без всяких "внешних" на это причин. Раз не было внешних, значит, были внутренние" (с. 534){24}.

Нежелание воевать за сталинское государство порой было столь велико, что и тяжесть плена не возжигала любовь к социалистическому отечеству. Э. Манштейн привел в воспоминаниях поразивший его следующий эпизод. У Феодосии находился лагерь с 8 тыс. пленных. После высадки советского десанта в январе 1942 г. охрана сбежала. "Однако эти 8000 человек отнюдь не бросились в объятия своим "освободителям", а, наоборот, отправились маршем без охраны в направлении на Симферополь, то есть к нам" (с. 223){10}.

Верхи должны были на все это безобразие как-то реагировать. И они реагировали. 12 сентября за подписями И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова вышел приказ о создании заградительных отрядов. В директиве констатировалось: "Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: "Нас окружили" - и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство... Подобные явления

имеют место на всех фронтах" (с. 180){13}. Предписывалось в каждой стрелковой дивизии создать заградотряд численностью до батальона, с приданием ему грузовиков, танков и бронемашин и "не останавливаться перед применением оружия"!

Много написано в советской литературе о борьбе партизан в тылу врага. Но очень мало, по вполне понятным причинам, о сотрудничестве населения с новой властью. Именно крестьяне выдали немцам Зою Космодемьянскую, задачей которой была организация поджогов хозяйственных построек в соответствии с изданным 17 ноября 1941 г. приказом Сталина о проведении тактики выжженной земли в прифронтовой полосе. И не немцы первыми пленили генерала Власова. Вот показания шеф-повара штаба 2-й ударной армии М. И. Вороновой, данные ею в 1945 г.: "Когда мы зашли в деревню, названия ее не знаю, зашли мы в один дом, где нас приняли за партизан, местная "самооборона" дом окружила, и нас арестовали. Нас посадили в колхозный амбар, а на другой день приехали немцы" (1993, No 5, с. 36){19}. Судя по опубликованным данным, подобные случаи носили массовый характер. В воспоминаниях бывших пленных зачастую так описывался момент пленения: "Мы заночевали в стогу, а когда проснулись, перед нами стояли немцы", или "Мы зашли в деревню, а при выходе из нее напоролись на немцев". Кто оповещал немцев о появлении "чужих"? Кроме крестьян, больше некому. Замордованное "передовым" со времён египетских фараонов строем сельское население СССР в своей массе выразило политическое недоверие сталинской диктатуре. А за что им было тогда воевать? За подневольный труд в колхозах? За нищенскую зарплату на заводах? У сотен тысяч из них были репрессированы кто-то из родственников или друзей. Люди могли выразить свой протест против варварских условий жизни в сталинском СССР, разве что подняв руки - не на фальшивых выборах и собраниях, а в бою.

Сталин это понял очень быстро. Когда он узнал, что взят Минск, то впал в глубокую депрессию. Он уединился на даче в Кунцево, где, не отвечая ни на чьи звонки, провел 29 и 30 июня. Перед этим он заявил членам Политбюро: "Мы просрали дело Ленина". Он понимал, что немецкие моторизованные колонны могли с такой легкостью пройти сквозь заслоны из тысяч танков и орудий только в том случае, если солдаты не хотели всерьез воевать. И Сталин сделал правильный вывод: единственный шанс спасти свою власть - это задействовать моральный фактор. Царизм это сделать не сумел и, хотя солдат хватало, проиграл две свои последние войны (с Японией и Германией), а с ними свое многовековое господство. Неоценимую помощь Сталину в этом

жизненно важном вопросе оказал Гитлер. Своими репрессиями, в том числе и уничтожением в 1941 г. сотен тысяч военнопленных, он лишил красноармейцев выбора. А сохранением колхозов на оккупированных территориях рассеял иллюзии крестьян в отношении освобождения от социалистического крепостничества. Интересно, что Сталин это прекрасно понимал. В его докладе по случаю годовщины Октября есть слова: "...глупая политика Гитлера, превратившая народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии".

В ноябре 1943 г. в одном из подразделений абвера была составлена аналитическая записка, озаглавленная вполне по-ленински: "О необходимости превращения восточного похода в гражданскую войну". Приведем из нее несколько характерных выдержек:

"Внутриполитическое положение (СССР) было настолько тяжелым, что оно могло быть выдержано лишь с помощью утонченного использования системы шпионажа и постоянного усиления НКВД... Поэтому в конце 1941 года повсюду царила сильная внутренняя неуверенность, которая лишь потому не привела к внутренней катастрофе, что отсутствовали точки кристаллизации движения сопротивления. Большая часть окруженных в 1941 году красноармейцев вскоре добровольно вышла из лесов и сдалась" (1994, No 9, с. 3){19}.

"Бесчисленные пленные и перебежчики сообщали о больших трудностях в глубоком тылу, о нежелании и равнодушии масс. Они не знали, за что воюют" (там же, с. 2). "Этим внутренним кризисом Советского Союза и объясняется радостное ожидание, с которым большая часть населения встречала наступавшие немецкие войска. Люди верили, что колхозы будут распущены" (там же, с. 3){19}.

"Сейчас не один Сталин с маленькой кликой борется за осуществление бывшей всегда чуждой народу идеи мировой революции. Сейчас весь русский народ борется за сохранение своего свободного Отечества" (там же, с. 5){19}.

Но даже в 1943 г., когда успех германского оружия явно шел к закату, записка была встречена в штыки. Фашизм не мог даже сымитировать роль освободителя, что сделал Сталин, когда Советская Армия пришла в Европу, причем исключение не было сделано даже для Германии! Сталин учел негативный опыт Гитлера и позитивный германского руководства в 1917 г. Тогда оно решилось опереться на внутреннюю силу, способную реализовать лозунг "поражения своего правительства", и получило великолепный Брестский мир. В 1941 г. возможности для такого политического маневра были, пожалуй, объективно

сильнее, чем в 1917 г. Но в 1917 г. была целеустремленная оппозиция и слабовольное руководство. В 1941 г. все поменялось местами. Жестокому, волевому руководству СССР не противостояла почти никакая организованная оппозиция. Фашизм - увы, к счастью (такова "диалектика" в этом вопросе, ибо фашизм нес только новое порабощение народам СССР), - не учел опыта прошлого в силу своей идеологии. Навязав народам СССР истребительную войну, Гитлер пал жертвой своей политики.

Глава 3.Смертельные бои 41-го

Северо-Западный фронт (19 июля - сентябрь)

Для наступления в Эстонии и на Ленинград фон Лееб располагал всего 23 дивизиями. Противостоящие 8-я, 11-я и 27-я советские армии имели 33 дивизии, хотя, по мнению советских исторических изданий, чрезмерно ослабленных (т. 4, с. 65){1}. Почему не ослабли дивизии вермахта, прошедшие с боями более 500 км, в тех работах не выяснялось. И все равно силы у группы армий "Север" были невелики, чтобы вести успешное наступление на фронте в 450 км, простиравшемся от Пярну до озера Ильмень. Ведь в среднем на каждую немецкую дивизию приходилась полоса в 20 км. Для обороны - это фактически максимум, а стояла задача наступать со стратегическими целями! Но немецкое командование с нею справилось. Отказавшись от создания сплошного фронта, оно сначала 22 июля организовало наступление в Эстонии, где 7 августа германские войска вышли к Финскому заливу, расчленив 8-ю армию на две части. Хотя бои за Таллин затянулись до 29 августа, они не стали помехой. Уже 8 августа ударная группа перешла в наступление с плацдармов на реке Луга у Кингисеппа, а 10 августа другая - на Новгородском направлении. Дела у кингисеппской группы пошли достаточно гладко, хотя накал боев был очень силен. 21 августа она прорвалась к Гатчине, оказавшись примерно в 50 км от Ленинграда. Зато у озера Ильмень случился очередной кризис, вызванный новым контрударом советских войск.

В начале августа из резерва Ставки на Северо-Западный фронт прибыла свежая 34-я армия под командованием генерал-майора К.М. Качанова. Перед ней ставилась задача нанести контрудар южнее озера Ильмень в тыл немецкой группировки, наступавшей на Новгород и Ленинград. То есть было решено повторить июльский успех под Сольцами, но только большими силами.

12 августа армия перешла в наступление. Прорвав слабые пехотные заслоны немцев, она за два дня продвинулась на 60 км. Германское командование спешно повернуло туда две моторизованные дивизии из-под Новгорода (который, даже

несмотря на ослабление наступающих, был взят 15 августа) и 39-й моторизованный корпус из района Смоленска. Ответный удар был сокрушающим. Целые соединения 34-й армии ударились в бега. Штаб армии потерял управление. Из Москвы срочно прибыла грозная комиссия во главе с Л.З. Мехлисом, который быстро нашел виновных. Наведение порядка в рядах 34-й армии Л.З. Мехлис начал с расстрела ее командующего Качанова и начальника штаба армии.

Но все же контрудар 34-й армии задержал Новгородскую группировку как минимум на неделю. Возможно, это спасло Ленинград, ведь от Новгорода до него оставалось 150км.

Возобновив наступление в двадцатых числах августа, противник 8 сентября овладел Шлиссельбургом. Ленинград оказался в окружении, враг стоял в считанных километрах от его окраин. Казалось, город вскоре падет. Минировались флот и заводы. Но 11 сентября туда прибыл очередной командующий фронтом (переименован с 23 августа в Ленинградский) - Г. К. Жуков. Он сумел вдохнуть в оборону новые - моральные силы. Бои продолжались до конца сентября, но войска устояли.

Как и при обороне Таллина, так и в начавшейся тогда же обороне Одессы и Киева советские войска в позиционной борьбе - борьбе линейной по своей сущности - оказались очень устойчивы. Последующие примеры обороны Севастополя и Сталинграда подтвердили эту особенность Красной Армии. Например, в войну 1904-1905 гг. русские войска блистательно оборонялись в Порт-Артуре, но проигрывали все сражения, носившие маневренный характер.

И еще одна деталь связана с событиями сентября 1941 г. вокруг Ленинграда стремительно восходит звезда Г. К. Жукова как крупнейшего в Красной Армии военачальника.

25 сентября, в связи с передачей в распоряжение группы армий "Центр" шести дивизий 4-й танковой группы, фон Лееб доложил в Берлин, что не может более наступать на Ленинград. С первоначальных 230 км фронт группы армий "Север" расширился до 500 км в сентябре. В конце сентября 4-я танковая группа была переброшена в полосу группы армий "Центр" для участия в наступлении на Москву. Остается только удивляться тому, как после ее убытия 20 дивизий не только удерживали линию обороны, отражая многочисленные удары советских войск, но и осуществили операцию по захвату Тихвина в ноябре 1941 г.

Несмотря на затухание боев вокруг города, Сталин долго не верил в свершившееся чудо. 23 октября 1941 г. он указывал командующему Ленинградским фронтом И.И. Федюнинскому: "Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете

фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо... для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток - для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград" (с. 259){2}.

Операции группы армий "Север" в 1941 г. явились примером того, как небольшими силами можно достигать впечатляющих результатов, если только эти силы хорошо обучены, организованны и обладают высоким моральным настроем.

Западный фронт (июль - ноябрь)

В середине июля на Западном фронте вновь сложилась катастрофическая обстановка. Разорванный, полуокруженный, в значительной мере потерявший управление новосозданный фронт, казалось бы, должен скоро разделить судьбу своего предшественника в Белоруссии. Но этого не произошло. Силы немцев были не беспредельны. В критический момент стали вырисовываться фигуры двух генералов, чьи организаторские способности, хладнокровие сыграли немалую роль в стабилизации обстановки у Смоленска, - К.К. Рокоссовского и М.Ф. Лукина. Но это чуть позже, а пока противник продолжал ломать оборонительные порядки советских войск.

19 июля 10-я немецкая танковая дивизия заняла Ельню. Чтобы предотвратить угрозу прорыва к Москве, Ставка 20 июля приняла решение передать в подчинение Западному фронту четыре (24-ю, 28-ю, 29-ю, 30-ю) формируемые армии Резервного фронта. Однако плохо обученные войска из новобранцев не могли переломить ситуацию. 26-27 июля силами 7-й танковой (группа Гота) и 20-й моторизованной (группа Гудериана) дивизий противник перерезал последние коммуникации советских войск восточнее Смоленска. Двенадцати дивизиям 20-й и 16-й армий ПА Курочкина и М.Ф. Лукина пришлось сражаться в окружении. К концу июля в дивизиях оставалось по 1-2 тыс. человек. Дальнейшая оборона Смоленска стала невозможной. Выход из окружения начался в ночь на 4 августа. Отход происходил под непрерывным огнем противника, и части понесли тяжелые потери. Но свое дело они сделали. Впервые на центральном участке советско-германского фронта немцы "простояли" на месте в течение двух недель. Но даже после захвата Смоленска германские войска вынуждены были приостановить наступление на Московском направлении, чтобы подтянуть тылы и обеспечить фланги. И как оказалось, надолго - до осени.

На северном и южном участках Западного фронта боевые действия советских войск протекали во второй половине июля

более благоприятно. Противник из-за недостатка сил не смог воспользоваться тяжелым положением глубоко охваченных с флангов 22-й и 13-й армий.

22-я армия сумела выскользнуть из наметившегося "котла" и отойти к Великим Лукам. Резервные 29-я и 30-я армии заполнили бреши в обороне. Несколько немецких дивизий, растянутых по широкому фронту, были уже не в состоянии продолжать наступление. Более того, части 19-й танковой дивизии, захватившие с ходу Великие Луки 17 июля, были оттуда выбиты подошедшими из тыла советскими частями 21 июля.

Не удалось противнику расправиться и с 13-й армией. Целый ряд дивизий 132-я, 137-я, 143-я, 160-я - сумел выйти из окружения. Правда, заключительные бои при переправе через реку Сож, за которой создавалась новая линия обороны 13-й и соседней 4-й армий, привели к тяжелым потерям среди отступающих групп. Погибли командир 20-го стрелкового корпуса генерал С.И. Еремин, командир 13-го мехкорпуса генерал М.П. Ахмостин, чей сводный отряд прорывался от самой границы, командир 143-й дивизии генерал Д.П. Сафонов. А уж сколько погибло красноармейцев, никто не считал. Но в конце концов соединения 13-й и 4-й армий, обрастая отходящими и резервными частями, сумели временно стабилизировать фронт по линии Днепр - Кричев - Рославль.

На восточном берегу Днепра вступила в действие неумолимая логика войны. Дело решают резервы. Как раз у группы армий "Центр" их уже не оставалось. Фронт группы "Центр" с первоначальных 400 км к середине июля выгнулся дугой в 500 с лишним километров. Пехота отстала. Вся тяжесть наступления пришлась на пятнадцать танковых и моторизованных дивизий, многие из которых потеряли до 40-45% своих машин. Рывок в 600-700 км обострил проблему снабжения. Войска Гота и Гудериана стали "пробуксовывать". В этот момент совершенно верный контрманевр был предпринят в полосе 21-й армии. По приказу Ставки специально созданной кавалерийской группе предписывалось провести рейд по тылам группы армий "Центр". "В связи с быстрым продвижением у противника, несомненно, создалось напряженное положение с тылом, - говорилось в приказе. - В этой обстановке всякие действия по тылу и коммуникациям противника могут оказать решающее влияние на успех операций" (с. 475){3}.

22 июля три кавалерийские дивизии под командованием генерал-полковника О.И. Городовикова ушли в рейд из Резчицы (район Гомеля) в общем направлении на Бобруйск.

Непосредственной целью была железнодорожная станция

Осиповичи, где скрещивались три железнодорожные ветки - на Минск, Могилев и Луцк. Кавгруппа должна была громить тылы, уничтожая штабы, мосты, линии связи, организовывать партизанские отряды. В определенной степени это было попыткой воссоздать опыт войны 1812 г.

Неожиданный налет вызвал серьезную озабоченность у командования группы армий "Центр". Уже 24 июля кавалеристы вышли в район Бобруйска и перерезали коммуникации танковой группы Гудериана и 2-й армии. Так как резервов у Бока не было, то пришлось просить три дивизии из резерва главного командования. Но этими успехами, к сожалению, рейд Городовикова и ограничился. Дивизии действовали одной скученной группой. Она легко засекалась и контролировалась немецкой авиацией, поэтому все штабы и тылы из полосы действий этой группы заблаговременно выводились. С подходом свежих пехотных немецких дивизий соединение Городовикова втянулось во фронтальный бой, что ему было совершенно противопоказано, и, потерпев поражение, уже к 1 августа отошло на исходные позиции.

Неудачей закончилась аналогичная попытка кавалерийского рейда по тылам 3-й танковой группы. Но и без этих рейдов открытые фланги, недостаточно обеспеченные коммуникации, слабые резервы вынуждали германское командование приостановить наступление на Московском направлении. Тем более что на Украине группе армий "Юг" явно не хватало сил одновременно вести борьбу за Киев и двигаться к Черному морю. В результате родилась директива No 33 от 19 июля 1941 г., в которой фельдмаршалу Боку приказывалось начать подготовку наступления на юг, на соединение со своим правым соседом. С конца июля дивизии группы Гудериана стали постепенно, по мере подхода пехоты, выводиться со Смоленского участка и сосредоточиваться на Рославльском направлении. Перегруппировка проходила в условиях начавшегося контрнаступления советских резервных армий.

Задачи перед ними ставились самые решительные - разгромить 2-ю и 3-ю танковые группы, для чего создавалось пять оперативных объединений из сил 21-й, 24-й, 29-й и 30-й армий по три дивизии в каждом под командованием генерал-лейтенантов С.А. Калинина, В.Я. Качалова, И. И. Масленникова и генерал-майоров К. К. Рокоссовского и В.А. Хоменко. По уже сложившейся традиции перейти в наступление было приказано в малореальные сроки - с утра 23 июля, т.е. на всю подготовку отводились считанные дни. Поэтому в назначенное время всем ударным группам перейти в наступление не удалось, и этот процесс по объективным причинам растянулся на неделю. Первыми 23 июля из района Рославля перешли в наступление дивизии генерала Качалова, 24 июня - группа генерала Хоменко, 28-го - генерала Рокоссовского, последними - части генерала Масленникова.

Во всех группах после первоначальных тактических успехов продвижение прекратилось. На том наступательные действия и кончились, лишь для войск В.Я. Качалова дальнейшие события обернулись трагедией. 1 августа 2-я танковая группа и 7-й армейский корпус вермахта перешли в наступление и уже 3 августа окружили войсковую группу Качалова под Рославлем. Попытки прорвать окружение и деблокировать кольцо извне успеха не имели. К 8 августа бои в кольце закончились. Генерал В.Я. Качалов погиб.

Наиболее трезвомыслящие военачальники уже начали понимать, что без серьезной подготовки и учета всех факторов проводить наступательные действия нецелесообразно, что ничего, кроме тяжелых потерь для себя и некоторого беспокойства для противника, они не приносят. Это понял Г. К. Жуков по прибытии на Ельнинский выступ, за который вела бои 24-я армия. Ознакомившись с обстановкой, он отдал распоряжение о прекращении наступления. Ему стало ясно, что "наши части ведут артиллерийский огонь, главным образом, не по реально существующим огневым точкам, а по предполагаемым. Сил 24-й армии для проведения контрудара... явно недостаточно". Посоветовавшись с командирами, Жуков пришел к выводу, что необходимы дополнительные силы и проведение интенсивной тактической разведки, на что потребуется 10-12 дней.

В тех условиях это выглядело качественно новым подходом к организации наступления, отличающимся от принципов "навалки" контрудара у Дубно - Броды, хотя и не выходящим за рамки элементарных требований к подготовке наступления. Впервые с начала войны на приготовление к наступлению отводилось так много времени. Пользуясь жуковским "блатом", войска на этом участке могли без спешки и суеты, не вслепую, а осознанно

подготовить удар по противнику. Результат оказался налицо. Под Ельней наступление советских войск впервые закончилось успешно и впервые ответные контрудары немцев были отражены. То было возвращением к азам военной науки, но путь оказался долгим и кровавым. Победа под Ельней на деле свелась к выдавливанию противника с выступа ценой потерь примерно в соотношении 1 к 10 в пользу врага, естественно. Но Сталин был доволен. Главное - территориальный успех, а людские ресурсы легко восполнялись.

Сентябрь прошел для Западного фронта спокойно. 2-я танковая группа Гудериана ушла на юг. 3-я танковая группа Гота прекратила активные действия. Западный фронт, командующим которым стал И.С. Конев, мог теперь привести себя в порядок.

Но месячная передышка, как оказалось вскоре, не сыграла никакой позитивной роли в деле повышения боеспособности Западного фронта. 2 октября группа армий "Центр" перешла в генеральное наступление и быстро достигла оперативных успехов.

3-я танковая группа прорвала оборону советских войск севернее Смоленска. 4-я танковая группа, переброшенная из-под Ленинграда, хотя и не получила отдыха, так же быстро прорвалась в тыл Западного фронта. Уже 7 октября кольцо вокруг 16-й, 19-й, 20-й, 24-й и резервной 32-й армий замкнулось. Образовался так называемый Вяземский котел. В ходе ликвидации советских группировок, на что ушла всего неделя, в плен было взято около 600 тыс. человек! В плен попал и один из лучших генералов 1941 г., командующий 19-й армией М.Ф. Лукин. В самые критические моменты прорыва вражеских войск у Щепетовки и у Смоленска, когда решалась судьба фронта, ему удавалось гасить панику и организовывать войска на упорную оборону. Не будь его, успехи противника были бы еще значительнее. Лукин имел все данные вырасти до командующего фронтом и маршала. Не повезло.

Для спасения положения из Ленинграда был вызван Г. К. Жуков. "Сталин находился в трансе, - вспоминал Жуков. - Я застал его беседующим с Берией... Сталин сказал Берии, чтобы он на всякий случай через свою агентуру провел зондаж о возможных условиях заключения мира с Германией" (1995, No 3, с. 44){4}. Переговорив с вождем, Жуков немедленно выехал на фронт, чтобы на месте разобраться с ситуацией. "Побывав на наиболее опасных участках и в штабах Западного и Резервного фронтов, я пришел к выводу, что все пути на Москву для врага, по существу; открыты. Доложив об этом 8 октября по телефону Сталину, я просил его быстрее стягивать войска откуда только можно на

Можайскую линию обороны" (там же){4}. Но случилось чудо. Вражеские танки на окраинах Москвы так и не появились. Немцы не смогли воспользоваться уникальной возможностью в период с 7 по 12 октября победным маршем достичь столицы. У германского командования не оказалось в резерве двух-трех моторизованных дивизий, которые бы могли рывком одолеть последние 140-160 км. Время стало работать на советское командование. Что же произошло?

Прежде всего, к счастью, германское командование допустило серьезные просчеты в выборе целей. 3-я танковая армия (с 6 октября танковые группы были переименованы в танковые армии) не могла появиться у Москвы по той простой причине, что ее основные силы повернули на северо-восток. Было решено одновременно с наступлением на Москву окружить войска Северо-Западного фронта встречными ударами сил группы армий "Север" и 3-й танковой армии. 14 октября ее части ворвались в Калинин. Но нехватка материальных ресурсов не позволила развить успех. Не смогла и группа армий "Север" со своими 20 дивизиями выполнить три задачи кряду - осаждать Ленинград, наступать на Тихвин и двигаться на Москву.

Германское командование явно переоценило возможности вермахта и степень истощенности Красной Армии. Но в тот момент оно считало, что дивизии 4-й танковой армии сумеют пробиться в центре, тогда как танки Гудериана, прорвавшие в это время оборону Брянского фронта и занявшие с ходу Орел и Брянск, возьмут столицу в клещи с юга. Замысел был выдержан в классических традициях прусской военной школы - охватывать противника на широком пространстве, растягивая его войска. Растянутыми же оказались сами германские войска, а советскому командованию растягивать было просто нечего, и оно сосредоточило свое внимание на главных участках борьбы. За счет резервов и на базе строящихся укрепрайонов в считанные дни удалось создать более-менее крепкие заслоны на всех дорогах, ведущих к Москве, прежде всего у Волоколамска, Можайска, Малоярославца, Калуги. На эти и другие участки за эти дни было переброшено 90 тыс. человек, около 400 танков, сотни орудий.

С 12 октября на новых рубежах обороны в третий раз воссозданного Западного фронта, который теперь возглавил Г.К. Жуков, развернулись ожесточенные бои. "В те дни и ночи я "мотался" вдоль фронта, чтобы организовать оборону, вспоминал Жуков. - На самочувствии и работе отрицательно сказывались панические настроения в столице в те дни, бесконечные запросы и часто не соответствовавшие обстановке указания Сталина"

(1995, No 3, с. 44){4}. Был момент, когда казалось, что немцы, с ликвидацией "котла" высвободившие свои силы, вот-вот проломят оборону слабых советских частей и прорвутся к столице. Это выплеснулось в панику 15-16 октября в Москве, когда тысячи людей бросились на вокзалы и на дороги, ведущие на восток, когда сжигались архивы учреждений и партбилеты, готовились к взрыву заводы и электростанции. Но силы вермахта уже были не те. Сказывался эффект "армии Наполеона", которая вошла в Россию могучим 600-тысячным кулаком, а докатилась до Москвы 130-тысячным талым комом, истаяв на бескрайних просторах Нью-Скифии. Именно в октябре 1941 г., в момент наивысших побед германской армии, стала со всей наглядностью вырисовываться одна из краеугольных военных истин - побеждает тот, у кого больше резервов. К 16 октября во 2-й танковой группе оставался 271 танк, а в 3-й - 259, включая неисправные машины. Правда, потери в личном составе были невелики - с 1 по 16 октября группа армий "Центр" потеряла 48 тыс. человек (с. 93, 94, 381){5}, поэтому наступление, хотя и медленно, но продолжалось.

Руководство страны предпринимало все мыслимые меры, чтобы поправить положение. 18 октября приказом Ставки стали формироваться три новые армии: 32-я и 34-я, в составе четырех дивизий народного ополчения (что это такое, известно - плохо обученные гражданские лица, сырье войн) и одной дивизии НКВД каждая; 33-я армия из трех дивизий НКВД и двух дивизий народного ополчения. Подтягивались войска с Дальнего Востока. А пока...

18 октября немцы заняли Можайск и Малоярославец, до Москвы оставалось около 80 км. Но помимо отсутствия оперативных резервов настигла и другая напасть - распутица. Командующий группой армий "Центр" фон Бок записал в дневнике: "Ужасная погода привела к тому, что мы сидим на месте. А русские выигрывают время для того, чтобы пополнить свои разгромленные дивизии и укрепить оборону" (с. 98){5}.

Но шоссе не поддавались распутице, поэтому советские саперы минировали их. Волоколамское шоссе заминировали минами замедленного действия. В журнале боевых действий 9-й армии отмечалось: "Такие мины, разрываясь, образуют воронку в 10 м глубиной и 30 м диаметром. Взрыватели установлены с такой точностью, что ежедневно происходит по нескольку взрывов, и поэтому приходится каждый день строить заново объездные пути". И далее: "19 октября для ремонта шоссейной дороги была выделена целиком 5-я пехотная дивизия" (с. 98){5}.

3 ноября начальник Генштаба сухопутных сил Ф. Гальдер

записал в дневнике: "Группа армий "Центр" подтягивает 2-ю армию... Однако это лишь в теории. На самом же деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечить подвоз продовольствия" (т. 3, кн. 2, с. 29){6}.

4 ноября новая запись на ту же тему, но уже касательно группы армий "Юг": "6-я армия застряла в грязи и потеряла соприкосновение с противником" (там же, с. 32){6}. Можно, подобно советским историкам, отмахнуться от этих сетований германских военачальников, но генерал А.В. Горбатов в своих мемуарах также недобрым словом помянул распутицу, но уже применительно к советским частям: "Отход был исключительно тяжелым... из-за трудно проходимых дорог - шли беспрерывно дожди..." (с. 229){7}. Германским войскам пришлось брать оперативную паузу.

Кстати, о дорогах. Советские историки, подчиняясь указаниям сверху, напрочь отвергали такой фактор, действовавший против немцев, как дороги. Но в мемуарной литературе можно найти немало объективных свидетельств фронтовиков об этой проблеме. Только они, естественно, описывали свои беды. Но по ним можно судить, каково приходилось наступающему противнику. Вот некоторые из таких воспоминаний.

Сапер и подрывник И. Старинов: в октябре 1941 г. их колонна с минно-подрывным имуществом из 20 машин преодолевала расстояние в 120 км от Чугуева до Валуек (район Харькова) по разбитым дорогам шесть суток! (с. 226){12}.

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев: "Вследствие непроходимости дорог в отдельных случаях приходилось подносить боеприпасы на руках, пользуясь услугами местного населения... в период особого бездорожья, когда автотранспорт вообще не мог обеспечить снабжение войск... командование фронта привлекло... дивизию ПО-2" (с. 162){13}.

Маршал А.И. Еременко: "23 июля разразился сильный летний ливень. Дороги размыло, артиллерия и обозы стали отставать от пехоты и танков" (1985, с. 263){14}. Или: "В целом обстановка благоприятствовала нашему удару - дороги были проходимы для всех видов транспорта" (там же, с. 266){14}. Чисто российское понятие: дороги есть, но проходимы отнюдь не для всех видов транспорта.

Вместе со стабилизацией положения у И. Сталина вновь прорезался зуд к частным наступательным операциям, которые толкали Западный фронт на порочный путь расходования своих скудных резервов. Г.К. Жуков в мемуарах утверждает, что он и

Б.М. Шапошников были против подобных контрударов, но ничего поделать не могли. За считанные дни были обескровлены 58-я танковая дивизия, большие потери понесла 112-я танковая и практически полностью погибли в атаках 17-я и 44-я кавалерийские дивизии. Толку контрудары не принесли никакого, зато в семьи ушли несколько тысяч дополнительных похоронок.

15 ноября генеральное наступление на Москву возобновилось с новой силой. То было, наверное, одно из самых загадочных наступлений вермахта. По логике вещей группа армий "Центр" должна была перейти к глухой обороне ввиду крайней нехватки зимнего обмундирования, неготовности техники к зимней эксплуатации и ее изношенности. У командования не было резервов, а тут еще с 5 ноября на помощь Муссолини стали перебрасывать 2-й воздушный флот. В распоряжении фон Бока оставили лишь один авиационный корпус. Правда, элитный - 8-й авиакорпус Рихтгофена. Но протяженность фронта достигала 500 км. Поспеть всюду пикировщикам, конечно, было невозможно. Вполне вероятно, что верховное командование исходило из того соображения, что плохая погода все равно не позволит использовать авиацию в полной мере. Войскам предлагалось наступать на одном энтузиазме. Странно, но он был. Танковые моторы приходилось разогревать утром по два-три часа. И в бой.

Дивизии Гудериана прорвали фронт и окружили часть советских войск, открыв дорогу на Москву с юга. Но к Кашире смогли выйти лишь около батальона солдат. Войск уже не хватало даже на создание сплошной линии все увеличивающегося фронта. У советского командования резервы были, и оно быстро заткнуло "дырку" у Каширы.

На северном участке немцам удалось прорваться к каналу Москва - Волга, форсировать его, чтобы двигаться в обход города. До столицы оставалось 30-40 км. "Фронт нашей обороны выгибался дугой, образовались очень слабые места, казалось, вот-вот случится непоправимое", - вспоминал Г.К. Жуков. Примерно в эти дни и позвонил Сталин со своим знаменитым "Скажите как коммунист коммунисту. Мы удержим Москву?".

Дело решили резервы. Западный фронт получил 1-ю ударную и 20-ю армии. Ими удалось ликвидировать плацдарм на канале у Яхромы.

30-я армия получила в эти дни четыре стрелковые и одну кавалерийскую дивизии. 5-я и 16-я армии - две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад.

С Дальнего Востока подходили свежие кадровые дивизии - две стрелковые и одна мотострелковая. В тылу командованию

Московского военного округа на случай прорыва врага к столице были переданы 4 стрелковые, 1 кавалерийская дивизии, 7 стрелковых бригад. А еще дальше в тылу уже готовились три резервные армии 10-я, 26-я и 61-я. Фон Боку не дали ничего.

Мороз крепчал. Но 2 декабря немцы умудрились прорвать фронт под Наро-Фоминском. Бои передвинулись к штабу Западного фронта, расположенному в том районе. Очередную "дырку" заткнули имеющимися резервами. На этом успехи противника закончились.

Трагедия Юго-Западного фронта (июль - ноябрь)

Несмотря на первоначально крупные силы в сравнении с немецкими, Юго-Западный фронт в середине июля оказался в крайне тяжелом положении. Фронт был рассечен надвое. 5-я армия и созданная для обороны Киева 37-я армия занимали северный и центральный его участок, 6-я, 12-я и 26-я армии прикрывали Южную Украину. Лишь сухопутная перемычка вдоль Днепра примерно в сотню километров соединяла Юго-Западный фронт в относительно единое целое. Но ей предстояло быстро уменьшаться. Командование фронта, еще две недели назад располагавшее крупными бронетанковыми силами, теперь просило у Ставки танки для сдерживания "разбитых" моторизованных дивизий Клейста. И Ставка, не менее, если не более виноватая в такой ситуации, не отказала в просьбе. Из состава Южного фронта был изъят 16-й механизированный корпус и несколько стрелковых дивизий в придачу. Но ничего не помогало. Все моментально перемалывалось, и уже через несколько дней вновь обозначались бреши, которые нечем было заткнуть.

Во второй половине июля 38 немецких дивизий неуклонно теснили 44 советские. Им удалось окончательно расколоть Юго-Западный фронт, выйдя к Днепру, поэтому 25 июля Ставка передала 6-ю и 12-ю армии в подчинение Южному фронту. В это время соединения 1-й танковой Группы у Днепра были заменены пехотными частями, и танки Клейста смогли ударить на юг, как и планировалось перед войной, со всей своей мощью. 2 августа, пройдя около 200 км, они прорвались к Первомайску и вышли в тыл 6-й и 12-й армиям. С запада, им навстречу выходили дивизии 17-й армии. Советское командование делало все возможное, чтобы избежать окружения. В контрудары бросалось все, что попадалось под руку, а сами 6-я и 12-я армии беспрестанно отходили с рубежа на рубеж в глубь украинских степей. Порой германскому верховному командованию казалось, что окружение не состоится, и Гальдер неоднократно записывал свои сомнения в тайный дневник. Но Клейст творил чудеса своими

немногочисленными танковыми силами, и ловушка все же захлопнулась. Две армии сопротивлялись только до 7 августа, и лишь отдельные части продержались на несколько дней дольше. В плен попали оба командующих - генералы И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделин, а также около 140 тыс. солдат и офицеров.

Это поражение круто меняло оперативную обстановку на Украине. Закрыть брешь было нечем. Уже 14 августа был взят Кировоград, 17 - Николаев и Кривой Рог. К 30 августа немцы вышли почти на всю линию Днепра от устья до разграничительной полосы с группой армий "Центр" южнее Лоева. На Правобережье Украины оборонялись лишь два плацдарма - города Киев и Одесса.

31 августа 100-я пехотная дивизия 17-й армии захватила небольшой плацдарм у Кременчуга. Германское командование поначалу не обратило на него должного внимания. Но с каждым днем плацдарм увеличивался, а вместе с размером росло его оперативное значение. И если 2 сентября Гальдер записывает в дневнике: "Удачно захваченные 11-й и 17-й армиями плацдармы потребуют некоторого времени, чтобы сказалось их значение" (т. 3, кн. 2, с. 324){6}, то уже через несколько дней в Генеральном штабе сухопутных сил и у командования группы армий "Юг" рождается замысел прорыва танковых групп Гудериана и Клейста в тыл Юго-Западного фронта. Ф. Гальдер записал в дневник 7 сентября: "Вылет в группу армий "Юг" (Умань) для обсуждения операции по охвату противника в излучине Днепра и Десны" (там же, с. 332){6}. 7 и 8 сентября он обсуждал детали операции с Г. Рундштедтом. В результате на свет появился план "битвы за Киев" - план по окружению войск Юго-Западного фронта. Его реализация не заставила себя долго ждать. Уже 10 сентября дивизии Гудериана вышли на линию Бахмач-Ромны (в 200 км от Кременчугского плацдарма). А 15 сентября танки Гудериана и Клейста соединились в Лохвице. Скорость просто фантастическая для таких пространств, учитывая тяжесть уже проведенных боев.

Кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось, и через неделю он прекратил свое существование. Была ликвидирована группировка, насчитывающая свыше 500 тыс. человек. Командование фронта почти целиком погибло. Разгрома такого фронтового масштаба еще не знала ни одна армия мира. Хотя англо-французские войска и потерпели поражение в Бельгии в 1940 г., они все же смогли эвакуировать основные силы через Дюнкерк. В плен попало тогда 40 тыс. французских военнослужащих и несколько тысяч англичан. А тут... Но печальный рекорд продержался недолго и был перекрыт месяц спустя в Вяземском котле.

Разгром войск фронта явился следствием крупнейшего просчета в оценке событий И.В. Сталиным как Верховным Главнокомандующим. Истоки же просчета имели старые корни - уверенность в своей способности оценивать события глубже других.

7 сентября Военный Совет Юго-Западного фронта, видя опасность, нависшую над флангами, обратил внимание главкома Юго-Западного направления С.М. Буденного на серьезность складывающейся обстановки. Чуть позже М.П. Кирпонос вновь обратился к Буденному, указывая на угрозы с флангов и отсутствие резервов у фронта для их надежного прикрытия. Аргументы командования Юго-Западного фронта были приняты, и 11 сентября Военный Совет Юго-Западного направления обратился в Ставку с просьбой дать согласие на отход. В докладе констатировался "замысел противника по охвату и окружению ЮЗФ с направлений Новгород-Северский и Кременчуг. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группировку войск. Юго-Западный фронт сделать этого не в состоянии" (т. 2, с. 107){8}. Именно такой оборот событий предрекал еще 29 июля Г.К. Жуков в докладе Сталину, за что и поплатился - был снят с должности начальника Генерального штаба.

Сталин с самого начала событий был категорически против отвода Юго-Западного фронта. Ему показалось, что ситуация начала выправляться. Закончилось наступление на Москву. Были подписаны первые соглашения о военно-экономической помощи со стороны США и Великобритании. Сталин заверил специального посланника президента США А. Гарримана, что фронт практически стабилизировался и отступать дальше Красная Армия не намерена. Но ход событий и на этот раз разошелся с оценками вождя.

11 сентября Сталин имел телефонный разговор с Кирпоносом. Он полностью отверг возможность отвода войск Юго-Западного фронта за реку Псел и оставление Киева. Вместо этого последовал "мудрый" приказ: перебросить против группы Гудериана части с других участков фронта и разгромить (не больше и не меньше!) противника совместно с Брянским фронтом.

Сталин возлагал на Брянский фронт большие надежды. Командующий фронтом А.И. Еременко самонадеянно дал твердое обещание разбить "подлеца Гудериана" ударом во фланг, и хотя все попытки в течение второй половины августа ни к чему не привели, надежда у Верховного отнюдь не угасла.

Чтобы покончить с "паническими" настроениями в штабе

Юго-Западного направления, Сталин незамедлительно освободил от должности С.М. Буденного, назначив вместо него С.К. Тимошенко.

Опубликованные документы, прежде всего стенограммы переговоров между Москвой и штабом Юго-Западного фронта, достойны особого внимания не только с точки зрения познания хода исторических событий, но и с точки зрения психологии и методов анализа оперативной обстановки в условиях разновариантности таких событий. А История любит предлагать такого рода шарады. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие, казалось бы, видимых грубейших ошибок в анализе обстановки начальника Генштаба Б.М. Шапошникова и Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Их рассуждения внешне логичны и последовательны.

Б.М. Шапошников - М.П. Кирпоносу 11 сентября: "Вашу телеграмму о занятии Ромн и поэтому о необходимости скорейшего отхода Ставка Верховного Главнокомандующего получила. Однако..." И Шапошников перечисляет данные о силах прорыва: "Авиационной разведкой был обнаружен в 13.25 и 14.25 подход двух колонн автомашин с танками... к северу от Ромн. Судя по длине колонн, здесь небольшие части, примерно не более тридцати-сорока танков. По непроверенным данным, из Сум якобы в 16.00 10.08 в Ромны высажен десант с машин... По-видимому, часть подвижных войск противника просочились между Бахмачем и Конотопом. Все эти данные не дают еще оснований для принятия того коренного решения, о котором Вы просите" (с. 226){15}.

Стоит обратить внимание на скудость сведений у начальника Генштаба, и отсюда филологические тонкости в оборотах анализа: "примерно", "по непроверенным данным", "якобы", "по-видимому". А в итоге делается категорическое заключение, что оснований для отвода нет.

Далее Шапошников сообщает: "Я уже вчера, 10.09, говорил с Вами относительно того, что через три дня Еременко начинает операцию по закрытию прорыва к северу от Конотопа и что 2-й конный корпус Верховным Главнокомандующим от Днепропетровска направлен на Путивль. Таким образом, необходимо Вам в течение трех дней ликвидировать передовые части противника у Ромн, для чего, я считаю, Вы сможете две дивизии с противотанковой артиллерией взять от черкасской (26-й) армии и быстро перебросить их на Лохвицу навстречу мотомехчастям противника".

Чего же еще надо командованию Юго-Западного фронта? Но... А. И. Еременко начинал и безуспешно заканчивал

неизвестно какую по счету атаку против Гудериана. Конному корпусу еще надо было дойти от Днепропетровска до Путивля. И Кирпонос осмеливается возразить начальнику Генштаба (Сталину он не возражал): "Создавшееся положение... характеризуется не только выходом сегодня противника в район Ромн, Гайворон, но и взломом обороны в районе Чернигов, Окунино. 5-я армия ведет тяжелые бои в окружении (кстати, тоже по вине Ставки, не давшей своевременного разрешения на отход. - Б.Ш.), и мы все стремимся к тому, чтобы не дать возможность противнику достигнуть здесь какого-либо успеха. Но, к сожалению, все возможности, которыми мог самостоятельно располагать Военный Совет фронта, исчерпаны и оказались недостаточными в условиях сложившейся обстановки". Тогда в переговоры вступил сам Сталин.

"Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной Вам реки мне кажется опасным". Предлагалось, создав ударный кулак из 5-6 дивизий, "повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом", а также "немедленно организовать оборонительный рубеж на р. Псел. После всего этого начать эвакуацию Киева... закрепиться на восточном берегу Днепра. Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления" (с. 325-326){9}.

Казалось бы, все верно. Сталин предупреждает: отступать без подготовленных тыловых рубежей обороны опасно. Правда, неясно, кто виноват в том, что они не готовились, ведь Гудериан наступал на юг с августа, да и дивизии группы армий "Юг" давно стояли у днепровских переправ. Верховный Главнокомандующий предложил сначала создать оборонительный рубеж, задержав Гудериана "отчаянными" атаками, а затем отойти на восточный берег Днепра и там закрепиться. План мог бы быть приемлемым, если бы имелись время для организации тылового рубежа и эти самые 5-6 дивизий, способные задержать наступление противника. Сталин предлагал то, что в сложившейся ситуации осуществить было уже невозможно.

Невольно всплывает аналогия со знаменитым советом в Филях, где Кутузов принял свое историческое решение об отходе. А положение русской армии после Бородинского сражения, казалось, было прочным. Но Кутузов отступил не потому, что ему не жалко было Москвы, а потому, что мудро рассудил: выиграть войну можно, лишь сохранив армию. Сталину же хотелось сохранить все разом - войска, Киев, престиж. Он рассчитывал на мифические "отчаянные" атаки. Кутузов же высчитывал свои шансы не как игрок, ставящий все на одну карту, а как

полководец-аналитик. Решение в Филях 1812 г. и решение в Кремле 1941 г. примеры разного уровня анализа проблемы, счета вариантов. Сталин в очередной раз за 1941 г. оказался не на высоте.

Прибывший на место С.М. Буденного С.К. Тимошенко в отличие от прежнего главкома не сразу сумел правильно оценить обстановку. Его вывод сводился к тому, что "мероприятия, проводимые генералом Кирпоносом, не преследуют решительных целей для нанесения удара в направлении Ромн, где противник слабее". Через несколько дней, под напором фактов, он изменил свое мнение, только для восприятия этих фактов не требовалось маршальского звания. Хватило бы и капитанского опыта.

Сам М.П. Кирпонос в эти дни совсем потерял себя. Он разрывался между пониманием угрозы фронту и необходимостью оправдываться из-за обвинений в панических настроениях. Ему фатально недоставало воли принципиально отстаивать свою оценку ситуации. Демарши в Ставку от 7 и 11 сентября делались во многом под давлением нового начштаба фронта генерал-майора В.И. Туликова, личности яркой, волевой, с обостренным чувством опасности и хорошими аналитическими способностями. Будучи военным атташе в Берлине, он неоднократно слал в Москву предупреждения о надвигающейся войне, что даже вызвало недовольство Берии. (В своей резолюции он обыграл фамилию атташе. Но тупость проявило как раз сановное начальство с благополучными фамилиями.) И вновь Тупиков сигнализировал об опасности, теперь применительно к Юго-Западному фронту. И опять кремлевские вожди его не слышали. Кирпонос же гнулся между двумя волевыми полюсами. Попросив отвода войск у Шапошникова, он в разговоре со Сталиным, после его заключительного требования перестать искать рубежи для отступления, вдруг забил отбой: "У нас мысли об отводе войск не было" (Тупиков, слушая Кирпоноса, схватился за голову). На что Сталин резонно заметил: "Предложение об отводе войск Юго-Западного фронта исходит от Вас и Буденного" (с. 326, 327){9}.

14 сентября В.И. Тупиков По собственной инициативе направил телеграмму начальнику Генштаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного направления, в которой, вновь охарактеризовав критическое положение фронта, высказался за немедленный отход. Учитывая разницу в чинах и служебном положении, телеграмма Б.М. Шапошникову заканчивалась довольно "вызывающе": "Начало понятной Вам катастрофы - дело пары дней".

Реакция Шапошникова была по-большевистски смелой. "Генерал-майор Тупиков... предоставил в Генштаб паническое

донесение, - обрушился в ответе командованию фронта Шапошников. - Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки... Надо заставить (!) Кузнецова и Потапова прекратить отход. Надо внушить (!) всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина" (с. 182){2}. Увы, начальник Генерального штаба в эти решающие для Юго-Западного фронта дни не поднимался выше уровня плохого парткома на стройплощадке.

Но обстановка на фронте уже не зависела от указаний тов. Сталина. 15 сентября танки противника перерезали горловину у Лохвицы и Лубен. В окружение попали четыре армии - 5-я, 21-я, 26-я и 37-я. Но даже в этих условиях Ставка дала разрешение на отход лишь в ночь на 18 сентября, когда противник укрепил стенки кольца, да и то только с Киевского выступа на западном берегу Днепра. Кирпонос стал готовить войска к прорыву, так и не получив приказа на отход по всей форме (штаб Юго-Западного направления разрешил сделать это 16 сентября, но устно, через Баграмяна, который в тот момент оказался у Тимошенко). Время было упущено. Правда, хладнокровный Шапошников послал ободряющее (и издевательское по существу) указание следующего содержания: "Больше решительности и спокойствия. Успех обеспечен... Пробивайтесь... на Лохвицу, Ромны" (с. 197){2}. 19 сентября 37-я армия оставила Киев. В этот момент немецкие дивизии уже рассекали боевые порядки 26-й и 37-й армий. 20 сентября они были разрезаны на три "котла", а 5-я и 21-я армии, разделившись на отдельные группы, стали самостоятельно пробиваться на восток. Остальное было делом судьбы.

Удалось выйти из окружения группам работников штаба 21-й, 26-й, 37-й армий во главе с их командующими генералами В.И. Кузнецовым, Ф.Я. Костенко и А.А. Власовым; отдельным отрядам под командованием генерал-майоров К.С. Москаленко, П.П. Корзуна, А.И. Лопатина, И.Х. Баграмяна. Но М.П. Кирпонос и В.И. Тупиков погибли. Командарм 5-й армии, которая сыграла очень большую роль в оборонительных боях на Украине, М.И. Потапов попал в плен. Как и М.Ф. Лукин, он показал себя одним из самым способных и современно мыслящих военачальников первого периода войны. Возможно, наши вооруженные силы потеряли одного из самых крупных своих полководцев.

Неожиданная для Сталина катастрофа на Юго-Западном фронте серьезно повлияла на его решительное прежде настроение. 27 сентября Ставка издает приказ о переходе к жесткой обороне, в котором требовалось "лишь в случае необходимости предпринимать частные наступательные операции

для улучшения своих оборонительных позиций" (т. 4, с. 116){1}. Понадобилась гибель целого фронта, чтобы Верховный Главнокомандующий осознал бесперспективность бесконечных плохо подготовленных наступлений. Правда, ненадолго...

После разгрома Юго-Западного фронта перед противником открывались радужные перспективы: ударить двумя танковыми группами на Курск - Харьков, а затем, оставив полевым армиям задачу продвигаться к Дону, повернуть - Клейсту на Таганрог - Ростов в тыл Южному фронту, Гудериану - на Тулу в тыл Брянскому фронту. Операция сулила скорый успех, так как почти 400-километровую линию нового Юго-Западного фронта, которым теперь командовал С.К. Тимошенко, прикрывала жидкая цепочка из ослабленных в предыдущих боях 40-й, 21-й, 38-й, 6-й армий, пополненных кавалерийским корпусом и некоторыми другими частями. Вместо этого танковые группы были брошены на расходящиеся направления. Причем на группу Гудериана пришлась лесистая местность, что сильно помогло советским войскам при обороне.

Гудериану была поставлена задача взломать оборону Брянского фронта и двигаться на Тулу через Орел -г- Брянск. 30-сентября его дивизии перешли в наступление. Несмотря на то что командование Брянского фронта было предупреждено о готовящемся ударе, Гудериану удалось быстро рассечь фронт на три части. Уже 3 октября был взят Орел. В окружение попали две армии (3-я и 13-я - в третий раз!). 6 октября немцы заняли Брянск. Казалось, что повторится летняя история. Но сил у немцев уже не хватало. 50-я армия сумела выскользнуть из клещей, отойти к Туле и занять оборону вокруг города. 3-я и 13-я армии, хотя и понесли потери, смогли пробиться сквозь неплотное танковое кольцо и заняли оборону на правом фланге наступающих немецких войск. Период быстрых побед на этом закончился. Авангарды Гудериана неожиданно были атакованы в узком дефиле у Мценска. Несколько дней танки и мотопехота пытались пробиться на Тулу по зажатому лесами шоссе, по обочинам которого развернулась танковая бригада М.Е. Катукова. Танкисты уже не спешили бросаться в раскрывающие себя атаки, а стали применять тактику засад, поджидая момента, когда колонны противника двигались по дороге. По существу, используя такую тактику, Катуков обстреливал новобранцев, прекрасно понимая, что они потерпят поражение в открытом бою с опытными немецкими танкистами {10}. Вместе с подошедшими стрелковыми частями Катукову удалось задержать дивизии Гудериана до 19 октября. Немцы сумели вытеснить обороняющихся, лишь подтянув крупные силы. В конце октября

части Гудериана подошли к Туле, но взять город уже не смогли.

29 сентября Клейст начал наступление от Днепропетровска к Азовскому морю в тыл Южному фронту. Но окружить его было очень сложно, потому что Южный фронт уже отошел с западного берега Днепра. Получалось, что 1-я танковая группа наступала как бы вдоль линии Южного фронта, что давало последнему время на отступление. На этот раз Сталин не стал упрямиться, и 9-я, 12-я и 18-я армии Южного фронта своевременно начали выводиться из-под флангового удара немцев. Однако Клейст вновь совершил чудо, как под Уманью. Его дивизии, уже три месяца сражавшиеся без сколь-нибудь продолжительного отдыха, смогли быстро сломать оборону отчаянно защищавшейся 12-й армии, прикрывавшей отход фронта.

7 октября 1-й танковой группе удалось соединиться с 11-й армией, наступавшей вдоль Азовского моря. Но сил у немцев было явно недостаточно, чтобы двумя армейскими корпусами 11 - и армии и одной танковой группой полностью разгромить три советские армии. Поэтому из окружения смогли выйти основные силы 9-й и 18-й армий, и захватить по-настоящему крупных трофеев не удалось. Было объявлено о пленении 107 тыс. человек, захвате 212 танков и 672 орудий. Преследуя отступающих, 1-я танковая группа 17 октября заняла Таганрог, но была остановлена на реке Миус.

Наступали и соседние 17-я и 6-я армии группы армий "Юг". Им было легче, потому что в связи с разгромом фланговых фронтов - Брянского и Южного - 15 октября Ставка приказала Тимошенко выровнять линию, отведя к 30 октября войска Юго-Западного фронта примерно на 200 км на линию Касторное - Старый Оскол Валуйки - Купянск - Красный Лиман. 24 октября был оставлен Харьков. Но наступательный потенциал противника стал иссякать. Три-четыре сотни танков Клейста - это слишком маленькая ударная мощь для 700-километрового фронта. Германские войска за счет своего качества еще одерживали победы. Так, в октябре - ноябре 11-я армия овладела почти всем Крымом, наголову разбив оборонявшую полуостров 51-ю отдельную армию. Однако на большее уже не хватало сил. Но тут Клейст совершил еще одно усилие. В условиях сильнейшей распутицы, непрерывно маневрируя, его дивизии после упорных боев 21 ноября овладели Ростовом. Хотя ненадолго, всего на неделю. У группы армий "Юг" резервов не было. К советской стороне они поступали постоянно. На месте разбитых фронтов и разгромленных армий тут же возникали новые. Ростовская операция была последним чудом измочаленных дивизий Клейста. Воевать пять месяцев без отдыха, без оперативной паузы,

перемолов на своем пути шесть механизированных корпусов Красной Армии с их несколькими тысячами танков, участвуя в окружении восьми общевойсковых армий двух фронтов, ни разу нигде не отступив (а частям других танковых групп это делать иногда приходилось), пройдя по плохим дорогам около 2 тыс. км, форсировав большое количество рек и речушек, - это достижение, состязаться с которым вряд ли могли даже дивизии Гудериана. Эвальд фон Клейст совершил в 1941 г. практически невозможное и ни одной другой танковой армией мира больше не повторенное. Недаром советская историография старалась как можно меньше касаться дел 1-й танковой группы. Взяв Клейста в плен в 1946 г., из СССР его больше не выпустили. Он умер в заключении в 1954 г.

Юго-Западный фронт в 1941 г., несмотря на свои немалые силы, огромный перевес в танках, мощный тыл в виде украинской промышленности, обильных людских ресурсов, развитой сети железных дорог, наличие сильных укрепрайонов по старой и новой государственной границе и вокруг Киева, не смог устоять перед волей" выучкой войск и искусством командования группы армий "Юг", и советской историографии пришлось врать про "многократное" превосходство врага в живой силе и технике, и не рассказать о том, что реальное небольшое превосходство достигалось за счет постоянного перемалывания огромного потока поступающих в войска Красной Армии резервов. Битва за Украину была проиграна Красной Армией вчистую более искусному в бою.

Почему Германия не выиграла войну в 1941 г.

У советских историков ответ был прост. В ходе героической борьбы Красной Армии под руководством Коммунистической партии и ее вождя И.В. Сталина с многократно превосходящими силами врага были созданы предпосылки для перехода в контрнаступление. Но было ли "превосходство"? Обратимся к цифрам.

За весь 1941 г. в Германии было выпущено 11 030 самолетов, в том числе 9540 боевых. Немалая часть из них пошла на нужды Западного фронта (битва в Атлантике, защита от налетов английской авиации, борьба в Средиземноморье). В СССР только за второе, военное полугодие 1941 г. было построено 9777 самолетов!

Германская промышленность в июле - декабре 1941 г. дала 1890 танков, из которых лишь 1317 единиц составляли средние T-III и T-IV.

Советские заводы за этот период выпустили 4742 танка, из которых 933 приходилось на КВ-1 и 1886 на Т-34. Итого 2819

сверхсовременных танков против 1317 куда менее сильных немецких среднего класса.

Опять получается, что воевать было чем, если, конечно, не биться в пропорции 1 немецкий танк за 10 наших.

Еще лучше обстояло дело с артиллерией. Если Германия за весь 1941 г. произвела 7092 орудия калибром 75 мм и выше, то Красная Армия за одно, второе, полугодие получила только 76-мм орудий 6520 штук.

И что в итоге? За пять месяцев войны вермахт захватил территорию, равную той, что Германия оккупировала в течение 1939-1940 гг., и вывел из строя столько советских солдат, сколько было в двух армиях Франции в 1940 г. А техники было уничтожено или захвачено столько, что ее хватило бы на четыре французские армии {11}. То есть по европейским масштабам война в ноябре 1941 г. завершилась бы за отсутствием свободной территории и сражающихся войск. Из этого следует одно: степень сопротивляемости Красной Армии летом - осенью 1941 г. с учетом ее насыщенности современным оружием и людскими ресурсами была довольно низкой. А вот немцы прекрасно воевали. Об этом в советские времена не писали из "патриотических" соображений, чтобы не возникало лишних вопросов о причинах слабости Красной Армии. Но лучше постараться осмыслить силу противника, который за 70 дней дошел до Ленинграда (800 км по прямой) и через 120 - достиг Москвы (900 км по прямой), чем сочинять небылицы про его численное превосходство. Особенно учитывая, что от германской границы до Парижа было всего 300 км, на преодоление которых германской армии потребовалось 34 дня, т.е. 9 км. в сутки. А теперь сравните темпы 1940 г. с темпами 1941 г. Как минимум они не ниже, чем во время похода против "гнилых" западных держав. Одна отрада: немцы Париж заняли, а Ленинград и Москву - нет. Но не следует забывать, что германским войскам в 1940 г. не требовалось завоевывать "вторую Францию". Ведь Украина, захваченная в течение четырех месяцев, по территории превышает Францию! А были еще Прибалтика, Белоруссия и Молдавия, которые по общей площади лишь немного не дотягивали до размеров опять же всей Франции. А ведь еще была территория Российской Федерации... Так что СССР от разгрома в 1941 г. спасла не мобилизующая роль Коммунистической партии, не гений тов. Сталина, а прежде всего размеры территории и неисчерпаемые людские ресурсы.

Но и германское верховное командование оказалось, мягко говоря, не на высоте по отношению к своим войскам. Оно вынудило их действовать в крайне неблагоприятных условиях -

без достаточного количества техники, прежде всего танков и автомашин, без зимнего обмундирования. Гитлер заставил солдат штурмовать небо. И они чуть было не выполнили эту невыполнимую задачу. Если представить соотношение сил вермахта и РККА, то любой аналитик сделает вывод о неизбежном скором поражении германской армии. Слишком уж велико было техническое превосходство Красной Армии. Практика преподнесла удивительный сюрприз, поставивший советскую военную историческую науку в тупик. Как могло произойти то, что произойти не могло? Вермахт с небольшими по численности танковыми войсками громил все на своем пути. Было мало истребителей, но летчики сбивали столько самолетов, сколько требовалось для господства в воздухе. Солдаты доверяли своему командованию, демонстрируя высочайший моральный дух. Они преодолевали все субъективные препятствия в виде войск противника, независимо от его численности и количества имеющегося у него оружия. Они не смогли преодолеть "проблемы Гитлера". Правда, о ней низы не подозревали.

Именно Гитлер раз за разом подставлял свою армию под удар. О невысоком уровне обеспеченности бронетанковыми силами уже упоминалось. Другим шагом стало втягивание Германии в войну на два фронта. А это, как показала еще Первая мировая война, дело для страны малоперспективное. Хочется добавить к этому списку обширные пространства СССР. Но это будет не совсем верно.

Пространственный фактор не помеха, а даже преимущество для нападающего, если слаба политическая система атакуемого государства. Александр Македонский всего тремя сражениями - при Гранике, Иссе и Гавгамелах - завоевал колоссальную территорию, в 10 раз превышающую ту, что добыл его отец Филипп в ходе упорной борьбы с полисами Эллады. Зато 6 лет Александр потратил на покорение небольших племен Средней Азии и Афганистана. Пространственный фактор становится препятствием для агрессора в случае прочности политической системы (независимо от уровня социального развития общества). Карл XII несколько лет бегал за польским королем Августом по обширной территории Речи Посполитой ("увяз в Польше"). Пространства спасли Августа и здорово помогли Петру I. Хорошим подспорьем пространственный фактор стал для Англии. Сколько ни захватывали Германия и Япония британских владений, у нее оставалось еще много территорий, а значит, источников людских и материальных ресурсов.

Атакуя СССР, Гитлер рассматривал его пространства с точки зрения Александра Македонского. Гитлер был уверен в

кардинальной слабости сталинского режима и возможности одним ударом завладеть территориями, находящимися в централизованном подчинении. Логика понятная и весомая. Но Александр Македонский был не только великим полководцем, но и великим стратегом и политиком. Он не просто разгромил персидскую армию, но и заместил собой Дария II. Государство сохранялось, поменялась лишь династия. Также поступали монголы времен Чингисхана и его преемников. Они образовали новую династию в Китае Юань, переняв у китайцев их обычаи и государственные традиции. Так же, с полным уважением к местным народам, поступали в государствах Средней Азии, в половецких степях и т.д. А там, где завоеватели не могли заместить политическую элиту, как на Руси, они оставляли местных правителей в качестве своих союзников (вспомним отношения Александра Невского, а затем московских князей с Ордой).

Гитлер же пришел в СССР с целью не заместить существующий политический режим, а полностью уничтожить государственность его народов. И пространственный фактор тут же превратился в проклятие для вермахта, в стратегическую ловушку, в бег за ускользающим горизонтом. Такую войну вермахт выиграть не мог в принципе, даже если бы имел надлежащее количество танков. Кстати, ту же ошибку совершила Япония в Китае и увязла в бесконечной войне.

Итак, можно ли было разгромить сталинский политический режим? Судя по развернувшимся событиям - да, возможно. Можно ли было разгромить российскую государственность? Судя по тому, чем кончился поход вермахта, - нет.

Глава 4. Битва под Москвой: победа, но не разгром

В первых числах декабря наступательный потенциал немецких войск под Москвой иссяк. В этот момент, в лучших для нашей стороны условиях, и началось знаменитое контрнаступление под Москвой. Короткие линии коммуникаций, несравненно большая приспособленность Красной Армии к зиме, наличие крупных фронтовых резервов создавали благоприятные условия для наступления. К началу наступления на фланги Западного фронта стали выдвигаться 1-я ударная, 10-я, 20-я, 26-я и 61-я армии. И хотя многие из них были еще далеки от завершения формирования и обучения, германскому командованию такие резервы и во сне не могли привидеться. Благоприятствовал наступлению и фактор внезапности. Возможность разгромить группу армий "Центр" давала и выгодная конфигурация фронта. На севере, в районе Калинина, и на юге, у Тулы, немецкие войска глубоко вклинивались на восток,

подставляя себя под фланговый удар. Особенно плохо фланги были обеспечены у 2-й танковой армии Гудериана. Эта группировка была малочисленной и ее растянутые дивизии не смогли выдержать удара даже 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова с приданной ему 112-й танковой дивизией. Бой произошел в конце ноября у Каширы, куда прорвалась небольшая войсковая часть из состава 2-й танковой армии. После короткой схватки кавалерийский корпус двинулся вперед, преследуя отступающих немцев, и обнаружил, что у противника нет сил парировать даже этот небольшой по мощности удар. Удачная контратака у Каширы через несколько дней переросла в общее наступление всех войск левого фланга Западного фронта и поспешное, напоминающее бегство, отступление 2-й танковой армии. Командование Западного фронта и Ставка поняли, что час возмездия пробил. Последовал приказ о переходе во всеобщее наступление советских войск трех фронтов - Калининского, Западного и Юго-Западного. Свершилось! После всех катастроф летне-осенних месяцев советские войска получили возможность хотя бы частично отомстить врагу.

Зато дальнейшие события вызвали у представителей немецкого генералитета недоумение по поводу упущенных Красной Армией возможностей. Их военное мышление, ориентированное на стратегию окружения как основной способ достижения решительных целей, не могло не отметить благоприятную для противной стороны ситуацию.

Маршал А.М. Василевский писал, что суть плана "сводилась к тому, чтобы разгромить фланговые группировки врага на Московском направлении: севернее столицы - усилиями 30-й,-1-й ударной, 20-й и 16-й армий на участке от Рогачева до Истры в общем направлении на Волоколамск; южнее столицы усилиями 50-й и 10-й армий на участке от Тулы до Михайлова через Сталиногорск (Новомосковск) и Богородицк с поворотом затем в направлении на Калугу и Белев" (с. 162-163){1}. То есть замысел (если проследить по карте) сводился к удару всеми армиями на всех участках обоих флангов без попытки глубокого охвата войск противника. Поворот на Белев - Калугу был ударом вдоль линии фронта и привести к окружению немцев на центральном участке их обороны никак не мог. Поэтому, хотя наступление и началось, на флангах группы армий "Центр", оно носило в основном характер лобовых ударов. Немецкие войска не окружались в своих выступах, а "выпихивались" оттуда. Но и эта бесхитростная стратегия стала тяжелым испытанием для немецких армий под Москвой. "Лишь тот, кто в эту зиму... лично видел бесконечные

просторы русских снежных равнин, где ледяной ветер мгновенно заметал всякие следы, лишь тот, кто часами ехал по "ничейной" территории, встречая лишь незначительные охраняющие подразделения, солдаты которых не имели необходимого обмундирования и питания, в то время как свежие сибирские части противника были одеты в отличное зимнее обмундирование... лишь тот мог правильно оценить последовавшие вскоре серьезные события", - писал Г. Гудериан (с. 243){2}. Он знал, о чем писал, ибо именно в полосе его армии возник самый значительный кризис, чуть было не ставший фатальным для всей группы армий "Центр".

6 декабря к наступлению 1-го гвардейского корпуса генерала П.А. Белова и танковой дивизии полковника А.Л. Гетмана присоединилась свежая 10-я армия, только что прибывшая из резерва. Быстро сбив передовые охранения, они погнали фашистов на запад. 8 декабря их поддержала 50-я армия у Тулы, а затем 3-я и 61-я армии на противоположном фасе выступа. Но попытка "завязать" мешок (если такое вообще предусматривалось) не получилась, как в силу маломощности 50-й армии, так и потому, что 3-я армия наступала не навстречу 50-й, а на запад, в направлении Мценска.

Тогдашний начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит вспоминал: "Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома южной группировки... У фельдмаршала Клюге (командующего 4-й армии, соседа 2-й танковой армии. - Б.Ш.) не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над его южным флангом" (с. 103){3}. Но страхи оказались напрасными, и 2-я танковая армия смогла отойти, сохранив личный состав. Первый кризис, способный развалить германский фронт, благополучно миновал.

На северном выступе, где оборону занимала 3-я танковая армия Гота, бои приняли более ожесточенный характер. Войска Западного фронта (16-я, 20-я, 30-я и 1-я ударная армии) начали шаг за шагом теснить противника на запад. Но у 3-й танковой армии дела с пехотой обстояли значительно лучше, существовал сплошной фронт, поэтому дела у наступающих пошли куда хуже. Темп продвижения составлял 3-6 км в сутки. Однако к середине декабря северный выступ удалось ликвидировать. Максимальная глубина продвижения составила 60 км, тогда как на южном, Тульском выступе, она достигала 130 км. Учитывая долгие месяцы почти непрестанных обескураживающих неудач Красной Армии, это были впечатляющие успехи. Но если сопоставить их с состоянием группы армий "Центр", плохо обеспеченной зимним обмундированием, то следует признать, что результаты могли

быть и большими. Немецкие войска понесли относительно большие потери, особенно в технике, которую было чрезвычайно затруднительно вывезти, отступая по зимним дорогам, но живую силу армий удалось сохранить. А солдат без тяжелого оружия все равно солдат. Получив оружие вновь, он будет воевать не хуже прежнего.

С завершением первой фазы контрнаступления в дальнейшие наступательные бои включились все армии Калининского, Западного и созданного 18 декабря Брянского фронтов. К 7 января 1942 г. они отбросили врага в полосе Калининского фронта и соседнего правого фланга Западного фронта на 70-80 км, а на левом - Тульском участке ясно обозначился глубокий оперативный прорыв. Советские части продвинулись там на 100-150 км, причем появилась возможность выйти на главные тыловые коммуникации группы "Центр", идущие от Смоленска.

Прорыв на левом фланге Западного фронта в первую очередь определялся действиями конного корпуса генерала П.А. Белова. Зимой конница получила неоспоримое преимущество перед танками противника в маневренности. Лошади могли продвигаться по глубокому снегу, и кавалерийский корпус под руководством талантливого командира Белова уверенно прокладывал путь стрелковым частям, не давая врагу закрепляться на выгодных тыловых рубежах обороны. Иначе складывались боевые действия у 2-го гвардейского конного корпуса генерала Л.М. Доватора, рейдировавшего в полосе 5-й армии Западного фронта. Этот участок фронта был насыщен немецкой пехотой с автоматическим оружием и артиллерией, потому конники понесли большие потери без существенных оперативных результатов. 19 декабря погибли Л.М. Доватор и командир кавдивизии подполковник М. Тавлиев.

Если бы 2-я танковая армия имела нормальное для такого соединения количество пехоты, то контрнаступление под Москвой могло закончиться уже в начале января выравниванием линии фронта. Слишком велики потери были у наступающих, чтобы бесконечно долго таранить немецкую оборону в лоб. Брянский фронт, например, в январе не смог продвинуться вперед ни на один километр. Но прорыв кавкорпуса П.А. Белова и следовавшей за ним 10-й армии придал дальнейшим боевым действиям новую динамику.

Над 4-й армией немцев нависла опасность обхода с тыла. Г. Блюментрит отмечал, что "4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов, Медынь, Малоярославец и Подольск. Все остальные дороги в районе армии скрылись под толстым снежным покровом. Если бы русские,

наступая с юга, сумели захватить нашу единственную артерию, с 4-й армией было бы покончено" (с. 103){3}.

К 10 января 1942 г. части 10-й и 50-й армий были примерно в 30 км от этой дороги, но перерезать ее так и не смогли. Преимущественно лобовое давление Западного фронта позволило 4-й армии маневрировать войсками. Панические настроения в среде германского командования, готовность незамедлительно отвести войска к Смоленску понемногу менялись на решимость продолжать борьбу на старых позициях,

После войны многие немецкие генералы, участвовавшие в Московской битве, подтверждали свое желание начать генеральное отступление и так же единодушно соглашались, что это было ошибочным мнением. Гитлер, писали они, оказался прав, не разрешив отход.

Г. Блюментрит как очевидец утверждал: "Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко держаться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона... Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад" (с. 105){3}.

Приказ Гитлера держаться во что бы то ни стало оказался верным решением в условиях фронтального наступления советских войск. Но этот же приказ стал бы смертным приговором всей группе армий "Центр", если бы операции советских войск проводились на окружение. Тогда неподвижность немецкой обороны облегчила бы задачу окружения, как это произошло с Юго-Западным фронтом в сентябре 1941 г.

Однако нельзя сказать, что Ставка совсем не придавала значения борьбе на флангах. Необходимость этого была столь вопиюще очевидной, что в конце декабря начали проводиться соответствующие мероприятия. Наиболее удачным, как оказалось, стало развертывание 4-й ударной армии на северном фланге группы армий "Центр" у озера Селигер. Фронт на этом участке обороны (около 70 км) занимали всего две немецкие пехотные дивизии. 9 января 1942 г. 4-я ударная армия под командованием генерала А.И. Еременко перешла в наступление. Против нее было сосредоточено восемь стрелковых дивизий, отдельные лыжные батальоны, танки.

К 1 февраля советские войска продвинулись вперед на 180 км и перерезали одну из трех железнодорожных линий, питающих группу армий "Центр". До Смоленска и Витебска оставалось примерно 70 км. В Смоленске находился штаб группы армий

"Центр". Через город проходили две железнодорожные магистрали и Минское шоссе. Если бы удалось парализовать этот крупный транспортный узел, то снабжение немецкой обороны у Москвы фактически прервалось бы. Единственная артерия - шоссе Рославль - Юхнов, атакуемое частями 10-й и 50-й армий, ситуацию не спасло бы. Но несколько дивизий 4-й ударной армии осуществить операцию такого масштаба не могли. Ее части не получали пополнения, численность дивизий в ходе боев резко сократилась. О том, какие возможности были на этом участке фронта, говорит тот факт, что 3 февраля 249-я стрелковая дивизия вышла к Витебску. Но, имея в наличии лишь 1400 человек и обойденная с фланга полком противника, она вынуждена была повернуть назад (с. 177){4}. Освобождение Витебска состоялось только три года спустя.

Нехватка личного состава и боеприпасов заставила и другие соединения к этому времени прекратить наступление. Соседи 4-й ударной армии - 3-я ударная и 22-я армии застряли у городов Холм и Белый, где в окружении стойко сражались немецкие гарнизоны. Противник получил столь необходимую передышку, а так успешно начавшийся прорыв 4-й ударной армии на том и закончился.

Застопорилось дело и на южном фланге группы армий "Центр". Малочисленные и скудно обеспеченные 10-я и 50-я армии не смогли развить нужного темпа наступления. Если за первую декаду января они продвинулись местами до 60 км, то к 25 января в лучшем случае - на 10-15 км. И какой ценой! Если 10 января 1942 г. 1-й гвардейский кавкорпус насчитывал 28 тыс. человек, 500 орудий и минометов, 8 танков, то к 7 февраля в корпусе оставалось 6 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. раненых. Но линии коммуникаций противника так и не были перехвачены. Его живая сила не была уничтожена, хотя потери немцев тоже были велики.

Почему так получилось? Не хватило сил? Г. К. Жуков писал в мемуарах, что Сталин, находясь под влиянием успехов контрнаступления ("разгрома немецко-фашистских войск", хотя до этого было очень далеко), был настроен оптимистически. Он считал, что теперь немцы не выдержат ударов Красной Армии, поэтому возникла идея начать как можно быстрее общее наступление от Ладожского озера до Черного моря. В связи с этим 5 января 1942 г. Г.К. Жуков был вызван в Ставку для обсуждения плана общего наступления Красной Армии. Жуков высказался за сохранение приоритета западного направления. Он заявил, что под Ленинградом и на юго-западном направлении наши войска стоят перед серьезной обороной противника и без наличия

мощных артиллерийских средств не смогут прорвать оборону, будут измотаны и понесут большие потери. Его поддержал Н.А. Вознесенский, ссылаясь на ограниченность материальных возможностей.

"Выйдя из кабинета, Б.М. Шапошников сказал Жукову:

- Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

- Тогда зачем же спрашивали мое мнение?

- Не знаю, не знаю, голубчик! - сказал Борис Михайлович и тяжело вздохнул" (с. 369-370){5}. Так, в самый критический период, началось щедрое распыление сил и средств, по врем фронтам и направлениям, В соответствии с директивой от 05.01.42 г. из 11 резервных армий, находившихся в распоряжении Ставки (а вернее, Сталина), Волховский фронт получил две, Западный - три, Брянский одну, Юго-Западный - одну. В результате нигде не хватало сил, нигде противник не был разбит, нигде не были достигнуты первоначально поставленные цели. Г.К. Жуков, с горечью вспоминая это скоропалительное безответственное решение Верховного, утверждал: "А если бы эти силы и средства были брошены на западное направление, я голову даю на отсечение, что, безусловно, противник был бы смят, разгромлен и отброшен по крайней мере на линию Смоленска. Тем более левое крыло Северо-Западного фронта продвинулось чуть ли не к Витебску. На этом направлении можно было запустить еще две армии дополнительно и оттуда нанести во фланг и тыл удар всей центральной группировке. А сил не было" (1990, No 8, с. 95){6}. Это, в свою очередь, стало прологом к серьезным неудачам, которые постигли Красную Армию в апреле - мае.

Но это впереди. Пока что, вспоминая события зимы 1942 г., Г. Блюментрит продолжал удивляться малопонятной ему стратегии наступающих: "Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов - Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах" (с. 106){3}.

А дело в том, что 1-му гвардейскому кавкорпусу было приказано пробиваться к Вязьме, на соединение с 33-й армией, наступавшей от Нарофоминска. 27 января кавкорпус прорвался

через шоссе Минск - Москва в 35 км от Юхнова (о чем и вспоминал Блюментрит) и 30 января достиг Вязьмы. Туда же 1 февраля пробились три стрелковые{1} дивизии 33-й армии. В этот район были выброшены десантные части и стянуты партизанские соединения. Но 4 февраля немцы сумели перерезать коммуникации советских войск - будто показывая, как это надо делать - и восстановить линию фронта. Две попытки пробить коридор к окруженным силами 49-й и 50-й армий окончились неудачей. Окруженцам пришлось перебазироваться в леса, где они вели борьбу еще целых два месяца! В апреле, при прорыве из окружения, командующий армией генерал Н.Г. Ефремов был ранен и, чтобы не попасть в плен, застрелился. Из кольца удалось выйти остаткам кавкорпуса и десантных частей, но произошло это уже в начале июня.

Немецкие войска к середине зимы оправились настолько, что сами перешли к активным действиям. Ими было использовано то обстоятельство, что подавляющая часть операций советских войск проводилась в районах, занимаемых главными силами группы армий "Центр". Это позволяло немецкому командованию относительно легко маневрировать своими силами, несмотря на тяжелые погодные условия.

5-6 февраля началась операция по окружению 29-й армии Калининского фронта, наступавшей на Ржев с севера. 17 февраля клещи сомкнулись. С 18 по 28 февраля 29-я армия вела бои за выход из окружения. Назад вернулось лишь 5200 человек, в том числе 800 раненых.

Парадоксально, что в условиях зимы, тяжелых оборонительных боев, утраты вермахтом стратегической инициативы последовательно окружались не немецкие, а все так же советские войска! Но этот парадокс вытекал из порочной стратегии советского верховного командования.

Наступление наших армий все больше теряло форму, и дальнейшие действия стали сводиться к затяжным, кровопролитным боям за отдельные пункты и районы. Но всему есть предел. "Переутомленным и ослабленным войскам становилось все труднее преодолевать сопротивление врага, - вспоминал Т.К. Жуков. - Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 г. Верховный вновь потребовал энергичнее продолжать выполнение ранее поставленной задачи" (с. 376){5}. Упоминаемая Жуковым директива требовала продолжить уже выдохнувшееся наступление, чтобы выйти на линию г. Белый Дорогобуж - Ельня - Красное, т.е. примерно на ту

линию фронта, что проходила в сентябре 1941 г. Тем самым предусматривалось все то же фронтальное оттеснение немецких войск из Ржевско-Вяземского выступа к Смоленску.

Но о каком фронтальном прорыве вражеской обороны могла идти речь, если на март пришелся пик нехватки боеприпасов?

Итак, Сталин, неосмотрительно распорядившийся резервами в январе, все не мог или не хотел понять, что его расчеты оказались несостоятельными. Потребовались новые безуспешные атаки и новые обильные жертвы, чтобы ему пришлось примириться с этим.

Поднаторевшие в зимних оборонительных боях германские дивизии теперь, по весне, были преисполнены решимости удерживать свои позиции. И удержали их, что уже было неудивительно. В начале апреля обескровленным советским войскам на западном направлении пришлось повсеместно перейти к обороне.

"Стратегия" упускаемых возможностей

Впервые со времени финской войны Красная Армия провела наступательные операции фронтового масштаба, и впервые со времен Халхин-Гола - более-менее успеть ные фланговые удары. Как и в зимней войне 1940 г., войскам пришлось в суровых условиях прорывать позиции противника, хотя далеко не так хорошо оборудованные, как линия Маннергейма. Задачу солдаты и полевые командиры в целом выполняли неплохо. Оборона противника прорывалась достаточно часто, чтобы нарушить ее устойчивость на протяжении всего фронта от Селигера до Тулы. Но, как и в 1940 г., если тактические успехи, хотя и с трудом, но перерастали в оперативные, и целые армии двигались вперед, то большой проблемой для верховного командования стало нахождение способа перевода оперативных удач в стратегические. Финская армия в 1940 г. так и не была разгромлена и год спустя взяла полновесный реванш, погнав советские войска до Ленинграда и Петрозаводска. В 1941 г. финны захватили территорию, примерно вчетверо превышающую ту, что завоевала Красная Армия в 1939-1940 гг., и потеряли при этом значительно меньше людей. Такова цена неумения советского высшего командования извлечь требуемый стратегический результат из усилий полевых войск.

Контрнаступление под Москвой дало точно такой же стратегический итог, что и финская кампания. Враг не был разгромлен и вскоре смог взять реванш. Главной причиной упущенных возможностей являлось превалирование лобовых ударов над фланговыми, несмотря на то, что у Красной Армии были возможности осуществить второй Халхин-Гол. К сожалению,

Жуков командовал не тем фронтом. Его Западный фронт был центральным, "лобовым", а перспективы успешного прорыва в оперативный тыл группы армий "Центр" были только у фланговых Калининского и Брянского фронтов. Но они из-за позиции Сталина упустили свои уникальные возможности по окружению группы армий "Центр". К сожалению, Б.М. Шапошников, один из виновников гибели Юго-Западного фронта, и здесь не сумел сыграть позитивной роли начальника Генштаба, целиком находясь под влиянием Сталина. Мольтке из него не вышло, хотя определенные задатки к этому были. Диктатура всевластия сломала его волю. Он проходил в качестве заговорщика в показаниях ряда "врагов народа" и остался жив лишь благодаря прихоти Хозяина. И понимал, кто и за что даровал ему жизнь.

Жуков пытался в рамках своих возможностей использовать свои таланты стратега. Он хотел расколоть германскую оборону, бросая в оперативный тыл крупные войсковые соединения вроде 33-й армии. Но центральная группировка немцев у Москвы была насыщена войсками, и потому фон Бок сравнительно легко находил средства, чтобы заткнуть дыру и окружить прорвавшихся. Жуков самокритично признал после войны: "Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности наших войск и недооценили противника. "Орешек" там оказался более крепким, чем мы предполагали" (с. 375){5}. К.К. Рокоссовский же отзывался в мемуарах о методах наступления Жукова в этот период как о неудовлетворительных. Подводя итог своему опыту в битве под Москвой, К.К. Рокоссовский писал: "Я до сих пор считаю, что зимнее наступление как Западного, так и Калининского фронтов не дали тех результатов, на которые были рассчитаны. Операции застыли незавершенными. Выталкивая противника, мы подчас сами оказывались в невыгодном положении, растягивая линию фронта, которая образовывала невероятные вензеля. Враг нередко срезал эти выступы" (с. 127){7}.

В результате в руках группы армий "Центр" остался Ржевско-Вяземский выступ, который будет безуспешно срезаться Красной Армией еще целый год. Эти бои станут одними из самых кровопролитных для наших солдат. Недаром у Твардовского появится стихотворение "Я убит подо Ржевом".

Под Москвой, несомненно, была одержана крупная военная и моральная победа. Впервые за два с половиной года Второй мировой войны дивизиям вермахта пришлось отступать в масштабах фронта. Впервые под вопрос ставилось существование

нескольких немецких армий. Но разгромить группу армий "Центр", как это предполагалось, и к чему имелись объективные возможности, все же не удалось. Несмотря на довольно тяжелые потери, эта группировка сохранила свою боеспособность и не дала отбросить себя к Смоленску. Широкий выступ у Ржева и Вязьмы, нацеленный в сторону Москвы, надолго стал камнем преткновения для всех замыслов Ставки. Например, боязнь повторения удара на Москву со столь выгодного плацдарма негативно повлияла на оценку Верховным Главнокомандованием (а точнее, Сталиным) предполагаемых событий летом 1942 г.

Итак, причиной половинчатости победы являлся отказ от решительного удара по флангам немецкой дуги обороны с первой же фазы контрнаступления. В сущности, Ставка избрала борьбу на измор. Судьба контрнаступления решалась не столько под Клином, Волоколамском и Вязьмой, где наносились главные удары и куда бросались дивизия за дивизией, сколько в полосе наступления 4-й ударной и 10-й армий. Однако к решающему моменту они не имели необходимых пополнений. Поэтому после первых стремительных успехов эти армии уже в первых числах февраля растеряли свои преимущества. Бои приняли тактический характер с большими потерями для советских войск.

Бороться же с глубинными прорывами на флангах германскому командованию было очень затруднительно из-за скудости резервов и пополнений. С 1 декабря 1941 г. по 31 марта 1942 г. группа армий "Центр" получила всего 180,4 тыс. пополнения, в том числе в декабре - 40,8 тыс., в январе - 19,1, в феврале 69,7, в марте - 50 тыс. Это при потерях - в декабре 103,6 тыс., январе 144,9, феврале - 108,7, марте - 79,7 тыс. Всего - 436,9 тыс. человек (с. 279){8}, т.е. численность группы армий "Центр" постоянно уменьшалась. А если учесть плохую обеспеченность солдат зимним обмундированием, то крах германской армии под Москвой, казалось, был неминуем. В марте 1942 г. Геббельс записал в дневнике: "Фюрер рассказал мне, как близко в последние месяцы мы были к зиме Наполеона. Если бы он проявил слабость хоть на мгновение, фронт рухнул бы и последовавшая катастрофа заставила бы побледнеть бедствие, постигшее Наполеона" (с. 76){9}. И все-таки немецкий фронт устоял. Более того, вермахт, как это ни парадоксально, тоже одержал свою победу, - прежде всего моральную, продемонстрировав невиданную в истории германской армии стойкость в зимних условиях. Были разгромлены 33-я и 29-я армии, обескровлены десятки советских дивизий. Красная Армия в полосе группы армий "Центр" с декабря по март потеряла свыше 1 млн. человек. А "разбитые" немцы вдвое меньше. Это позволило

германским войскам вскоре ринуться в наступление с новой решимостью и уверенностью в своем превосходстве.

Что нового привнесла Московская битва в тактику Красной Армии? Ответ почти отрицательный: ничего существенно нового.

Германские генералы многократно отмечали, что красноармейские части образца лета 1941 г. не умеют атаковать. Они ходили в атаку густыми цепями без надлежащей артподготовки, не умели маневрировать. Эти слабости не могли не сказаться и на ходе Московского контрнаступления. 9 декабря 1941 г. командование Западного фронта (фактически Г. К. Жуков) специальным приказом потребовало от наступающих войск прекратить делать упор на фронтальные бои. "Против арьергардов и укрепленных позиций оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника, указывалось в приказе. - Сформировать несколько ударных групп в составе танков, автоматчиков, конницы и под водительством храбрых командиров бросить их в тыл противника" (с. 281){8}. По мнению историка К. Рейнгарда, приведшего этот приказ Жукова, недостаток снаряжения и опыта привел к тому, что "поначалу в действиях русских командиров среднего и низшего звена никаких сдвигов не произошло" (с. 281){8}.

Использование конных корпусов и лыжных батальонов явилось одной из мер по маневренному ведению боевых действий, так как из-за глубокого снега и сильных морозов танки использовались как средство тактической поддержки пехоты. Но лишь кавалерийские дивизии Белова наступали там, где требовала стратегическая обстановка. Остальные бросались в лобовые атаки, подобно корпусу Доватора, поэтому их тактические успехи не перерастали в оперативные прорывы.

Крупнейшим недостатком командования Красной Армии оставалась негибкость в достижении цели. Солдат могли гонять в атаку на один и тот же укрепленный пункт во имя исполнения приказа до полного обескровливания части. Рокоссовский отмечал в связи с этим: "Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы... Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ... Сколько горя приносили войскам эти "волевые" приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!" (1989, No 6, с. 54){10}. То была тактика измора. Увы, не столько противника, а больше собственных войск. Но

людей в России никто и никогда не жалел. Большевики исключением не являлись. В ходе боев под Москвой немцы потеряли 437 тыс. человек, из них около 145 тыс. убитыми (с. 51) {8}, советские же войска, по официальным данным, 1147 тыс. (412 тыс. безвозвратные потери). Соотношение 1 к 3 в пользу немцев. Причем 778 тыс. (из них 272 тыс. безвозвратные) пришлись на период с 8 января по 20 апреля 1942 г., когда развернулись преимущественно фронтальные бои.

Общие потери Красной Армии за зиму 19411942 гг. составили 1,8 млн. человек. Вермахт же потерял 723 тыс. (т. 2, кн. 1, с. 316){11}. Но мужиков в стране хватало, и за этот период на фронт поступило 1990 тыс. человек пополнения.

Вот такая была победа...

Глава 5. Прорыв на юге

Неудачный 1942 год

Прелюдией к поражению Красной Армии летом 1942 г. стали неудачно проведенные весенние наступательные операции. И высадка десанта в Крыму, и наступление 2-й ударной армии у Волхова, и майские удары Юго-Западного фронта у Харькова носили один и тот же шаблонный характер. Ударная группировка вбивала клин в оборону противника на несколько десятков километров в глубину. Затем, из-за нехватки подвижных сил, операция растягивалась во времени. Пехота не могла совершить оперативный прорыв и вела бесконечные тактические атаки. Начиналась борьба на истощение, где разменной монетой служили солдаты. Все это больше напоминало операции Первой мировой войны. Видя, что советские войска, как молот по наковальне, монотонно бьют в одном направлении и конца этому не предвидится, германское командование неспешно, по мере своих скудных возможностей перебрасывало ударные силы на фланги наступающих, и выступ срезался.

Так, 2-я ударная армия, которая впоследствии будет связываться с именем А.А. Власова, хотя тот вступил в командование ею на завершающем этапе боев, начала наступление 7 января 1942 г. К началу марта глубина вклинивания составила около 75 км, т.е. темп продвижения в среднем едва превышал 1 км в сутки. И оно было связано с обильными жертвами, число которых продолжало нарастать. В марте немцы в первый раз перехватили коммуникации 2-й ударной армии. Положение удалось выправить, связь восстановить. Но в мае немецким войскам удалось вторично отрезать армию, и хотя в июне ценой больших усилий и потерь был пробит новый коридор шириной 2-3 км., то был временный успех. Вскоре противник окончательно захлопнул мышеловку, 2-я

ударная армия была разгромлена. Сам Власов справедливо обвинял в трагедии Сталина, который не дал разрешения на своевременный отвод ее из "мешка".

В апреле Ставка решила продолжить наступление в полосе Юго-Западного фронта с Барвенковского выступа, который образовался в ходе январского наступления советских войск. Тогда, в январе, преследовалась цель отбросить врага чуть ли не за Днепр. Но сил хватило лишь на несколько десятков километров. Весной попробовали продолжить движение, но уже с ограниченной задачей - взять Харьков. Наступление началось 12 мая.

Готовились к наступлению и немецкие войска. По плану германского командования "Фридерикус-1" ставилась задача срезать Барвенковский выступ силами 6-й армии и танковых дивизий Клейста, чтобы в последующем развить удар в глубь советской территории (план "Фридерикус-2"). В результате к узкому участку фронта оказались прикованными главные силы южного фланга советско-германского фронта. В сущности, операция "Цитадель" 1943 г. была вариацией "Фридерикуса", только итог противоборства в 1942 г. из-за неправильной стратегии советского командования оказался для немцев удачным. Вполне справедливым является замечание в "Истории Великой Отечественной войны", что "нельзя было, располагая ограниченными силами, начинать крупную операцию нанесением главного удара из оперативного "мешка", каким являлся Барвенковский плацдарм" (т. 2, с. 415){1}.

Пока советские войска медленно продвигались вперед - с 12 по 17 мая на 20-25 км, - группа Э. Клейста закончила сосредоточение и 17 мая ударила под основание выступа в полосе 9-й армии. Будто показывая, как надо наступать, противник за два дня углубился на 50 км. Это разом изменило всю обстановку в районе выступа, но советские войска продолжали еще некоторое время инерционно "долбить" оборону немцев у Харькова. 23 мая кольцо замкнулось. В окружении оказались соединения двух армий (6-й, 57-й и целый ряд других частей). Через неделю котел был полностью зачищен. Юго-Западный фронт потерял 207 тыс. человек. Погибли командующие армиями генералы А.М. Городнянский и К.П. Подлас, заместитель командующего фронтом Ф.Я. Костенко (то был его второй котел).

В мае потерпел поражение еще один фронт - Крымский в составе трех армий 44-й,47-й и 51-й. Он образовался после высадки десантов в Керчи и Феодосии в конце декабря 1941 г. В начале января 1942 г. советские войска удержали Керченский полуостров, но потеряли Феодосию, после чего линия фронта

стабилизировалась. Советское командование трижды организовывало наступление, но продвинуться дальше никак не удавалось. За это время командующий 11-й немецкой армией Э. Манштейн подготовил контрудар, хотя сил было, как говорится, "кот наплакал" - 6 немецких дивизий против 20 советских! 8 мая немцы начали наступление. Оборона фронта рухнула в течение трех суток, и уже 15 мая немцы заняли Керчь. До 20 мая шла эвакуация остатков войск фронтов, после чего все было кончено. За 12 дней Крымский фронт потерял 176 тыс. человек из 250 тыс., 3,4 тыс. орудий и минометов (из 3570), около 350 танков и 400 самолетов. И это в условиях, когда немцы серьезно уступали советским войскам и в людях, и в танках. В Крыму вновь пахнуло 1941 годом. Слабое управление сочеталось со слабой устойчивостью войск.

Но последовавшие за этими поражениями события превзошли весенние неудачи советских фронтов. 28 июня 1942 г. группа армий "Юг" перешла в генеральное наступление, нанося главный удар 4-й танковой армией под командованием Г. Гота на Воронеж. Через два дня командарм 40-й армии М.А. Парсегов потерял управление войсками. Три дивизии и две бригады оказались в окружении. К 3 июля армия фактически прекратила свое существование. 5 июля противник достиг Воронежа. Скорости, воспроизводящие лето 1941 г.! Это тем более странно, что теперь имелся опыт и, как всегда, существенное превосходство в силах. А.М. Василевский в своих мемуарах оценивал силы Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов в 1700 тыс. Против 900 тыс. у немцев, 2300 советских танков против 1200 у противника. Лишь по самолетам советская сторона существенно уступала германской - 758 против 1640. Воевать вроде бы можно было...

Советское командование попыталось переломить ситуацию достаточно эффективным способом. 6 июля во фланг наступающих была брошена недавно сформированная 5-я танковая армия. Но то, что хорошо получалось у немцев, никак не выходило у советского командования. Армию ждала та же участь, что и механизированные корпуса, - была наголову разбита. Покончив с нежданной неприятностью, немецкие войска повернули на юго-восток и к 23 июля вышли на Нижний Дон от Ростова до Цимлянской. 6-я армия оказалась в 150 км от Сталинграда. Глубина прорыва достигала 400 км. Меньше месяца понадобилось немецким войскам, чтобы разбить Юго-Западный и Южный фронты. Успехи были столь стремительны, что некоторые германские генералы и историки после войны заговорили о преднамеренном заманивании вермахта в глубь страны. Правда,

авторы "Истории Второй мировой войны" были более оптимистичны. Параграф, посвященный этим событиям, носил гордый заголовок: "Отражение наступления немецко-фашистских войск... (28 июня - 24 июля)". На самом деле ситуация полностью вышла из-под контроля командования Красной Армии. По существу, советские войска обратились в бегство. 19 июля взят Ворошиловград, 24 июля Ростов, 5 августа Ставрополь, 9 августа Краснодар, 15 августа немецкие горные стрелки захватили некоторые перевалы Главного Кавказского хребта.

За 44 дня июля - августа 1942т. вермахт захватил территорию, равную примерно половине Франции, т.е. по западноевропейским меркам Германия вновь выиграла войну. По меркам же российских пространств война только разгоралась. Понятно желание советских историков не касаться климатических и географических факторов в событиях 1941-1942 гг., ибо их анализ привел бы к неутешительному для Системы выводу: если бы не эти объективные факторы, то никакие субъективные усилия не смогли бы предотвратить тотального поражения Красной Армии и государства. И если бы территория Франции не заканчивалась у Бордо и Нанта, а простиралась бы до середины нынешнего Атлантического океана, то и буржуазная Франция имела бы шанс выстоять, как в Первой мировой войне. Но французская армия не имела возможности отступать на 1-1,5 тыс. км., ибо вся территория страны от германской границы до Атлантики имеет протяженность менее 800 км. А Красная Армия такой счастливой возможностью располагала. Причем линия фронта в ширину от Мурманска до Кавказа достигала 3 тыс. км., тогда как протяженность Франции от Ла-Манша до Средиземного моря - около 850 км. С учетом более чем двукратного перевеса СССР в людских ресурсах над Германией становятся яснее глубинные причины героической борьбы Красной Армии под мудрым руководством Коммунистической партии и ее вождя Сталина в сравнении с польской и французской армиями. Советский Союз выкарабкался из труднейшего положения во многом благодаря географическому фактору, неисчерпаемым ресурсам, а также тому, что командование Красной Армии имело уникальную возможность учиться военному ремеслу, теряя практически любое количество солдат и территорий.

Что спасло фронт на юге после такого разгрома? Во-первых, линия наступления немецких войск безмерно растянулась - с 500 км до 1500. Резервов у них не было, пришлось привлекать войска союзников - румын, венгров, итальянцев. Две танковые армии - 1-я и 4-я - буквально потерялись среди просторов Кубани, Дона и приволжских степей. Ударные кулаки превратились в

растопыренные пятерни. И, во-вторых, опять свое веское слово сказали советские резервы. В июле на смену разбитым 9-й, 21-й, 28-й, 38-й, 40-й армиям были незамедлительно выдвинуты пять общевойсковых резервных армий: 3-я резервная армия стала 60-й армией, 6-я резервная армия - 6-й, 5-я - 63-й, 7-я - 62-й, 1 резервная армия - 64-й. В районе Сталинграда в бой вступили части из формируемых 1-й и 4-й танковой армий (240 танков и две стрелковые дивизии). Это сразу Изменило численное соотношение сил. С 23 по 31 июля 270 тыс. немецких солдат вынуждены были атаковать 300 тыс. советских, имея 3,4 тыс. орудий и минометов против 5 тыс., 400 танков против 1000 (кн. 1, с. 352){2}. Приведя эти "новые" данные, авторы отметили, что до них (т.е. советскими историками), считалось, будто противник имел тройное превосходство в силах. И впрямь, если врать - то не мелочась.

Немцы дрались с фантомами. На месте поверженных армий и фронтов немедля возникали новые. Огромная фронтовая дуга - от Новороссийска и предгорий Кавказа до Волги и Дона - вынудила германское командование разделить группу армий "Юг" на две части: группы армий "А" и "Б". Растянутость коммуникаций привела к перебоям в снабжении. В июле 6-я армия простояла восемь суток, оказавшись без горючего для танков. И стремительное продвижение немцев в конце августа застопорилось. Дальнейшее продвижение войск стало исчисляться считанными километрами. У Сталинграда и Орджоникидзе началась вязкая позиционная борьба, не сулившая громких побед. Стихией вермахта был маневр, а его постепенно стали принуждать биться за тактические задачи, что было на руку Красной Армии.

Для всех поражений Красной Армии 1941-1942 гг. характерна одна общая особенность: советские войска не выдерживали массированного удара противника и обращались в бегство. Но эта закономерность не распространялась на глухую позиционную оборону. Севастополь держался семь месяцев, Одесса - около двух, не был взят Ленинград, а вот в поле советские войска не выдерживали атаки немцев. Почему? Из каких основных частей складывается боевая устойчивость войск?

1. "Винтики войны". Во-первых, паническое отступление 1942 г. во многом было связано с неверием солдат в свое командование. Неверие в то, что оно найдет выход из трудного положения, поможет своевременно огнем и резервами. У Барвенково и в Крыму, на Волховском фронте у Любани и под Ржевом они могли убедиться, что командование часто теряется, не умеет хорошо воевать, не ценит солдатские жизни.

Существовала трещина, а может быть - пусть и не везде, пропасть между солдатами и командным составом. Вот свидетельство фронтовика. В письме солдата М.П. Ермолаева от 4 августа 1942 г., перехваченном цензурой, есть такие строки: "Командование наше стоит не на должной высоте, оно первое бросается в панику, оставляя бойцов на произвол судьбы. Относятся же они к бойцам как к скоту, не признавая их за людей, отсюда и отсутствие авторитета их среди бойцов" (с. 532-533){3}. Поэтому, когда создавалась угроза окружения, люди предпочитали доверяться инстинкту самосохранения, а не своему командованию. Однако там, где солдаты видели умных командиров и чувствовали толковое управление, в тех частях и соединениях солдаты сражались хорошо. Они знали: их не подведут, не бросят. Единение воли и таланта командиров, боевой выучки и психологической уверенности солдат - вот стержень устойчивости войск.

Во-вторых, огромные потери, которые постоянно несли наши войска в 1941-1942 гг., затрудняли складывание профессионально обученных воинских подразделений, тех, что еще называют "крепкосколоченными". Настоящий солдат на войне - это всегда профессионал. Он может не лучшим образом ходить в строю, забывать "есть глазами" начальство, но он знает, как укрываться от артналета и авиации, как ходить в атаку (отнюдь не цепью, как предписывают Уставы), как подползти к танку противника и т. д. Только с такими солдатами можно выдержать массированную атаку врага, когда кругом рвутся снаряды и бомбы, лавиной идут танки. У обстрелянной части есть уверенность, которой нет у "зеленого" подразделения, а именно, знание того, что будут делать соседи по окопу, артиллеристы, командиры. Солдаты по опыту уже знают - им не дадут пропасть, и потому каждому нужно просто выполнять свое дело. Не случайно писатели-фронтовики нашли такое определение поведения солдата на войне, как "работа". Ведь на одном эмоциональном импульсе (героизм, энтузиазм) победить нельзя. Необходима еще каждодневная деловая подготовка к боям, работа с мелочами, от которых потом будет зависеть жизнь людей или настроение перед боем, - тут и полевая кухня не последнее дело. На героизме можно совершить один великий поступок, но перемолоть многомиллионную армию невозможно. Нужна специфическая будничная работа.

Летом 1942 г. тот тип солдата, который в 1944-1945 гг. придет в Европу, только складывался. В наших солдатах и командирах еще слишком много было от красноармейца довоенного образца с винтовкой-трехлинейкой или наганом, знающего лишь прямолинейные положения Устава. В

маневренной войне, где одной из черт профессионализма выступает умение самостоятельно мыслить, он пока проигрывал немецкому солдату. Но в позиционной борьбе, где господствовала линейная тактика, наши солдаты и командиры чувствовали себя много уверенней и потому дрались хорошо. По мере того как возвращались из госпиталей раненые, а значит, обстрелянные бойцы, по мере роста профессионализма командиров, которые реже ставили частям нереальные задачи и тщательнее готовили войска к боям, приходил опыт. Не так быстро, как хотелось, но приходил.

Неустойчивость красноармейских частей в обороне породила известный приказ No 227. В нем отмечалась хорошая работа тыла, дающего все больше оружия, и на вопрос: "Чего же у нас не хватает?" - следовал ответ: "Порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, полках, дивизиях". В этом выводе много было верного, но, как почти все у Сталина, верного в формально-бюрократическом смысле, а не в реальной жизни. В приказе осуждался отход без приказа. Формально все верно. Вопрос состоял в том, как судить о случаях, выходящих за рамки формально верного. Например, при утере штабом связи с частями? Видный социолог, профессор В. Шубкин, в 1942 г. наводчик орудия, поведал такой случай. Их 315-я стрелковая дивизия прибыла под Сталинград 23 августа в момент прорыва немцев. Перед выступлением был зачитан приказ No 227. Прибыв на место, артиллерийская часть не смогла определиться и занять указанные позиции. Это могло расцениваться как отступление. Двое офицеров, посланных найти командование, вернулись через несколько часов. "Какие-то у них были стертые, отрешенные лица... говорили, что генерал, которого они разыскали, даже слушать их не стал, а с ходу заорал: "Читали приказ Сталина? Пойдете под трибунал!" И тут же скомандовал адъютанту: "Подготовь документы!" Скоро в части прошел слух, что те офицеры прострелили друг другу руки и ушли в тыл, "Потом в армейских госпиталях я не раз встречал солдат-самострелов, - рассказывал В. Шубкин. - Но тогда, 23 августа, даже мысль о том, что офицеры, в мужестве которых я не сомневался, боясь оказаться без вины виноватыми, пошли на самострел, казалась мне невероятной"{4}.

Из таких историй и вырастало понимание "окопной" и "штабной" правды. Правды карт, схем, приказов и правды превратностей войны.

Многое зависело от того, как трактовался приказ No 227 командирами и военачальниками: как моральное обязательство воинов или как бездушная инструкция умереть. В нем

сфокусировались две ипостаси - высший смысл войны и перестраховка нижестоящего начальника перед вышестоящим.

Маршал М.Е. Катуков писал об этом времени: "Сверху требовали: ни шагу назад!" Но этот казавшийся на первый взгляд волевым приказ диктовался часто полнейшей неосведомленностью о реальном положении дел" (с. 13){5}.

Эта неосведомленность складывалась по-разному. Нижестоящие командиры вводили в заблуждение вышестоящих, неправильно оценив обстановку. Так, командующий 40-й армией, по которой немцы готовились нанести главный удар в июне 1942 г., генерал М.А. Парсегов - "человек увлекающийся и потому не особенно расчетливый", по характеристике его сослуживца, на вопрос командующего фронтом Ф.И. Голикова о степени готовности обороны армии бодро заявил: "Мышь не проскочит" (с. 108){6}.

Писатель и солдат-фронтовик Василь Быков писал о "солдатской правде": "Война, однако, учила. Не прежняя, довоенная наука, не военные академии, тем более краткосрочные и ускоренные курсы военных училищ, но единственно личный боевой опыт, который клался в основу боевого мастерства командиров. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности... В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в Генштабе это превосходство втихомолочку учитывалось и из него делались определенные негласные выводы" (с. 31){7}. Вот именно: негласно и втихомолку...

Приведем еще одно принципиальное замечание В. Быкова: "Правилом (на фронте)... была полная покорность перед старшими и беспощадная жестокость по отношению к подчиненным; на этом в войну преуспели многие. Именно степень требовательности, а не что-либо другое, определяла карьеру самых выдающихся полководцев сталинской школы" (с. 34){7}. То была требовательность, основанная на равнодушии к солдатской крови. Главное - это слепое выполнение приказа. Командир или военачальник знал: за большие потери ругать не будут, а тем более снимать с должности, но за уклонение или оспаривание дурацкого приказа снимут обязательно. И оставалось совестливым командирам только возмущаться: "И уж совсем непонятными для меня были настойчивые приказы: несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях

обливалось мое сердце кровью. Было больно смотреть со своего наблюдательного пункта, как все увеличиваются бесполезные и безвозвратные потери", - вспоминал генерал А.В. Горбатов (с. 241-242){8}.

2. Управление войсками. В исторических трудах, посвященных 1941-1942 гг., часто встречается словосочетание "потерял управление". Терял оное штаб Крымского фронта в мае 1942 г., штаб 9-й армии в том же мае, штаб Юго-Западного фронта в июле 1942 г. И уж бесчисленное число раз теряли управление войсками штабы округов, фронтов, армий в 1941 г. Для войск и штабов это означало потерю информации о том, что происходит в эпицентре событий и вокруг него. Противник автоматически получал инициативу, возможность опережающей перегруппировки сил, выбор удобного для него места и времени удара. В маневренной борьбе это нередко предопределяло победу. А отступление без знания промежуточных рубежей нередко превращалось в бегство. Потерять управление - это, по существу, бросить войска на произвол судьбы. Ситуация непростительная, ибо возможность для нормальной связи с войсками у штабов всегда имелась. Были и радиостанции, и самолеты связи ПО-2, способные сесть и взлететь с "пятачка". Но нередко в нужный момент технических средств либо недоставало, либо они ломались, либо происходило еще что-то субъективно-объективное. Лишь в 1943 г. советское командование изжило этот порок. А в 1942 г. потеря управления часто означала и кое-что другое, более страшное и позорное для командира и командования, - панику в войсках. Когда они бегут, невзирая на команды и приказы, когда части перемешиваются с беженцами, и уже непонятно, кто есть кто...

3. Использование ударных сил: новое по-старому. Юго-Западный и Брянский фронты в июне - июле 1942 г. имели привычное превосходство в танках, не уступали противнику и в артиллерии. Но чтобы нанести фронтам тяжелое поражение, врагу хватило восьми суток, и советские танковые войска, как и в 1941 г., оказались в роли мальчиков для битья.

Когда противник прорвал оборону 40-й армии и устремился к Воронежу, из состава Брянского фронта соседу была выделена 5-я танковая армия под командованием А.И. Лизюкова. Ей ставилась задача ударом во фланг и тыл немецкой 4-й танковой армии сорвать ее наступление. 6 июля 5-я танковая армия вступила в бой. Итог был обескураживающим. Бронированный кулак из сотен танков не только не сделал того, что так хорошо удавалось немецким танкистам, но армия не сумела даже вклиниться в оборону противника, хотя состояла в основном из Т-34, а не

"каких-то там" БТ, которые так не любили советские историки, без зазрения совести списывая их как устаревшие. "В самой 5-й танковой армии насчитывалось около 600 танков, тогда как у противника в районе севернее Касторного их имелось не более 300, - писал М.И. Казаков. - К тому же немецкие танки уже в течение целой недели вели бои и вряд ли в должной мере были обеспечены горючим и боеприпасами" (с. 122){6}. Но 5-я танковая армия была разгромлена в течение дня, ее командующий погиб.

По мнению видных советских военачальников, обращавшихся в мемуарах к этому сражению, план контрудара был составлен правильно. "Только теперь, когда изучаешь архивные документы, понимаешь, насколько верно и точно была задумана эта операция", - считал М.Е. Катуков. В числе причин неудач он называет разрозненный ввод в бой соединений, отсутствие разведки и слабое прикрытие танков авиацией и артиллерией (с. 163){5}, т.е. перечисляет все те причины, которыми объяснялась гибель механизированных корпусов в 1941 г. Выходило: прошел год войны, а учеба кровью не пошла впрок.

Немецкий генерал танковых войск Ф. Меллентин так описывает тактику боя с 5-й танковой армией: "В танковом бою у Городища... передовые танковые части русских были встречены противотанковой артиллерией танкового корпуса и затем уничтожались нашими танками, атаковавшими противника с фланга и с тыла. Поскольку у наших командиров была возможность своевременно "заглянуть" в расположение противника (имеется в виду авиация. - Б.Ш.) и узнать, что он готовит, они могли организовать засады и отразить одну за другой контратаки противника. Подобно французам в 1940 году, русское командование растерялось и стало вводить в бой резервы по частям, а это было на руку 4-й танковой армии" (с. 143){9}. С немецким генералом солидаризовался и советский генерал М.И. Казаков, который заключал: "Первый опыт боевого применения танковой армии оказался неудачным. И тотчас же начались разговоры о непригодности такого оперативного объединения вообще. Истинные же причины неудачи заключались... в том, что тогда наши командные инстанции (вплоть до самых высоких) не умели еще организовывать крупное танковое сражение. Не были готовы к таким сражениям и сами танковые войска" (с. 123){6}. Короче говоря, беспомощность "низов" весомо подкреплялась беспомощностью "верхов". В 1942 г. стороннему наблюдателю могло показаться, что с советскими генералами происходит та же история, что и с царскими, которые за редким исключением так и не смогли научиться воевать и потому были сметены ходом Истории вместе с государством и царской армией. К чести советского командования следует сказать, что оно стало делать выводы из поражений.

Работа над ошибками началась сразу после летних поражений. 16 октября 1942 г. был издан специальный приказ Народного комиссара обороны No 325, в котором предписывалось танковые и механизированные корпуса использовать только на направлении главного удара. Танки должны были атаковать на максимальных скоростях, ведя огонь с ходу, применяя маневр на

поле боя для выхода во фланг и тыл противника, избегая атаки в лоб. Использовать танковые корпуса было необходимо после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы противника. В приказе определялся порядок ввода корпусов и их взаимодействие с артиллерией и танками.

Уже в ноябре - декабре 1942 г. под Сталинградом и на Дону эти разумные требования оказали благотворное воздействие на боевые действия советских бронетанковых войск.

Роковые просчеты противника

Но не только советская военная система совершала принципиальные ошибки и страдала пороками. Уже в 1941 г, германское командование стало принимать одно спорное решение за другим. Но качественное превосходство немецких войск нивелировало их. 1942 год стал годом роковых парадоксов вермахта. Прежде всего произошло уменьшение масштабов применения танковых оперативных соединений в наступательных операциях. Если в 1941 г. наступление вели четыре танковые группы, которые, собственно, и обеспечили все крупные успехи в восточной кампании, то в 1942 г. их осталось только две - 1-я и 4-я танковые армии. 2-я и 3-я танковые армии простояли в обороне весь год. 3-я - в Ржевском выступе, 2-я - у Орла. В конечном счете танковые дивизии у них забрали, и "танковыми" они стали числиться лишь на бумаге. Вещь удивительная, попросту непостижимая! Творцы танковых клиньев, пожинавших плоды масштабных, блицкриговских побед, сами стали отказываться от нажитого богатства.

Пассивность двух танковых армий частично объясняется (если это можно отнести к объяснению) тем, что в октябре 1941 г. танковые группы стали переформировывать в танковые армии путем включения в них пехотных дивизий. Причем пехоту добавили в таком количестве, что вскоре стало совершенно неясным, что первичное и что вторичное: то ли танковым дивизиям придали пехоту, то ли пехоте танковые дивизии. На германское командование нашло затмение. Апофеозом его стала практика наделения танковых армий собственными участками обороны. Моторизованные и танковые соединения, а также органы управления стали использоваться в чисто позиционной войне. Это стало началом заката германских бронетанковых войск стратегического назначения, каковыми были до сих пор танковые группы. Затмение было столь полным, что даже из всех четырех танковых армий вермахта стали выхолащивать их танковую суть. Например, наступающая 4-я танковая армия на 31 июля 1942 г. состояла из шести пехотных, одной танковой и

одной моторизованной дивизий! То есть, в сущности, это была обычная полевая армия, усиленная небольшими бронетанковыми.силами. В таком же положении пребывала 1-я танковая армия Э. Клейста. На 12 августа 1942 г. она состояла из трех танковых и двух моторизованных дивизий, а также восьми пехотных дивизий. Причем три из них были горные. Сходство между танковыми и горными войсками такое же, как между парашютистами и пограничниками.

Советское командование тоже принялось было формировать свои танковые армии как сочетание танковых и стрелковых дивизий, но очень быстро поняло бесперспективность такого слияния - танковые армии теряли свою мобильность. Поэтому 28 января 1943 г. ГКО принял постановление о создании танковых армий однородного состава, включающих два танковых и один механизированный корпус. Это решениё предопределило организационное превосходство советских танковых войск над немецкими, а значит, закат вермахта.

Изобилие целей на огромных пространствах России приводило к просчетам в их выборе. Так, после завершения штурма Севастополя, в разгар наступления на юге 11-я немецкая армия была услана на север, брать Ленинград, но оказалась втянута в бои местного значения. Опытное, почти элитное, оперативное соединение было выключено на главном стратегическом направлении - на юге.

Другой роковой ошибкой стало превращение сталинградского участка фронта в новый Верден. Пока шла маневренная война, немецкие войска были хозяевами положения. Но Гитлер, будучи верховным главнокомандующим, попал в ловушку позиционной борьбы и загнал в нее вермахт. Для этого надо было лишь повести лобовое наступление на Сталинград в духе советского командования.

6-я армия, совершив стремительный рывок на 600 км, 24 июля оказалась в 150 км от Сталинграда. Но двигалась она не в безвоздушном пространстве - копилась усталость, безмерно растянулись тыловые коммуникации, поэтому выдвижения ей навстречу из резерва 62-й и 64-й армий оказалось достаточно, чтобы остановить ее. Тогда ей придали 4-ю танковую армию. Потом дополнили группировку двумя румынскими армиями. Затем туда стали посылать самые большие по сравнению с другими участками фронта маршевые пополнения. Захват десятка разрушенных городских кварталов стал маниакальной идеей Гитлера. Период маневренных операций закончился в конце августа. Получив возможность вести окопную войну, советское верховное командование воспрянуло духом. То был щедрый

подарок. Началась сталинградская мясорубка имени Вердена. В Первой мировой войне Верден 1916 г. стал прологом к поражению германской армии. Во Второй мировой войне ситуация зеркально повторилась, таким прологом стал Сталинград.

Глава 6. Поворотный пункт в войне: операции и потери

Летом 1942 г. перед Верховным Главнокомандованием Красной Армии стояла задача остановить отступление, которое приняло формы развала Южного фронта. 9 августа из Ставки пришел приказ командующим Юго-Западным и недавно созданным Сталинградским фронтами, в котором говорилось: "Верховный Главнокомандующий обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Горлова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага". Как бить врага, "щадя" свои силы и с наименьшими жертвами, Сталин не знал и потому продолжал делать ставку на частные наступления без должной подготовки. Было решено имеющимися силами атаковать 6-ю немецкую армию, нацеленную на Сталинград. Для этого 9 августа командование двух фронтов объединилось в руках А.И. Еременко. Однако плохо обеспеченная операция успеха не имела. Более того, германские дивизии, разбив советские части во встречном бою, прорвали фронт, и 23 августа танки 14-го танкового корпуса, совершив 60-километровый рывок, достигли северо-западной окраины Сталинграда. Положение выправили ополченцы, фронтовые резервы и 60 танков, ремонтировавшихся в цехах тракторного завода, и город удалось удержать. Но надолго ли? В Ставке созрело новое решение - нанесением флангового удара оттянуть часть сил немцев от города. Положение было аховое. Сталин, видимо, осознал, что он плохой стратег. Шапошников уже изрядно подзабыл, как самостоятельно мыслить. Требовался человек, который мог бы взять на себя разработку стратегических планов и их координацию в рамках фронтов. Выбор пал на Г.К. Жукова. В августе Сталин назначил его заместителем Верховного Главнокомандующего. Первое задание Жукову на этом посту - спасти положение на Волге. 29 августа Жуков отбыл под Сталинград для курирования намеченного контрнаступления. План действий у выделенных для удара Ьй (ошибка сканирования) гвардейской, 66-й и 24-й армий был уже утвержден, и Жукову предстояло лишь проконтролировать его выполнение. Прибыв на место, он столкнулся с уже традиционным явлением - неудовлетворительной готовностью частей к наступлению: не подвезены в нужном количестве боеприпасы, нет должного

взаимодействия пехоты с артиллерией и пр. Жуков попросил Сталина задержать выступление, но и несколько дней отсрочки существенного перелома в ход подготовки войск не внесли. Начавшееся 5 сентября наступление отвлекло небольшое количество немецких войск от Сталинграда, но сколь-нибудь серьезного вклинивания в оборону противника не произошло. Вернувшись 12 сентября в Москву, Жуков доложил о бесперспективности этого наступления и подобных ударов в будущем. В сущности, речь шла о продолжающемся вот уже второй год кризисе наступательной стратегии советского командования, так как столь же неудачными оказались наступательные операции под Ленинградом (у Синявино) и Ржевом, проведенные в августе - сентябре 1942 г.

Ф. Меллентин язвительно писал о "кладбищенской" тактике советского командования: "В начале сентября русские с целью облегчить положение защитников Сталинграда стали предпринимать атаки на фронте 14-го танкового корпуса. Ежедневно свыше 100 танков в сопровождении крупных сил пехоты (массирование пехоты вообще было характерно для действий русских) атаковали позиции немецких войск. Наступление велось по принятому у русских принципу: уж если "Иван" решил что-то захватить, он бросает в бой крупные массы войск до тех пор, пока не достигнет поставленной цели или не исчерпает всех своих резервов" (с. 148){1}. Тупик частных операций на истощение необходимо было преодолевать, иначе это грозило вылиться в войну до "последнего солдата", а в известном приказе Сталина No 227 отмечалось главное: "Мы потеряли более 70 миллионов населения... У нас нет уже теперь преобладания над немцами в людских резервах". Значит, предстояло как-то ужаться в расходовании солдат, ведь вопрос стоял о сохранении власти тов. Сталина. Суровая необходимость заставляла учиться воевать. Именно в это время инициировалась пьеса Корнейчука "Фронт" о "современном" и "несовременном" типе командующего. Новая концепция родилась 12-13 сентября в беседах А.М. Василевского и Г.К. Жукова в Москве. "Перебрав все возможные варианты, - вспоминал Жуков, - мы решили предложить И.В. Сталину приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу" (с. 402) {2}.

Жуков, в сущности, вновь предлагал осуществить свою идею августа 1941 г. изматывая противника упорной обороной, подготовить хорошо обеспеченное наступление с решающими

целями. Изюминка заключалась в том, чтобы главные удары, в отличие, например, от контрнаступления под Москвой, наконец-то нацелить на слабые фланги противника. Не стоит, однако, преувеличивать гениальность этого плана. Сама конфигурация фронта диктовала условия наступления. В лоб бить не было никакой возможности из-за ограниченности плацдармов в Сталинграде, зато на флангах хватало места для накопления войск. И, наконец, появление на флангах румынских войск определило участки прорыва.

Предложенный вскоре Жуковым и Василевским детальный план характеризовался двумя отличительными чертами: во-первых, на подготовку контрнаступления отводилось значительно больше времени, чем на какую-либо предыдущую, - до двух месяцев; во-вторых, целью ставился не "разгром" противника в ходе его фронтального вытеснения с занимаемых позиций, а окружение и полное уничтожение главных сил врага на данном участке фронта. На план Жукова - Василевского работал и "сталинградский азарт" Гитлера - взять город во что бы то ни стало! Если в июле группа армий "Б", нацеленная на выход к Волге, имела 30 дивизий, то к августу уже 69, а в начале октября - 81 дивизию. Группа армий "А", образованная 23 июля с задачей овладения Кавказом, уменьшилась до 27 дивизий. На узком тактическом пространстве, среди руин Сталинграда, немецкое командование методично в течение двух с половиной месяцев сжигало свои отборные части.

Линия немецкого фронта в полосе предстоящего советского наступления выглядела следующим образом: севернее Воронежа, на Орловском направлении находилась 2-я немецкая армия, оборонявшая фронт в 210 км. У Воронежа располагалась 2-я венгерская армия (190 км). Далее 180-километровый участок обороняла 8-я итальянская армия и 170-километровый у Дона - 3-я румынская. Непосредственно у Сталинграда находились 6-я и 4-я танковая немецкие армии. Их соседом на правом фланге также были румыны - 4-я армия из семи дивизий.

Группа армий "А" держала позиции от Новороссийска до Нальчика и Орджоникидзе - всего 1000 км. Но ее положение облегчалось тем, что значительная часть фронта упиралась в горы, откуда нельзя было ждать массированного удара. Поэтому командование группы могло концентрировать силы на опасных направлениях, прежде всего у Нальчика и Черноморского побережья.

В целом же удержать такой фронт германская армия могла лишь при наличии значительных подвижных сил, пехотных резервов и сильной авиации. А их не было. Вермахту не хватало

людей и танков даже в тех случаях, когда, например, после окружения у Вязьмы в 1941 г. или летнего прорыва 1942 г. события развивались исключительно благоприятно. Пока немецкие силы были в кулаке, они пробивали любую оборону. Но с выходом на оперативный простор количество целей многократно увеличивалось, и так успешно начатые операции теряли свою форму. Этого не происходило на Западе из-за малых пространств, но для войны на Востоке германской армии требовалось значительно больше танков и моторизованной пехоты. Надвигалась расплата за скудость резервов и материальных ресурсов.

19 ноября 1942 г. войска Юго-Западного фронта и 20 ноября войска Сталинградского фронта перешли в наступление. А 23 ноября в 16 часов кольцо вокруг 6-й армии замкнулось. Первое масштабное окружение Красной Армии состоялось! Учителя попали в западню учеников.

Командование 6-й армии быстро оправилось от шока и сумело организовать устойчивую оборону в своем бывшем тылу. Попытка разгромить "котел" с ходу не удалась. Бои с 24 по 30 ноября показали, что силы противника составляют не 85-90 тыс. человек, как предполагалось ранее, а много больше. После первых успехов продвижение войск Донского фронта, специально созданного для уничтожения окруженной группировки, замедлилось.

Германское верховное командование стало спешно проводить перегруппировку своих сил в надежде локализовать прорывы советских войск и деблокировать армию Паулюса. Была создана группа армий "Дон" под командованием Э. Манштейна с фронтом от станицы Вешенской до реки Маныч (около 500 км). Наряду с оборонительными задачами ей предстояло вызволить окруженных. Для этой цели создавалась ударная группировка в районе Котельникова (в 150 км от окруженных), насчитывавшая 13 дивизий и около 500 танков во главе с опытным генералом Г. Готом. 12 декабря она перешла в наступление. До 23 декабря шли упорные бои, которые впервые на Восточном фронте не принесли успеха наступающим немецким войскам. Потеряв 230 танков, Гот 23 декабря отдал приказ о прекращении дальнейшего наступления. Танки требовались в других местах, где начал рушиться фронт. 6-я армия теперь была обречена.

Сталинградская операция стала первой классической операцией Советских Вооруженных Сил в Отечественной войне на окружение стратегически крупных сил противника, которая была задумана и планировалась с самого начала как операция на окружение. Успех Сталинградской операции породил новый

сходный замысел. В конце ноября 1942 г. в Генштабе созрела идея попытаться набросить удавку на всю группу армий "Дон" и "А". По плану "Сатурн", утвержденному 2 декабря, войска Юго-Западного фронта ударом на Ростов должны были отсечь немецкие войска на Дону и Кавказе.

Набрасывание "второго кольца Сатурна" началось 16 декабря 1942 г. с наступлением войск Юго-Западного фронта.

Поначалу они встретили довольно упорное сопротивление 8-й итальянской армии и резервных немецких танковых частей. Однако прорыв в тыл нескольких советских танковых корпусов решил исход борьбы. Противник начал общий отход. Это имело большое значение и для Сталинградского направления. Изготовившаяся к деблокированию танковая группировка вермахта в районе Тормосино была повернута на борьбу с прорвавшимися советскими танками. Однако наступление группы Гота заставило Ставку, даже несмотря на поражение 8-й итальянской армии, перенести главный удар с Ростовского направления во фланг группировки, нацеленной на Сталинград. Туда перебрасывалась 2-я гвардейская армия и другие соединения. Новое большое окружение становилось маловероятным. Начавшаяся 13 декабря операция получила наименование "Малый Сатурн".

Возможна ли была реализация первоначального плана "Сатурн"? Если бы не перенацелили часть войск под Сталинград, то резко возросла бы вероятность прорыва котельнической группировки к армии Паулюса. Но с другой стороны, мог лиг быть успешным многосоткилометровый отход по зимним, вьюжным степям немецко-румынских войск с берегов Волги? Другая проблема состояла в том, добивать 6-ю армию или, оставив ее в тылу, бросить все силы на запад?

В Генштабе и Ставке возникла мини-дискуссия, которая продолжалась и в послевоенное время между сторонниками Ростовского мешка и сторонниками более осторожной стратегии. Сталин, подрастерявший в ходе летних неудач уверенность в своих полководческих талантах; следовал советам таких военачальников, как А.М. Василевский, который был назначен в июне 1942 г. начальником Генштаба. Именно А.М. Василевский категорически настаивал на переадресовке 2-й гвардейской армии с Ростовского направления на борьбу с группой Гота. И хотя 1-я танковая армия противника получала возможность отойти с Кавказа к Ростову, 6-я армия Паулюса могла считаться той "синицей", ради которой нетрудно пожертвовать "журавлем" Ростовского котла, который еще надо было создать.

Увы, в жизни невозможно дважды разыграть одну и ту же

ситуацию. Стоит только отметить, что отход 1-й танковой армии через Ростов аукнется затем - в марте 1943 г. - поражением под Харьковом. Э. Манштейн заметил в мемуарах: "Если бы противник тогда продвинул подвижную армию до... Ростова, для чего он, несомненно, располагал силами, то наряду с потерей 6-й армии создалась бы возможность потери также и группы армий "А"" (с. 308){3}. Что ж, не судьба...

Чем дальше уходил фронт на запад, тем труднее становилось снабжать окруженных всем необходимым. Если в декабре среднесуточная доставка грузов по воздуху равнялась 105 т, то в середине января она упала до 60-80 т вместо необходимых 500 т. Пришлось съесть 39 тыс. лошадей. Прорыв же через промерзшие, малолюдные степи без достаточного обеспечения и обмундирования мог стать мучительным, затяжным самоубийством. Да и приказа на то так и не последовало. Гитлер как главком чем дальше, тем больше начинал играть для своих войск роль Сталина образца 1941 г. Последний запретил отход Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г., Гитлер ответил любезностью, сделав то же самое в отношении группировки Паулюса.

К 16 января 1943 г. над районом "котла" было сброшено полтора миллиона листовок с призывом сдаваться. Но немецко-прусская дисциплина оказалась сильнее пропаганды. За двухмесячную осаду было вынесено 360 смертных приговоров за попытку дезертирства и неподчинение приказу.

Для 280-тысячной голодающей и мерзнущей армии, находящейся в безнадежном положении, это было не так много. Солдаты и офицеры ругали верхи, свое положение, холод и голод, некоторые стали задумываться о глубинных причинах, приведших вермахт к такому положению... В мемуарах участников сталинградского "сидения" И. Видера и Г. Дерра, переведенных на русский язык, можно найти много такого рода фактов и почувствовать ту атмосферу зыбкости, непрочности всего, что составляло их сущность - жизнь, идеалы, убеждения. Но заведенный некогда механизм сработал до самого конца. Выстоять 70 суток в кольце и сражаться в степи в разгар зимы - конечно, достижение. Этот феномен историки объясняют по-разному. И страхом перед возмездием, и укоренившейся дисциплиной, и надеждой на чудесное спасение. По всей видимости, здесь сыграл свою роль весь комплекс причин. У каждого отдельного солдата или офицера, возможно, преобладал какой-то один фактор. В целом же это дало ту стойкость, что позволила 6-й армии держаться так долго, да еще в зимних условиях.

Поведение войск в окружении - это особая тема, ибо в таких экстремальных условиях наиболее ярко выявляется состояние морального духа войск и качество командования.

Попавшие в окружение советские войска, за редким исключением, держались считанные дни, независимо от количества имеющихся у них сил. Например, войска Западного и Юго-Западного фронтов под Вязьмой и у Лохвицы в 1941 г. насчитывали более полумиллиона солдат каждый. Но сопротивление продолжалось от 5-6 дней (Юго-Западный) до 7-8 дней (Западный фронт){4}. Правда, одной из причин быстрого развала "котла служило нежелание в большинстве случаев в нем сражаться. Советские части стремились как можно быстрее соединиться со своими и потому дробились на колонны и пробивались каждая на свой страх и риск. Хотя конфигурация "котла" благоприятствует обороне, так как окруженные могут создавать плотность фронта по своему усмотрению, а резервы из центра кольца могут быстро приходить на помощь угрожаемым участкам Ир кратчайшим прямым. Немецкие войска в полной мере Продемонстрировали упорство в обороне в Демянском и Сталинградском "котлах", в городе Холм. Причем бои во всех этих случаях проходили зимой, что, казалось бы, должно было уменьшить стойкость немцев. Но Демянскую группировку разгромить вообще не удалось, хотя сражение продолжалось 2,5 месяца (с 8 февраля по конец апреля 1942 г.), и эта ситуация очень напоминала положение 2-й ударной армии. Она дважды полностью окружалась, но оба раза удавалось пробить узкий коридор. И войска сражались до тех пор, пока - не получили приказ отходить. Со 2 января по 5 мая 1942 г. (3,5 месяца) сопротивлялся гарнизон г. Холм, но так и не был уничтожен, а продержался до соединения с пробившимися к нему частями. После 103-дневной осады гарнизон насчитывал 1200 бойцов и 2200 раненых.

Опыт всех войн во все времена говорит об одном: исход битв решает не только качество оружия, но в куда большей степени моральный дух войск и их организация. Если нет в должной мере ни того, ни другого, то солдат, пусть даже вооруженный самым современным оружием, не воин, а жертва обстоятельств.

26 января 1943 г. войска 65-й и 21-й армий Донского фронта соединились с 62-й армией в самом Сталинграде. 6-я армия оказалась расчлененной на две небольшие части и 2 февраля капитулировала. Но свое дело она сделала. Выскользнули из "мешка" дивизии группы "А". Э. Манштейн получил время для стабилизации фронта у Ростова, куда отошла 1-я танковая армия. Тучи глобальной катастрофы как будто благополучно рассеялись.

Издержки советской стороны при ликвидации армии Паулюса наводили участников событий на мысли о целесообразности таких усилий. Донской фронт потерял в боях по ликвидации "котла" 40 тыс. убитыми и 123 тыс. ранеными. "Почему русские решили перейти в наступление, не дожидаясь, пока котел развалится сам по себе, без всяких потерь со стороны русских, известно только русским генералам", - удивлялся бывший начальник Генерального штаба сухопутных сил К. Цейцлер (с. 199){5}. Была ли необходимость в добивании истощенных частей Паулюса? Не лучше ли было основную массу техники - сотни танков и орудий - перебросить туда, где шли бои с несломленным противником? Об этом тоже был спор в Генштабе. Вот что писал А.М. Василевский: "Должен сказать, что по вопросу о дальнейших действиях советских войск в районе Сталинграда в Ставку был внесен ряд предложений... согласно одному из них, мы должны были прекратить действия по ликвидации осажденной армии Паулюса, оставить вокруг нее лишь охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являясь вроде "зайца на привязи", а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам с Северного Кавказа... И.В. Сталин поддержал мое отрицательное отношение к этому предложению. Под Сталинградом находилась хотя и ослабленная, но крупная группировка противника. Недооценивать ее, особенно в начале декабря, было ни в коем случае нельзя" (кн. 1, с. 264){6}. В начале декабря,- да, вот только переоценивать ее в начале января было уже не нужно.

18 января 1943 г. командующий Сталинградским фронтом А.И. Еременко записал в дневнике: "После разгрома группы Манштейна следовало, как и предлагал (штаб) Сталинградского фронта, не атаковать окруженных, а задушить блокадой, они бы продержались не больше одного месяца, на Донской фронт направить по правому берегу Дона на ? Шахты, Ростов. В итоге получился бы удар трех фронтов: Воронежского, Юго-Западного и Донского. Он был бы исключительно сильным, закрыл бы, как в ловушке, всю группировку противника на Северном Кавказе... Решение о наступлении Южного фронта (бывший Сталинградский) на Ростов неверно еще и потому, что оно было фронтальным, мы выталкивали противника" (1994, No 5, с. 19) {7}. К сожалению, Г.К. Жуков не принял участия в дискуссии: Сталин поручил ему курирование операции по прорыву блокады Ленинграда. Но почему-то кажется, что Жуков не согласился бы с Василевским. Уж слишком была очевидна оперативная никчемность борьбы с остатками войск Паулюса в январе 1943 г.

На 1 января 1943 г. Донской фронт, призванный разгромить

войска Паулюса, имел 39 дивизий, а Юго-Западный фронт, должный прорываться к Ростову, - 36 дивизий. Смещение главной оси наступления советских войск с Ростовского направления в район междуречья Волги и Дона, включая Сталинград, привело к концу декабря к фронтальным боям против главных сил противника в Ростовском выступе.

24 декабря 2-я гвардейская и 51-я армии нанесли лобовой удар по группе Гота и 29 декабря заняли Котельниково, тем самым ликвидировав угрозу деблокирования. Дальнейшие боевые действия в полосе Юго-Западного и Сталинградского (переименованного в Южный) фронтов свелись к вытеснению немецких войск на запад. К концу января немцы отошли на оборонительные рубежи по рекам Северский Донец и Чир. Здесь они прочно обосновались, отражая все фронтальные удары советских войск.

Советское верховное командование пошло по пути наименьшего риска. Но, потеряв 6-ю армию, вермахт сохранил основные танковые и моторизованные силы на юге, входившие в 1-ю танковую армию, и другие соединения.

Отход остатков войск группы "Б" к Ростовской горловине вынуждал к отступлению и группу "А" с Кавказа. Перед Южным и Закавказским фронтами была поставлена задача перекрыть пути отхода германских войск на Тамань и Ростов. Но на деле борьба свелась к выталкиванию противника с Северного Кавказа и Кубани. Оглядываясь назад, теперь можно сказать, что часть сил и средств, приданных этим двум фронтам, куда большую пользу принесла бы в полосе Юго-Западного и Воронежского фронтов. Ведь на 1 января 1943 г. войска Южного и Закавказского фронтов насчитывали 1054 тыс. человек, 11,3 тыс. орудий и минометов, 1,2 тыс. танков.

Наиболее целесообразной операцией на крайнем юге советско-германского фронта было наступление у Туапсе и Новороссийска с целью захвата Таманского полуострова - одной из двух артерий, питающих германскую группировку на Кавказе. Но первоначально главным считался удар в районе Моздок - Нальчик, поэтому Черноморская группа войск надлежащих средств не получила. Лишь после неудачи наступления у Моздока Ставка в директиве от 4 января 1943 г. потребовала от командующего Закавказским фронтом генерала И.В. Тюленева изменить направление главного удара. "Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы" (т. 6, с. 95){8}. Приказ столь же правильный, сколь и

запоздалый. Время было упущено. Германские войска смогли отойти на Тамань и Ростов. Бои на Тамани затянулись до октября 1943 г. Застряли советские войска и у Ростовской дуги. Наступательные бои должны были вот-вот затихнуть. Могла повториться история с Ржевским выступом, но, к счастью, в это время случился крупный прорыв Воронежского фронта. Для вермахта без антракта развернулся, второй акт драмы.

В январе 1943 г. на Верхнем Дону - южнее и севернее Воронежа - оборону держали армии из группы "Б" в составе 2-й немецкой и 2-й венгерской армий, а также корпуса итальянских альпийских стрелков. Этими силами прикрывались Курское и Харьковское направления. Здесь наносил удар Воронежский фронт, который в середине января насчитывал 243 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 208 самолетов и 909 танков против 270 тыс. человек, 2,6 тыс. орудий и минометов и 300 танков. Раньше такое соотношение сил не сулило советским войскам ничего хорошего. Но теперь, зимой 1943 г., им противостояли не столько немцы, сколько дивизии союзников. А это уже было совсем другое дело.

Командование фронта смело пошло на ослабление второстепенных участков, создавая сильные группировки на направлениях главного удара, которые должны были действовать на сходящихся направлениях. Тактика, хорошо послужившая немцам, теперь обернулась против них самих. В наступлении решено было вновь попробовать танковую армию. Этой чести удостоилась 3-я танковая армия под командованием П.С. Рыбалко.

Наступление началось 12 января 1943 г. Венгерские части стали отступать чуть ли не с первых минут боя. Советские войска хлынули в образовавшиеся бреши. Воронежский фронт получил возможность громить противника по частям. Уже 18 января главные силы 2-й венгерской армии и корпуса альпийских стрелков были окружены. К 27 января "котлы" были окончательно ликвидированы, 86 тыс. солдат и офицеров взяты в плен. Войска фронта продвинулись на 140 км в полосе 250 км. Образовавшаяся брешь позволила без паузы нанести удар по флангам соседней 2-й немецкой армии у Воронежа. Навстречу соединениям Воронежского фронта ударила 13-я армия Брянского фронта, и 28 января кольцо сомкнулось у Касторного.

"Немецкая" быстрота и решительность проведения операций была новым и удивительным достижением Красной Армии зимой 1942-1943 гг. После бесконечной череды провальных наступлений в летний период и тяжкого продвижения вперед зимой - весной 1941-1942 гг. в эту зиму советским войскам удавалось такое, что еще два-три месяца назад казалось совершенно несбыточным. К

сожалению, малочисленность войск Воронежского фронта не позволила развить успех еще больше, с глубоким прорывом в тыл группы армий "Центр", как это первоначально планировалось Генштабом. Например, 40-я армия не имела возможности создать сплошную линию окружения у Касторного, потому что перед ней стояла задача одновременно выдвигаться на рубежи для удара на Белгородском направлении. То есть у советской стороны стали возникать те же проблемы, что и у немецкой в предыдущие годы.

В отличие от своих союзников, немцы не собирались сдаваться и продолжали упорно драться. Они стали пробиваться на Старый Оскол и к середине февраля вышли из окружения частью своих сил. Так, в момент наивысшего успеха стали упускаться - одна за другой - благоприятные возможности. Пока сотни тысяч солдат и масса техники простаивали на других направлениях, в полосе Воронежского фронта разгромленного врага преследовали, пока хватало сил, малочисленные советские дивизии. Правда; в целом были достигнуты впечатляющие результаты. 2-я венгерская армия прекратила свое существование. 2-я немецкая понесла большие потери, в том числе лишилась почти всего тяжелого вооружения. Соединения, входившие в 8-ю итальянскую армию (корпус альпийских стрелков и немецкий 24-й танковый корпус) также были разбиты. В обороне противника образовалась брешь в 400 км, которая прикрывалась лишь разрозненными заслонами немецких войск. Перед, советскими армиями открылись оперативные возможности не меньшие, если не большие, чем после окружения 6-й армии Паулюса.

В конце января 1943 г. в полосе от района Воронежа до Кубани противник располагал 75 дивизиями. Менее двадцати из них действовало перед Воронежским фронтом, включая 9 дивизий, прорвавшихся из окружения. 21 дивизия в составе 17-й армии была блокирована на Кубани. Значительную боевую силу представляли лишь 22 дивизии.

Ставка так оценивала сложившуюся обстановку: "Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно, с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами" (т. 6, с. 128){8}. Эта верная оценка обстановки диктовала продолжение дальнейшего наступления с решительными целями. 13-я армия Брянского и 60-я армия Воронежского фронтов должны были наступать на Курском направлении. Главным силам

Воронежского фронта во взаимодействии с 6-й армией Юго-Западного фронта предписывалось овладеть Харьковом, после чего всем фронтам продолжить наступление на запад, к Днепру. Остальным войскам Юго-Западного фронта приказывалось через Донбасс (Старобельск - Славянск) прорваться к Мариуполю и окружить группу армий "Дон", а затем совместно с армиями Донского фронта уничтожить ее. Последняя задача, думается, была важнейшей в ряду других, так как группа армий "Дон" объединяла отборные танковые и пехотные дивизии вермахта. Разгром таких первоклассных войск ослабил бы южное крыло германского восточного фронта на долгий срок.

2 февраля Воронежский фронт возобновил наступление. После разгрома 2-й немецкой армии и войск союзников перед ним были крайне слабые силы. Сбив отряды противника, советские войска устремились вперед. 8 февраля части 60-й армии овладели Курском. 9 февраля соседняя 40-я армия освободила Белгород и 10 февраля была уже в 55 км от Харькова. Дальнейшее продвижение задержалось упорной обороной Харьковского района танковым корпусом СС. Перед наступающими с севера 40-й и с юга 6-й армиями ставилась задача глубокого охвата Харькова. Однако, не имея достаточных резервов, они быстро стали смещать направления своих главных ударов ближе к городу и, таким образом, все больше втягивались во фронтальные бои. Германское командование это учло и с 10 февраля начало отвод к Харькову танкового корпуса СС. Помимо Танковых дивизий "Рейх" и "Адольф Гитлер" группировку дополняли две пехотные и моторизованная дивизия "Великая Германия". Вся группировка насчитывала 55 тыс. человек. Столь небольшая численность позволяла провести операцию на их охват, однако крупный промышленный город словно магнит притягивал к себе основные силы трех советских армий - 40-й, 6-й и затем 3-й танковой. Харьковский район стал превращаться в мощный узел обороны, перемалывающий наступающие советские войска. 3-я танковая армия, выходя к городу, имела 378 танков, а вышла из боя с 98 танками. Историк и боевой офицер А.А. Радзиевский подсчитал: "Среднесуточные потери составили 12%, что стало рекордом среди танковых наступательных операций в 1943-1945 гг." (с. 265){9}. Период "котлов" явно заканчивался. Советское командование привычно переходило к стратегии лобовых ударов, не считаясь с потерями.

А были ли возможности для новых окружений? Ответ можно дать только однозначный - да! В первую очередь это относилось к Харьковскому и Ростовскому районам. Все зависело от поставленной цели - взятие городов или уничтожение крупных

масс вражеских сил. С выходом на реку Северский Донец в начале февраля перед советскими войсками открывалась возможность зайти в глубокий тыл группы армий "Дон". Но для этого надо было направить основную массу танковых и механизированных соединений на Донбасский участок. Однако такие мощные силы, как 5-я танковая, 5-я ударная, 3-я гвардейская армии действовали в составе Южного фронта, ведя атаку в лоб Ростовской группировке. А на ее слабых флангах действовали столь же слабые наши силы. Эта фронтальная стратегия, на которую так быстро сбилось советское командование, и стала причиной будущей неудачи.

Но в феврале события развивались благоприятно. Боясь окружения, танковые дивизии СС все же были отведены из Харькова, и 16 февраля в город вошли части Красной Армии. Ранее, 14 февраля, немцы оставили Ростов, хотя оборона там и была прочной. Отвод произошел из-за угрозы окружения со стороны Донбасской группы Красной Армии. Однако решено было не просто отойти за реку Миус, а сократив линию фронта и высвободив танковые части, в свою очередь ударить во фланг наступающим. Юго-Западный фронт в это время частью своих сил пытался прорваться в тыл группы армий "Дон". Но что это были за силы? В "Истории Второй мировой войны" дается следующая оценка состояния атакующей группы: "Командование Юго-Западного фронта, ставя столь глубокие задачи войскам, исходило из того, что противник вынужден будет отходить за Днепр. Поэтому все армии продолжали действовать в прежних полосах, в том же оперативном построении, без вторых эшелонов. В резерве фронта находилось два слабо укомплектованных танковых корпуса... Главная ударная сила - подвижная группа генерала М.М. Попова, на которую возлагалась основная задача фронтовой операции, имела ограниченные боевые возможности: в ее танковых корпусах... было всего 137 Танков, обеспеченных заправкой горючего и одним-двумя боевыми комплектами боеприпасов" (т. 6, с. 132){8}. А начало было таким успешным.

Главные ударные силы Юго-Западного фронта - 6-я и 1-я гвардейская армии перешли в наступление 29 и 30 января. 11 февраля 1 -я гвардейская армия овладела станцией Лозовая (примерно в 100 км от Днепропетровска), а части М.М. Попова вышли в район Красноармейское (в 150 км от Мариуполя). К 18 февраля советские части находились в каких-то двух десятках километров от Днепропетровска. То было пиком успехов наступавших. И каких! Стоит еще раз перечислить: 14 февраля освобожден Ростов, 16-го - Харьков, и на горизонте виднелись огни Днепропетровска и Запорожья - основных баз снабжения

вермахта на южном крыле советско-германского фронта. Казалось, еще немного - и состоится окружение группы армий "Дон" Манштейна, и Днепр станет внешним кольцом окружения.

Чтобы понять, какие прекрасные возможности открывались перед Красной Армией, достаточно посмотреть на карту боевых действий середины февраля 1943 г. Группа армий "Дон" провисала в своем построении, открывая перед советским командованием прекрасные перспективы ее отсечения от основных сил и выхода советских войск к Днепру и Крыму. Немецкая 2-я танковая армия в районе Орла глубоко охватывалась с флангов Воронежским и Брянским фронтами. Уже прибывали войска Рокоссовского из-под Сталинграда с задачей ударить ей в тыл. Смог бы вермахт воспрянуть, если бы еще две армии погибли в Орловском и Ростовском "котлах"? Вряд ли. Но эти и подобные им возможности были упущены. Причем опять во многом по вине Верховного Главнокомандования Красной Армии.

В январе и особенно феврале 1943 г. создалась типичная ситуация "погони за двумя зайцами". Крушение стабильного фронта у противника позволяло наступать на юг, на север, на запад и по всем направлениям одновременно. Почти везде фронт немцев был хлипок, а стратегических резервов у них не было. Глаза разбегались, а голова кружилась, как это уже случилось у Сталина зимой 19411942 гг. Ему опять показалось, что враг собрался бежать подобно армии Наполеона, и опять он ошибался. Многое решала воля оборонявшихся. Советским войскам удалось подавить волю к борьбе итальянских и венгерских дивизий зимой 19421943 гг., но никому за всю войну не удавалось подавить волю германских войск к сопротивлению. Не удалось это сделать и зимой 1943 г. Советское командование и прежде всего Сталин, уверовавший вдруг, что немцы решили отойти за Днепр, не осознавали этого до самого момента контрнаступления Манштейна.

Но вопрос воли - это проблема, так сказать, идеальная, не измеряемая в единицах солдат и техники, а потому трудноуловимая. Другое дело - вопрос соотношения сил и наличия крупных оперативных резервов. Когда наступление ведется с максимальной концентрацией сил на прорываемых участках, то успех закономерен. Но этот фактор действенен на начальном этапе. Когда же линия обороны прорвана, оперативные задачи усложняются, хотя на первый взгляд противник отступает, и потому главные проблемы, казалось бы, позади. Однако преследование противника увеличивает количество достижимых целей, а чем глубже прорыв, тем больше наступающим надо заботиться о флангах, охране новых коммуникаций, снабжении,

связи и т.д. Перед органами оперативного планирования и управления встает сложная задача найти "золотую середину" между имеющимися средствами и целями, достижение которых может иметь перспективное продолжение. Задача еще более усложняется при наличии сильного, волевого врага. Именно в такой ситуации находилось Верховное Главнокомандование Красной Армии зимой 19421943 гг. Цели все больше расходились в пространстве, и фронты начали наступать по расходящимся направлениям, что резко увеличило разброс сил. Концентрация ударных группировок снижалась до опасного предела, когда в случае встречного сильного контрудара парировать его было бы нечем. Причем контрудар в этом случае оказывается сильным не потому, что противник получил обильные резервы, а потому что наступающие как бы растворяются в пространстве, теряя мощность и становясь слабее обороняющихся.

При рассмотрении операций зимы 1943 г. возникает недоумение относительно выделенных Ставкой сил и намеченных целей. Как мыслилось, например, силами нескольких дивизий группы М.М. Попова организовать внешний и внутренний фронт вокруг группировки Манштейна, если бы ее и впрямь удалось отсечь? Юго-Западному фронту ставилась задача наступать по расходящимся направлениям выйти к Днепру и к Азовскому морю. За счет каких сил Юго-Западный фронт мог одновременно громить группировку Манштейна у Ростова, обеспечивать фланги со стороны Харькова и держать фронт у Днепропетровска и Запорожья? Причем Ставка планировала вести наступление до Перекопа, дабы отрезать 17-ю армию на Кубани. Его соседу Воронежскому фронту предстояло одновременно наступать на запад и левым флангом обеспечивать провисающий фланг в районе Харькова.

Решить проблему с расходящимися веером ударами можно было только путем привлечения солидных резервов. Но, ставя верные цели, Ставка не обеспечила наступающие фронты необходимыми силами. Значительные массы войск на спокойных участках оставались не задействованы, хотя было ясно, что противник так ослаблен, что часть их можно было смело перебрасывать на помощь Воронежскому и Юго-Западному фронтам. Сталин предпочел быть сильным везде и в результате оказался слабым в решающем месте.

Иным путем пошло германское командование. Естественно, что прорывы Красной Армии на широких участках южного крыла обороны германских войск и их союзников остро поставили перед ним вопрос о скорейшей стабилизации положения. Прежде всего для этого нужны были дополнительные войска. Кое-что прибыло с

Запада, но куда больше помог отвод в январе 1-й танковой и 17-й армий с Северного Кавказа. Это позволило существенно сократить протяженность фронта, затянуть борьбу на Дону до февраля и предотвратить прорыв советских войск к Ростову, избежав, таким образом, более обширного "котла".

Теперь германскому командованию предстояло справиться с задачей стабилизации положения на центральных участках от Орла до Донбасса. Такую трудную проблему, как прикрытие бреши в несколько сот километров, удалось решить на удивление быстро. Но пришлось пожертвовать Демянским и Ржевско-Вяземским выступами, которые немцы успешно обороняли целый год. Отводом войск из этих районов удалось высвободить 12 дивизий с большим военным опытом. Они были переброшены в полосу наступления Воронежского фронта. Оставалось закрыть участок в Донбассе, однако других значительных резервов у германского командования уже не было. Кризис удалось разрешить единственно правильным путем, приняв предложение Манштейна оставить Ростовский выступ и отвести группу армий "Дон" за реку Миус, а высвободившиеся танковые дивизии использовать для нанесения сильного контрудара во фланг наступавшего Юго-Западного фронта.

Следует отдать должное этим непростым решениям: они оказались достаточно своевременными и действенными. Ведь на 400-километровом участке от района севернее Харькова до Азовского моря фронт держали всего 32 дивизии. Противник также в полной мере использовал появившееся у советского командования неверие в оборонительные, а тем более наступательные возможности немецких войск. В то время как Воронежский и Юго-Западный фронты остро нуждались в дополнительных силах для наращивания ударов, в лесах и болотах Северо-Западного фронта по приказу Сталина у Демянского выступа сосредоточивались 1-я танковая армия М.Е. Катукова и 68-я армия с задачей ликвидировать выступ, не имевший серьезного оперативного значения. "Формирование и сосредоточение армии осуществлялось в исключительно тяжелых условиях, - вспоминал участник событий, будущий маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян, - в том числе и метеорологических, лесисто-болотистой местности, бедной даже грунтовыми дорогами... Красноармейцы были измучены до предела, но героическими усилиями всего личного состава 1-я танковая армия постепенно сосредоточивалась в районах назначения" (с. 82){10}. Но то был напрасный труд. Противник начал отвод своих войск из Демянского выступа, а 1-я танковая армия, насчитывавшая 600 танков не смогла принять участие в

преследовании, так как "наступившая весенняя оттепель полностью парализовала передвижение нашей артиллерии и танков" (с. 82){10}. Как мыслилось использовать в боях на такой местности танковую армию, остается загадкой. Но в итоге, в разгар решающих событий на юге, из борьбы было полностью выключено крупное оперативное соединение, которое могло сыграть огромную роль в отражении наступления немцев у Харькова, ведь по числу танков армия Катукова превосходила все танковые дивизии, имеющиеся у Манштейна.

Эйфория сравнительно легких побед захватила и командование фронтов. Командующий Воронежским фронтом Ф.И. Голиков "ежедневно докладывал в Ставку, что противник крупными силами отходит на запад. Аналогичные вести поступали и с Юго-Западного фронта... Н.Ф. Ватутин также оценивал характер действий противника как бегство за Днепр" (кн. 1, с. 159-160){11}. Желаемое выдавалось за действительное. Накануне контрнаступления немцев Н.Ф. Ватутин бросил в бой свои последние резервы - два танковых корпуса, чтобы захватить Днепропетровск и Запорожье. По свидетельству С.М. Штеменко, "самоуговаривание" Ватутина в неизбежности отхода противника за Днепр зашло так далеко, что даже 21 февраля, уже после начала контрнаступления, в приказе командующему подвижной группой М.М. Попову указывалось: "Создавшаяся обстановка, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр, требует решительных действий" (кн. 1, с. 166){11}.

Могли ли эти фронты достойно встретить контрудар противника? Могли, при условии, что Ставка последовательно вела бы политику концентрации основных сил и средств на южном крыле советско-германского фронта. Крупными силами располагал Южный фронт, так и не сумевший выполнить поставленную перед ним задачу - в лобовой борьбе разгромить группу армий "Дон". Советская 1-я танковая армия "заплуталась" у Спас-Демянска.

Если противник с Ржевско-Вяземского плацдарма перебросил на юг значительное количество дивизий, то силы Красной Армии остались там практически нетронутыми. Германское командование более смело шло на переброску своих соединений с других участков советско-германского фронта на решающие для судеб кампании места. Ставка предпочитала воевать наличными силами и если и вводила свежие войска, то из стратегических резервов. Но, в отличие от немецких резервов, новые соединения, укомплектованные в значительной мере новобранцами, конечно, сильно уступали немцам в боевой выучке и опыте. Совершенно

неуместной в тех условиях была директива Ставки от 29 января 1943 г., в которой предписывалось: "С февраля месяца текущего года приступить к выводу в резерв фронтов стрелковых дивизий и стрелковых бригад для доукомплектования и отдыха с последующим вводом их в бой и вывода в резерв на их место других наиболее ослабленных соединений" (кн. 1, с. 159){11}. О каком отводе частей на отдых можно вести речь, если дивизии Воронежского и Юго-Западного фронтов были фактически вытянуты в одну линию?

В таких условиях шла подготовка немецких войск к контрнаступлению, последние детали которого были обсуждены на совещании в Запорожье 17-19 февраля с участием Гитлера, Йодля, Манштейна, Клейста и других военачальников.

Контрудар наносили дивизии 1 -и и 4-й танковых армий из Донбасса и танковый корпус СС из-под Харькова. На первом этапе предполагалось разгромить группу М.М. Попова и 6-ю армию, после чего начать наступление на Харьков. К началу удара 19 февраля у противника были в наличии почти все слагаемые успеха: превосходство в силах на участках наступления и фактор внезапности. Минусом являлась определенная незавершенность сосредоточения всех соединений, поэтому 48-й танковый корпус выступил 22 февраля. Но советские части были настолько измотаны и малочисленны, что вполне хватило того, что имелось. К тому же Ватутин воспринял начало контрудара у Красноармейска как попытку немцев прикрыть отход Донбасской группировки за Днепр и отказал Попову в его просьбе отвести свою группу на 40-50 км из-за охвата ее врагом. Приказ удерживать позиции был отдан и 6-й армии. В результате к 23 февраля ее взяли в клещи, а ряд соединений оказались в окружении. Лишь после этого командование Юго-Западного фронта осознало всю сложность положения - угрозу очередного, как в 1941 и 1942 гг., поражения этого многострадального фронта - и доложило 23, февраля в Ставку о реальном положении дел. 25 февраля Ставка санкционировала отход за Северский Донец, и к 3 марта вновь разбитый Юго-Западный фронт завершил отход на запланированные рубежи.

Поражение Юго-Западного фронта ставило под удар правый фланг соседнего Воронежского фронта. Каких-либо серьезных резервов у Воронежского фронта тоже не было. 4-я танковая армия вермахта последовательно громила выдвигаемые ей навстречу части. Например, 3-я танковая армия отступила к Харькову, имея лишь десяток исправных танков. 4 марта начались бои на подступах к городу. Командование фронтом делало все, что было в его силах, подтягивая к месту сражения части с других

участков. Они несколько задержали продвижение противника, но остановить его оказались не в состоянии. Элитные танковые соединения СС вроде танковых дивизий "Великая Германия", "Рейх", "Адольф Гитлер" пробивались все дальше на север. Был окружен Харьков. 15 марта оборонявшие его части пошли на прорыв, и 16 марта Харьков был оставлен. К этому времени Ставка уже выделила по-настоящему крупные резервы - сразу несколько армий, что принесло свой результат. Последним крупным успехом немецкого наступления стало взятие Белгорода 18 марта, после чего оно захлебнулось.

Показательно, что в качестве оперативного резерва в район Обояни начала прибывать из-под Демянска 1-я танковая армия, которой так и не суждено было принять участие в зимней кампании 1943 г., проведя это время на колесах. Крупные подкрепления в виде дивизий и корпусов получили и другие участки фронта. К 25 марта бои затихли до 5 июля 1943 г. Если коротко резюмировать главные причины неудачи советского наступления во второй половине февраля, то они заключались в отрыве целей от средств. Хотя войскам ставились далеко идущие цели, они не обеспечивались надлежащими ресурсами. Ставка не выполнила основного требования наступления - сосредоточивать главные силы на решающих участках битвы. Психологическая уверенность в том, что противник будет вести себя так, как этого хочет советское Верховное Главнокомандование, сыграла свою негативную роль в руководстве операциями, привела к недооцениванию врага. В результате зимой 1943 г. Ставка упустила уникальные возможности, когда можно было создать как минимум еще один "Сталинград", после чего выйти к Днепру и Крыму, как это и планировалось. Решающую пробу сил противоборствующим сторонам пришлось перенести на летнюю кампанию 1943 г.

Организационное чудо

В паузе между полубегством и полуотступлением Красной Армии в июле августе 1942 г. и ее же неожиданно успешным контрнаступлением в ноябре декабре 1942 г. произошло подлинное чудо. Если летом солдаты и офицеры воевали посредственно, а генералы командовали просто плохо, то зимой положение кардинально изменилось. Войска хорошо дрались, генералы успешно проводили неподъемные прежде операции на охват и окружение. И как показали дальнейшие события, то не было отдельным эпизодом, обусловленным, например, зимними условиями. Армия продолжала воевать хорошо и дальше, вплоть до конца войны.

Такое качественное преобразование войск за столь короткий

срок (2-3 месяца) - случай редкий в мировой истории, а потому заслуживающий самого пристального внимания военных историков и специалистов по управлению. Последующие успехи Красной Армии - результат быстрого переучивания и перехода армии на современные методы ведения войны. Чего это стоило и как происходило, во многом пока остается за рамками исторических исследований о Великой Отечественной войне. На поверхности остается лишь сам факт удивительного преображения действующей армии в конце 1942 г. Можно лишь отметить следующие факторы, способствовавшие этому:

1. Работа Тыла. Военная промышленность страны продолжала давать больше оружия, чем германская, и зачастую лучшего качества. Цена оружейного благополучия - нещадная эксплуатация рабочей силы и прежде всего стариков, женщин и подростков. За 10-12-часовой рабочий день они получали скудный продуктовый паек и иногда кое-какие хозяйственные принадлежности (мыло, теплую одежду вроде фуфайки и стеганых брюк).

Ни в одной из воюющих стран не использовался детский труд своих граждан. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. говорилось: "Лица, не достигшие 16 лет, могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более двух часов в день" (с. 9){12}. То есть рабочий день для несовершеннолетних мог составлять 10 часов. И этот указ вышел не в то время, когда враг стоял у Москвы или у Волги, а на четвертый день войны, в период действия директивы No 3, требовавшей незамедлительно взять Люблин.

Из Тыла выжимались все соки. В 70% колхозов выдавался 1 кг зерна на трудодень. В остальных еще меньше. Работали за несколько мешков зерновых. От дистрофии и смерти спасали только личный огород и живность.

Для восполнения гигантских, невиданных в истории страны (да и любой другой страны тоже) потерь на фронте использовалось все что можно. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12-июля и 24 ноября 1941 г. в Красную Армию было мобилизовано 175 тыс. заключенных (с. 42){12}.

Германская разведка не верила, что потери таких масштабов можно восполнить. Сталинская система управления смогла. Причем с помощью драконовских, безжалостных мер сумела обеспечить войска оружием, да еще в таком количестве, о каком и не мечталось капитанам германской индустрии. Во втором полугодии 1942 г. Германия произвела 4,8 тыс. минометов и 20 тыс. орудий. СССР соответственно 107,1 тыс. (!) и 73 тыс. Соотношение 1 к 20 и 1 к 3,5.

За этот же период Германия выпустила 3 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, СССР - 13 тыс. Германия произвела 5,7 тыс. самолетов, СССР - 13,4 тыс.

При таком раскладе технических средств у вермахта не оставалось шансов на победу, хотя немецкие солдаты продолжали исправно перемалывать весь этот стальной поток в металлолом за считанное число боев. Но чудеса не могли длиться бесконечно, хотя для подлинной победы Красной Армии требовалось повысить качественную подготовку войск.

2. Преображение армии. Удивителен прагматизм Сталина. Осознав, что на лозунгах социализма войну можно и проиграть, он шаг за шагом возвращается к армии традиционного типа.

9 октября 1942 г. издается указ об упразднении института военных комиссаров и установлении полного единоначалия в Красной Армии.

Идет подготовка к введению погон. Это новшество по психологической значимости равно замене звезды на орла в гербе государства. Ненависть к "золотопогонникам" являлась органичной у многих ветеранов Гражданской войны. Но Сталин с их чувствами не считался. Он решительно насаждал иерархию и элитарность, поняв ее выгодность для системы власти. Чуть позже, когда обозначился успех реформ, он сделает последний жест - заменит у Армии прилагательное "Красная" на "Советская", завершив отход от ортодоксального интернационализма к державности.

Но все эти факторы лежат на поверхности и не объясняют скорости преображения Армии. Ведь Тыл прекрасно работал и в 1941 г. А указами о введении погон войны не выигрываются. Точно так же жестокости гитлеровцев на оккупированных территориях нельзя отнести к явлениям, вдохнувшим в армию свежие силы, О них было известно с 1941 г. Значит, было еще что-то, более глубинное, не бросающееся в глаза, однако очень действенное для войск.

Сталинизм как система властвования продемонстрировал высокую степень эффективности организации военного производства, включая конструкторские работы, и низкую - в деле организации боеспособности Красной Армии. И это не случайно. В системе, где чрезвычайно высока роль личности-властителя, качество организации в той или иной сфере сильно зависит от способности диктатора к данному делу, ибо он вынужден постоянно вмешиваться во все важные вопросы, затрагивающие его власть. Сталин был выдающимся администратором и никудышным военным. Результат налицо. В 1941-1942 гг. Армия воевала в тесных рамках понимания тактики и стратегии вождем

и подобранных им кадров, и она терпела поражения. Зато военная промышленность показывала чудеса производительности. В конце 1942 г. Сталин наконец ослабил давление на профессиональных военных, заодно отстранив от оперативного командования большинство своих выдвиженцев. Пусть и не всегда, но командирам и военачальникам позволяли учитывать реалии боевой обстановки. И как следствие, сократилось число бездумных лобовых атак, зато резко увеличилась доля маневренных действий войск. И дела у Армии сразу пошли в гору. Даже не блиставшие полководческими талантами военачальники, подобно Голикову, проводили успешные операции на окружение и охват. А это верный признак роста качества командования во всех звеньях.

С "отводом в тыл" большинства сталинских выдвиженцев, таких как К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Г.И. Кулик, и ограничением вмешательства в боевые вопросы "феноменов" вроде Л.З. Мехлиса, в действиях войск появилась оперативная осмысленность.

Свою роль в сохранении и приумножении этого качества сыграли два объективных обстоятельства: зима и германские союзники. Зимой стратегическая инициатива объективно переходила к Красной армии, что позволяло ей теснить противника на довольно широких участках советско-германского фронта. Однако когда резервы Красной Армии бросали в бой против немецких частей, те их быстро перемалывали. Зимой 19421943 гг. стратегия изменилась. Главные удары наносились сначала против союзных Германии армий - двух румынских, одной итальянской и одной венгерской, которые качественно уступали советским войскам, - и только затем, с развитием успеха, по немецким. Причем в ряде случаев атаковали германские войска во фланг и тыл, где не имелось подготовленных рубежей обороны, что помогало преодолевать сопротивление немецких частей. (Особенно удачно это получилось со 2-й немецкой армией.) Советские дивизии получили возможность приобретать боевой опыт в течение значительно большего времени, чем раньше, и прежде чем понести потери, делавшие их малобоеспособными, успевали нанести серьезный ущерб и немецким войскам. К советским войскам приходила уверенность, что германская армия им теперь по плечу.

Кроме того, война шла на измор, на истощение, что тоже было на руку советскому командованию, имевшему куда большие людские резервы, чем вермахт, хотя соотношение потерь было просто страшным. По данным начальника Генерального штаба

сухопутных войск Ф. Гальдера, потери вермахта на Восточном фронте за период с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1942 г. убитыми и пропавшими без вести составили всего 390 тыс. человек (запись в дневнике от 4 сентября 1942 г.), тогда как счет безвозвратных потерь в Красной Армии шел на миллионы (примерно 6-7 млн.). Даже с учетом коррекции в ту или иную сторону (спор о размерах потерь продолжается) Красная Армия несла непропорционально большие потери.

И последнее. События осени - зимы 19421943 гг. показали, что толковое управление серьезно сказалось на моральном состоянии простых солдат. Оборона Сталинграда стала символом этих перемен, хотя войска всегда хорошо показывали себя в позиционной борьбе "на пятачке". Но фактов паники в войсках практически уже не встречается. Наконец Красная Армия продемонстрировала себя как целостный боевой организм. Впервые войска захватили большое количество пленных - свыше 200 тыс., тогда как с июня 1941 г. по июль 1942 г. всего 17 тыс.! Правда, больше половины пленных пришлось на союзников Германии, но, опять же впервые, количество пленных солдат противника превысило число плененных красноармейцев.

Зимой 1942-1943 гг. советское командование лучше распорядилось своими козырями и доказало, что может учиться методам современной войны. Если ему в этом не мешали в Кремле.

Но одно настораживало. С окончанием зимы Красная Армия вновь потерпела поражение. Получалось, что фактор холода, фактор "генерала Зимы" пока что играл значительную роль в победах советского оружия. Летом 1943 г. предстояла генеральная проверка устойчивости советских войск. А значит, предстояло продолжить успешную линию на качественное преобразование войск, чтобы доказать себе и противнику необратимость происходивших перемен.

Глава 7. Принципиальные сражения 1943 года

Сражение на Курской дуге: за и против

Свое традиционное летнее наступление германское верховное командование запланировало в духе прошлогоднего, а роль Барвенковского выступа должен был сыграть выступ Курский. Намечалось встречными ударами дивизий групп армий "Центр" из района Орла и "Юг" из района Белгорода окружить советские войска, (операция "Цитадель") и после их разгрома, как и в. 1942 г., осуществить фланговый удар по Юго-Западному фронту (операция "Пантера"). Не исключалась возможность поворота наступления к Москве.

Главным методологическим просчетом плана "Цитадель"

была его вторичность, поэтому замысел легко разгадывался, а значит, возникали предпосылки для принятия надлежащих мер по парированию удара. Советское командование стянуло к Курской дуге главные бронетанковые силы Красной Армии, сформировало там мощную артиллерийскую и авиационную группировку, что исключало легкое создание нового "котла". Но у германского командования, в сущности, не было выбора в направлении главного удара. Все участки обширного советско-германского фронта были для вермахта бесперспективными. Успешными могли быть лишь частные операции, и только у Курска просматривалась возможность стратегического прорыва. Возможно, наилучшим решением для вермахта могла стать стратегия контрудара, т.е. дождавшись советского наступления, отразить его, а потом, выбрав удобный момент, попытаться разгромить наступающих, как это происходило весной 1942 г. Гитлер же оказался неспособным на такую расчетливость, он нуждался в звонкой победе на фоне растущих трудностей Германии и ее союзников. Поэтому 5 июля 1943 г., германская армия пошла в бой с "открытым забралом", и ее планы были основаны больше на иллюзиях, чем на точном расчете. А расчет был во многом на новую военную технику: танки "тигр" и "пантера", самоходные артиллерийские установки (САУ) "Фердинанд" с невиданно толстой броней (до 100 мм у танков и 200 у самоходок), самолет "Фокке-Вульф" с 4 пушками, предназначенный для завоевания господства в воздухе. Степень эффективности этого нового оружия была еще не совсем ясна, но считалось, что оно будет сокрушающим, и это являлось дополнительным поводом бросить немецкую армию в наступление. Германское командование готовилось к нему со всей тщательностью, столь присущей немецкому национальному характеру. Но советское командование на этот раз готовилось еще тщательнее.

Планирование летних операций началось ранней весной с участием представителей Ставки, Генштаба и командования основных фронтов. Произошел обмен мнениями относительно того, где и как решать предстоящие задачи противоборства летом 1943 г. "Вопрос "где" не являлся тогда слишком трудным, писал видный работник Генштаба С.М. Штеменко. - Ответ на него мог быть только один - на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника... С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые соединения. Второй вопрос - как решать главные задачи войны -

был более сложным" (с. 210){1}.

Г.К. Жуков 8 апреля в докладе И.В. Сталину высказался за оборону с целью измотать противника, выбить его танки, а затем перейти в общее наступление. Его поддержал А.М. Василевский. Командование Центрального фронта (К.К. Рокоссовский) предложило силами Западного, Брянского и Центрального фронтов "срезать" Орловский, выступ противника и тем самым лишить его возможности нанести удар из района Орла. Такой превентивный удар, в случае успеха, в значительной степени обесценивал бы готовящееся немецкое наступление. Пожалуй, единственным минусом этого замысла было то, что после ликвидации Орловского выступа Ставка уже не могла бы столь уверенно судить о планах противника. Именно так произошло с Ельнинским выступом в 1941 г. Жуков настоял на том, чтобы "срезать" его как плацдарм для будущего наступления немцев на Москву. В итоге командование Западного фронта потеряло верный ориентир в выборе места концентрации сил для отражения готовящегося удара. Курская дуга служила своеобразным магнитом, притягивающим главные силы врага. А значит, можно было сыграть здесь крупную игру на "выбивание". И 12 апреля на совещании в Ставке было принято решение провести оборонительное сражение в районе Курска с последующим переходом в контрнаступление.

Решение оказалось абсолютно правильным, как и последовавшие за ним мероприятия.

Общий замысел состоял из двух отдельных, но взаимосвязанных крупных наступательных операций. По плану "Румянцев" предполагалось разгромить Белгородско-Харьковскую группировку немцев. По плану "Кутузов" - Орловскую группировку, с дальнейшим прорывом в Белоруссию.

Для развития контрнаступления началось формирование мощного резерва Верховного Главнокомандования, включающего общевойсковые армии и танковые корпуса. Это объединение сил получило наименование Степного фронта. В июле 1943 г. он насчитывал четыре общевойсковые, одну танковую, одну воздушную армии, два танковых, один механизированный и три кавалерийских корпуса, в то время как на всем Восточном фронте германское командование имело в резерве лишь около восьми дивизий. Германия теперь уже безнадежно проигрывала соревнование по людским обученным резервам. Всего же советская группировка в районе Курской дуги насчитывала 1,3 млн. человек, 19 тыс. орудий и минометов, 3400 танков и самоходных артиллерийских установок, 2,1 тыс. самолетов.

В период подготовки к Курской битве советское

командование окончательно превзошло германское по тщательности и эффективности планирования. Намеченное немецким руководством наступление было столь прямолинейным, что утрачивало черты маневра. Предостеречь от невразумительного удара пытался командующий 9-й армией Модель. Ему предстояло двигаться с севера. На совещании в ставке Гитлера он продемонстрировал аэрофотосъемки участков прорыва, из которых, по его мнению, было ясно, что советская сторона создала глубоко эшелонированную оборону. Гудериан также высказался против наступления. Но все альтернативные варианты были отвергнуты. Более широкий охват, в обход советских оборонительных линий, генштаб отверг, посчитав, что для этого у вермахта нет материальных ресурсов. Но законный вопрос: как же руководство рейха мыслит выиграть войну, если средств не хватает даже на одно масштабное наступление, ни у кого не возник. Предложение Моделя перейти к обороне, выждать советское наступление и тогда нанести ответный удар было отклонено как не соответствующее политическому моменту.

Противники понемногу менялись местами. Если советское командование все больше приобретало вкус к маневренным операциям, то германское гнало свои войска на лобовой удар против изготовившихся советских армий.

Главное сражение 1943 г. началось ранним утром 5 июля. С немецкой стороны и нем приняло участие 900 тыс. человек, 2 тыс. самолетов, 2,7 тыс. танков и САУ. Из этого числа на группу армий "Юг" приходился 1081 танк (половина морально устаревшие T-III и T-IV) и 376 САУ. Учитывая, с какой легкостью в недавние времена прорывался советский фронт куда меньшими силами, можно представить, чего стоило нашим войскам устоять. По мере развертывания боев советское командование ввело в бой не меньшие силы. Только в знаменитом сражении у Прохоровки 12 июля с обеих сторон приняло участие 1000 боевых машин. Здесь сошлись 2-й танковый корпус СС (примерно 300 танков и САУ) и части 5-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского танкового корпуса (около 700 танков). Здесь впервые советские танковые войска выстояли, заставив противника отступить. Правда, они вдвое превосходили немецкие силы и потеряли 500 машин, но в недавние времена и больший перевес не спасал от разгрома. 12 июля считается днем экзамена на зрелость, которые советские бронетанковые войска наконец-то выдержали. На Прохоровском поле в честь этого события сооружен мемориальный памятник. Правда, советские историки сделали все, чтобы затушевать одно прискорбное обстоятельство, - победа далась числом, а не умением. Рядовые участники битвы

описывали его как день Армагеддона.

По размаху привлеченных сил и средств на столь небольшом пространстве Курская битва не имела себе равных среди сражений Второй мировой войны. Но и последствия для вермахта оказались глобальными. В считанные дни немецкие войска потеряли большую часть своих танков, сумев продвинуться всего на 9-12 км со стороны Орла и 15-35 км со стороны Белгорода. Потери были столь значительны, что после осознания провала наступления немецкое командование не рискнуло оставлять войска на новых, неукрепленных позициях и 16 июля приказало белгородской группировке отойти на прежние рубежи. На полях остался цвет немецких бронетанковых сил, и после войны будет немало написано о "лебединой песне" танковых дивизий вермахта. Больше им не суждено было реализовать ни одного стратегического прорыва - ни на Востоке, ни на Западе. Теперь уделом немецких войск было отступать, лишь изредка контратакуя.

Настал черед советских войск. 12 июля в наступление перешли 11-я гвардейская армия Западного фронта и войска Брянского фронта. Главный удар наносила 11-я гвардейская армия генерала И.Х. Баграмяна, перед которой ставилась задача выйти в тыл всей Орловской группировки противника в составе 9-й и 2-й танковых армий. Чтобы реализовать эти цели, ей придавались не виданные до тех пор огневые средства прорыва: 3 тыс. орудий и минометов, более 400 "катюш". В контрнаступлении под Сталинградом количество артиллерии в армии не превышало 1,8 тыс. орудий и минометов. Беспрецедентным было и количество реактивной артиллерии для одной армии. Однако прорыва фронта противника достичь не удалось, хотя к 19 июля глубина вклинения составила 70 км.

Совместно с 11-й гвардейской армией перешли в наступление почти все остальные армии, окаймляющие Орловский выступ (61-я, 63-я, 3-я, 13-я, 2-я танковая армии), кроме находящихся у самого основания выступа 70-й и 50-й армий. Таким образом, наступающие силы равномерно распределялись по внешнему обводу Орловского выступа. Встречного удара 11 -и гвардейской армии с целью подрубить выступ не последовало, хотя ширина его у основания не превышала 170 км, т.е. по 85 км на каждую из наступающих сторон. Тем самым исчезала вся острота вертикального удара армии Баграмяна.

Ставка уклонилась от такого варианта, взяв на вооружение так называемую стратегию "рассекающих ударов", примененную в период наступления под Москвой. Смысл ее состоял в том, чтобы прорвать оборону противника в нескольких местах и, нарушив

управление войсками, гнать его перед собой, пользуясь всеми плодами преследования - захватом вышедшей из стоя техники, отставших обозов и пр. "Предполагалось, - отмечалось в "Истории Второй мировой войны", - что одновременный прорыв вражеской обороны на четырех направлениях приведет к распылению сил противника и создаст благоприятные условия для разгрома их по частям" (т. 7, с. 157){12}. Не учитывалось в этих планах одно: способность противника к упорной обороне. 17 июля, продвинувшись всего на 22 км, встало наступление Брянского фронта. "Силы раздваивались и постепенно иссякали, вспоминал С.М. Штеменко. - Создалась угроза нарушения плана разгрома противника- под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь. Доложили Сталину. Он согласился передать туда 3-ю гвардейскую танковую армию, которая должна нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В.Я. Колпакчи" (с. 232){1}.

Но 63-я и 3-я армии находились в самом центре Орловского выступа, таким образом, с вводом 3-й гвардейской танковой армии П.С. Рыбалко речь шла о продолжении и углублении чисто фронтального наступления на Орел. В это время, в трехдневных боях с 15 по 17 июля, войска Центрального фронта оттеснили немецкие войска на прежние позиции, которые они занимали 4 июля. "В напряженных сражениях им пришлось отвоевывать недавно захваченную врагом территорию", - отмечалось в "Истории Второй мировой войны" (т. 7, с. 161){12}. Смысл этой малопонятной операции состоял в том, чтобы продолжить наступление дальше, через боевые порядки танковой группировки на Орел. Число возможных потерь в таком лобовом наступлении, по-видимому, в Ставке всерьез не рассматривалось.

Ввод 3-й танковой армии способствовал продвижению общевойсковых армий и к выходу их на реку Оку, но на взятие Орла сил все равно не хватало. Пришлось ввести в сражение новые резервы Ставки - 4-ю танковую, 11-ю армию и 2-й гвардейский кавалерийский корпус в полосе Западного фронта и 3-ю гвардейскую танковую армию на Брянском фронте. Причем незапланированный ввод этих резервов был связан с большими трудностями. 11-я армия, не завершив своего комплектования, должна была двигаться к линии фронта походным порядком. Размокшие после проливных дождей дороги задержали выдвижение танковых армий. (Все-таки погода влияла на оперативную обстановку.) В результате 11-я армия, которую бросили в бой после 160-километрового марша на стыке 50-й и 11-й гвардейской армии, т.е. у основания выступа, успеха не

добилась. Правильное решение запоздало. Точно так же, как и передача 11-й гвардейской армии 4-й танковой-армии генерала В.М. Баданова с задачей прорваться к Волхову. Но удар введенных танковых дивизий был нацелен не в тыл Орловской группировки, а вдоль фронта, на Волхов. Нарушался принцип оперативного искусства, сформулированный еще Шлифеном: нацеливать войска не на ближайший фланг противника, а на его оперативный тыл. В сущности, 4-я танковая армия использовалась для частных целей - обеспечения левого фланга 11-й гвардейской армии, который особо беспокоил И.Х. Баграмяна, участника барвенковской драмы 1942 г. Своим переживаниям по этому поводу он посвятил несколько страниц мемуаров (с. 186-190){2}. Вопрос о целесообразности такого удара и о перенесении его в обход Волхова путем наступления хотя бы на Орел, на соединение с 3-й танковой армией, так и не встал. Утилитарное использование танковых армий как средства проталкивания вперед общевойсковых соединений стало характерной чертой всей Орловской наступательной операции, снижая эффективность удара этих армий как оперативных объединений. Фронтальная стратегия продолжала торжествовать во всех наших штабах. К счастью, Гитлер решил очистить Орловский выступ, дабы, сократив линию фронта, высвободить несколько дивизий и отправить их в Италию, которая решила покинуть своего союзника. О своем решении Гитлер объявил 26 июля. Отвод приказано было осуществить на рубеж восточнее Брянска, так называемую линию "Хагена", в период с 31 июля по 17 августа.

Когда желания германского и советского верховного командования так парадоксально совпали, дела пошли на лад.

5 августа фронтальным ударом был взят Орел. Немцы же точно в срок, 18 августа, завершили маневр и отошли на новый рубеж обороны - линию "Хаген". За 37 дней напряженных боев с участием нескольких танковых армий советские войска продвинулись менее чем на 150 км, в среднем по 4 км в сутки. Несмотря на ввод колоссальных резервов Ставкой, противнику удалось уйти из "полумешка" и занять заранее подготовленные оборонительные позиции.

Могли ли советские войска разбить Орловскую группировку? В пользу утвердительного ответа свидетельствуют прежде всего цифры. Немецкие войска насчитывали более 500 тыс. человек, 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и САУ. Западный, Брянский и Центральный фронты объединяли 1,2 млн. человек, 21 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ. Такой перевес вполне позволял провести операцию на окружение.

Но дело не только в том, что Орловскую группировку не

уничтожили, а вытолкали. Фронтальный способ ведения операций сказался на размерах потерь. С 12 июля по 18 августа потери советских войск составили 430 тыс. убитыми и ранеными против 89 тыс. у противника, 2586 танков и САУ, т.е. весь привлеченный к операции танкопарк, а также 1014 самолетов. 3-я гвардейская танковая армия потеряла более 85% матчасти, и ее пришлось формировать заново (с. 49){3}. А в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, проводившейся не столь шаблонно, потери составили 1864 танка и САУ и 153 самолета (с. 370, табл.){4}.

В своих мемуарах Г. К. Жуков дал следующие оценки некоторых решений по Орловской наступательной операции. "Позже, анализируя причины медленного развития событий, - писал он, - мы пришли к выводу, что основная ошибка крылась в том, что Ставка несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла Западного фронта, которую в ходе сражения нужно было серьезно подкрепить. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону лобовым ударом.

Думаю, было бы лучше, если бы армия П.С. Рыбалко вводилась в сражение не на Брянском фронте, а вместе с армией И.Х. Баграмяна. С вводом в сражение 11-й армии генерала И.И. Федюнинского, а также 4-й танковой армии генерала В.М. Баданова Ставка несколько запоздала.

Центральный фронт свое контрнаступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее в обход Кром (т.е. навстречу 11-й гвардейской армии. - Б.Ш.). К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение и решение.

Когда мы с А.И. Антоновым и А.М. Василевским докладывали. Верховному о возможности окружить в районе Орла группировку противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло Западного фронта, И.В. Сталин сказал:

- Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее...

Мы не настояли на своем предложении, а зря! Надо было тверже отстаивать свою точку зрения. Тогда наши войска уже могли проводить операции на окружение и уничтожение" (с. 503-504){5}.

Сходное мнение высказал К.К. Рокоссовский. В своей книге он указывает, что замысел на раздробление Орловской группировки на деле вел к рассредоточению наших сил. "Мне кажется, - писал он, - что было бы проще и вернее нанести два основных мощных удара с севера и юга на Брянск под основание Орловского выступа. Но для этого надо было дать время, чтобы войска Западного и Центрального фронтов произвели соответствующую перегруппировку. В действительности же снова была проявлена излишняя поспешность... Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из Орловского выступа" (с. 224){6}.

Как видно из приведенных отрывков, и Жуков, и Рокоссовский отмечали поспешность как один из факторов лобовой стратегии. Но думается, что она определялась не поспешностью, а качеством мышления Верховного Главнокомандующего, о чем упоминал и сам Жуков и что, естественно, сказывалось на стиле планируемых операций. Но к этому вопросу мы вернемся чуть позже.

Добавим также, что германское командование, не видя фланговой угрозы и как бы в насмешку над советской стратегией "рассекающих ударов", сочло возможным снять в середине августа с Орловского участка 13 дивизий и перебросить их на Смоленское направление.

Несколько иначе развивались события на южном фасе Курской дуги. Началась операция как чисто фронтальная. 17 июля был обнаружен отход противника, и перед Воронежским фронтом поставили задачу незамедлительно перейти в наступление, чтобы вслед за врагом ворваться на ранее занимаемые им рубежи у Белгорода. После этого силами Воронежского и Степного фронтов предстояло перейти в решительное наступление со стратегическими целями. Однако противник все еще сохранял высокую боеспособность, несмотря на понесенные потери. "За 18 июля армиям П.А. Ротмистрова и А.С. Жадова (5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская армии. - Б.Ш.) удалось оттеснить его всего лишь на 45 километров, а 6-я гвардейская армия И.М. Чистякова заняла высоту в районе Верхопенье, скрупулезно отмечал Г.К. Жуков. - В 6-й армии И.М. Чистякова чувствовалось большое переутомление. Начиная с 4 июля они не имели ни сна, ни отдыха. Нужны были дополнительные силы, чтобы помешать планомерному отходу главных сил врага. Для этого пришлось ввести в дело танковые корпуса Б.С. Бахарова и И.Ф. Кириченко и часть войск 53-й армии И.М. Манагарова" (с. 489){5}.

Схожесть с Орловской наступательной операцией

заключалась в том, что и здесь фронтальные удары сочетались с вводом оперативных резервов для достижения ограниченных целей. Причем новые резервы все равно не помешали противнику произвести планомерный и организованный отход к 23 июля. Вследствие этого Воронежский фронт не был готов к немедленному прорыву обороны немцев и был остановлен для отдыха и пополнения. Наступление возобновилось 3 августа. В полосе Воронежского фронта оно мыслилось как фронтальное, с прорывом через центр вражеских оборонительных укреплений у Белгорода. Но фронтальный характер операции менялся после планируемого прорыва, так как с востока удар Воронежского фронта поддерживался 57-й армией Юго-Западного фронта. Совместными усилиями оба фронта должны были взять Харьковский оборонительный район в клещи. Так что здесь крылась возможность хотя бы частичного окружения и уничтожения Белгородско-Харьковской группировки противника. В этом случае оптимальным вариантом было бы смещение главного удара Воронежского фронта правее, в полосу 40-й армии, чтобы наступать на Богодухов в обход Белгородского укрепрайона, но в этом случае фронтальное преследование противника с 17 по 23 июля теряло всякий смысл. Такой план, логично вытекающий из обстановки, и был предложен командованием Воронежского фронта. Но в Генштабе его отклонили. Доводы в пользу этого решения приведены в книге С.М. Штеменко: "Опыт показал (к сожалению, Штеменко не указал, какой опыт он имел в виду. - Б.Ш.), что, по соображениям времени, сложности маневра и другим условиям, далеко не каждую группировку противника выгодно окружать (жалко, что об этом не знали немецкие генералы в 1941 г. - Б.Ш.). За окружение немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Белгорода и Харькова, первым, пожалуй, высказался командующий Воронежским фронтом (Ватутин сам был в недавнем прошлом видным работников Генштаба. - Б.Ш.). Сторонники такой же точки зрения нашлись, конечно, и в Генеральном штабе. Но в целом Генштаб придерживался иного взгляда" (с. 237){1}. В качестве аргумента приводился факт наличия больших сил противника, которые могли оказаться в окружении (о чем германское командование мечтало в 1941-1943 гг. применительно к нашим войскам), утверждалось, что это задержит войска по времени и тем самым облегчит врагу создание новой сильной обороны по Днепру.

Таким образом, в подходе к планированию как Орловской, так и Белгородско-Харьковской наступательных операций особенно четко выявилось наличие и расхождение двух

концепций - фронтально-рассекающих ударов и стратегии "канн". Одна ставила целью прежде всего захват территории, другая уничтожение живой силы противника в качестве предпосылки к освобождению территорий. Первая доктрина обрекала войска на постоянные тяжелые потери. В то время как малые потери немецких войск в 1939- 1942 гг., придерживавшихся стратегии "клещей" и "канн", во многом определялись тем, что они уклонялись от фронтальных столкновений с крупными силами противника, предпочитая им широкомасштабные фланговые операции, навязывая противнику свою волю и темп боев, так как атака во фланг и тыл есть путь к реализации принципа наименьшего сопротивления, потому что фланг в оперативном смысле есть участок, защищаемый наименьшими силами по отношению к наиболее сильному и потому центральному в обороне участку. Задача военных планирующих органов - отыскать место "разлома" у противника, Обычно таким слабым участком является фланг боевой группировки.

Рассмотрим подробнее подход руководства советского Генштаба к наступлению. Конфигурация общей линии фронта не давала возможности полностью отмахнуться от фланговых ударов. Да и сил хватало. В людях советская сторона превосходила немецкую в 3 раза, в танках и артиллерии - в 4 раза. Конечно, точные данные о соотношении сил тогда не могли быть известны, но о своем значительном перевесе советское Верховное Главнокомандование знало. И о таком превосходстве в период Сталинграда и не мечтало. "Думали и о том, - продолжал Штеменко, - чтобы уничтожить Белгородско-Харьковскую группировку последовательно, начиная с отсечения основных ее сил к северу от Харькова. На первый взгляд это представлялось возможным, если наступать по сходящимся направлениям, примерно из района Сум на юго-восток и из Волчанска - на запад. Но, чтобы выполнить такую задачу, надо было иметь в Сумах и Волчанске уже готовые для удара войска, а этим мы не располагали. Для осуществления ударов из Сум и Волчанска требовались большие группировки сил и, конечно, длительное время" (с. 238){1}.

При всем уважении к С.М. Штеменко как опытному штабисту нельзя не выразить удивление по поводу приведенного отрывка. Для начала следует уточнить: "из Сум" и даже "из района Сум" наступать и вправду было нельзя, потому что эта область находилась в руках врага. Точнее было бы говорить тогда о районе "восточное Сум", а вернее, о полосе 40-й армии, соседа группировки наших войск, сорвавших операцию "Цитадель". Теперь о времени.

Его у Генштаба и командования Воронежского фронта хватало. Расстояние от центра Белгородской группировки советских войск до центрального участка 40-й армии равнялось 60 км. Отход немецких войск после провала "Цитадели" начался 17 июля, наступление Воронежского фронта - 3 августа, т.е. прошло 17 суток. За полмесяца перебросить необходимое количество дивизий, безусловно, можно. При желании. И самое интересное, что вскоре после начала наступательных боев туда все же были переброшены 27-я армия, три танковых корпуса, а затем и 47-я армия. Эти силы благополучно прорвали оборону противника и сыграли важную роль в обеспечении правого фланга основной наступающей группы советских войск на Белгородском направлении.

В ходе операций "Кутузов" и "Румянцев" (это примерно месяц боев) советские войска понесли колоссальные потери: 685 тыс. человек! Безвозвратные потери составили 185 тыс. человек (убито, пропало без вести и т.д.). Ранено 500 тыс. Было подбито 6 тыс. танков, 5,2 тыс. орудий и минометов, 1626 самолетов. Сказать "много" - это ничего не сказать. В 1941 г. немцы с 3,5 тыс. танков захватили чуть ли не половину европейской части СССР,

В чем крылась истинная причина нежелания Генштаба, а вернее, Верховного Главнокомандующего, рупором которого выступал в данном случае Штеменко и ему подобные, идти на операцию по окружению? Прежде всего Сталин явно не хотел идти на риск, потому что, в отличие от Сталинграда, на Курской дуге была возможность обойтись простыми решениями. Ему нужна была гарантированная победа, без тени возможной неудачи. Тем более что о цене таких побед все равно никто не спросит.

А слагаемые успеха советского наступления были чрезвычайно благоприятны. В конце июля несколько немецких танковых дивизий убыло в Донбасс, где ожидался удар Красной Армии. Ушли отборные дивизии СС "Викинг", "Рейх" и "Мертвая голова". После этого Белгородско-Харьковская группировка стала насчитывать 300 тыс. человек, 3,5 тыс. орудий и минометов и до 600 танков против 980 тыс. человек, свыше 12 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ Степного и Воронежского фронтов. Однако благоприятные возможности не были использованы и на южном фасе Курской дуги. Противника оттеснили на запад, и с освобождением 23 августа Харькова Курская битва закончилась. В ходе ее выявилось огромное превосходство советской стороны в количестве оружия и резервов, и хотя этот потенциал использовался без блеска, тратился в основном на лобовые атаки, динамическая сила была

столь велика, что немцам приходилось пятиться назад. А при столь огромной протяженности фронта и скудных пополнениях вероятность дальнейшего отступления была лишь вопросом времени. В этих условиях началась следующая фаза стратегического наступления Красной Армии - выход к Днепру и его форсирование.

И еще одно замечание. Историческая наука едина в том, что после провала германского наступления на Курской дуге и в ходе успешного контрнаступления Красной Армии под Орлом и Белгородом окончательно определился перелом в ходе войны. И это верный вывод, но с одной оговоркой. Потери советских войск оказались столь велики, что при дальнейших победах такого же рода до Берлина могли добраться лишь штабы да израненные солдаты, не умершие в госпиталях. Окончательная победа определилась в ходе рывка к Днепру и в боях за его форсирование. Потери советских войск оказались в рамках приемлемых, а значит, они могли наступать и дальше.

Битва за Днепр в войсках и штабах

Освобождению районов у Днепра весьма благоприятствовало отсутствие у вермахта стратегических резервов. Германское командование латало дыры по принципу "тришкина кафтана". Дивизии из-под Вязьмы перебрасывались под Орел, оттуда снова под Смоленск, из Белгорода в Донбасс, затем обратно. Более того, наступление англо-американских войск в Средиземноморье вынудило Гитлера отдать приказ на переброску из России на Запад 4-го воздушного флота под командованием знаменитого В. Рихтгофена, танкового корпуса СС и ряда других соединений. Качественные мобилизационные возможности Германии достигли своего предела. В июле - августе 1943 г. потери Германии на Восточном фронте превысили 500 тыс. человек, пополнения же составили всего 240 тыс., в то время как Красная Армия получила 450 тыс. человек. В таких условиях вермахт, как и зимой 19421943 гг., физически не мог удерживать фронт от Ленинграда до Кубани. И уничтожение живой силы противника являлось наиболее целесообразной стратегией, облегчавшей освобождение оккупированных территорий.

После окончания боев под Орлом и Харьковом в резерв Ставки были выведены управления и части четырех общевойсковых и пяти танковых армий, 13 танковых корпусов и 27 стрелковых дивизий, понесших большие потери. Громадные потери вновь заставили вернуться к проблеме соотношения фронтальных и фланговых ударов в новом наступлении. Общий перевес советской стороны позволял смело идти на проведение именно фланговых и отсечных ударов. И в очередной раз

возникло "но"... Предоставим слово Г. К. Жукову.

В августе 1943 г. в войсках Воронежского и Степного фронтов побывал новый начальник Генерального штаба А.И. Антонов. Он встретился с командованием фронтов и представителем Ставки Г.К. Жуковым. "Из доклада А.И. Антонова я понял, что Верховный настоятельно требует немедленно развивать наступление, чтобы не дать противнику организовать оборону на подступах к Днепру. Я разделял эту установку, но не был согласен с формой наших наступательных операций, при которых фронты от Великих Лук до Черного моря развертывали фронтально-лобовые удары. Была ведь возможность (после некоторых перегруппировок) провести операции на отсечение и окружение значительных группировок противника, чем облегчалось бы дальнейшее ведение войны. В частности, я имел в виду южную группировку противника в Донбассе, которую можно было бы отсечь мощным ударом из района Харьков - Изюм в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье.

А.И. Антонов сказал, что лично он разделяет это мнение, но Верховный требует скорее отбросить противника фронтальными ударами. Перед отлетом А.И. Антонова в Москву я просил его еще раз доложить мои соображения Верховному... Через несколько дней мне позвонил И.В. Сталин... он заметил, что не разделяет точку зрения об ударе войск Юго-Западного фронта из района Изюма на Запорожье, поскольку на это потребуется значительное время. Я не стал спорить, так как знал, что Верховный пока вообще по ряду обстоятельств не очень уверен в целесообразности более решительного применения операции на окружение противника" (с. 508){5}.

Одним из источников такой нерешительности, в частности, являлась длительная борьба войск Паулюса в Сталинградском кольце. Жуков рассказывал К. Симонову: "Со времени Сталинграда Сталин придерживался своего собственного подхода к проблемам окружения и уничтожения немецких войск. Ход Сталинградской операции запал ему в память, и он неоднократно возвращался к ее опыту". Сталин требовал создавать угрозу окружения, что заставляло бы немцев отвести войска, указывая на то, что "мы обещали там (в Сталинграде) окружить и уничтожить немцев за десять дней, а провозились с ними два с лишним месяца" (с. 375){7}. Почему Сталин решил, что если бы войска Паулюса были оттеснены от Сталинграда лобовыми ударами, то сроки их разгрома значительно бы уменьшились, останется навсегда загадкой.

Фронтальные удары в войне неизбежны. Они диктуются конфигурацией линии фронта, наличными силами, местностью и

т.д. В этом смысле, например, наступление Воронежского фронта на Киев могло быть только фронтальным. Но Западному фронту не было нужды наступать на Смоленск обязательно в лоб, точно так же как Юго-Западный фронт вполне мог, как предлагал Жуков, наступая на Днепропетровск, в последующем сместить направление главного удара на Запорожье и далее к Азовскому морю (т.е. то, что делал Клейст осенью 1941 г., в зеркальном отражении). Тогда бы Южному фронту не пришлось прорывать хорошо подготовленные оборонительные позиции на реке Миус. Уничтожение Донбасской группировки облегчило бы борьбу за Днепр. Нашим солдатам чрезвычайно дорого обходились эти лобовые удары по изготовившемуся на инженерно обеспеченных позициях противнику. Немцы, конечно, тоже несли потери, но костяк обычно сохранялся, включая опытные командирские кадры. Благодаря этому вражеские соединения после получения маршевых пополнений восстанавливались, как птица Феникс, и потрепанные части вновь превращались в боеспособные дивизии. Нет ничего ценнее на войне, чем обстрелянный солдат и прошедший боевую школу волевой командир. В этом, думается, главный секрет удивительной живучести вермахта который, несмотря на все поражения, оказывал упорное сопротивление до самого финала. Лишь методичное уничтожение отборных группировок противника, как это произошло в Сталинграде, могло быстро снизить качественное состояние его войск и сломить волю германской армии к победе.

К началу сентября 1943 г. между противоборствующими сторонами сложилось следующее соотношение сил. Калининский и Западный фронты имели в своем составе 1250 тыс. человек, 20 640 орудий и минометов, 1436 танков и САУ, 1100 самолетов. Противостоящая им группа армий "Центр" насчитывала около 850 тыс. человек, 8800 орудий и минометов, до 500 танков и САУ, менее 700 самолетов.

6-я армия и 1-я танковая армия группы армий "Юг" могли выставить 540 тыс. человек, 5400 орудий и минометов, 900 танков и 1100 самолетов против 1053 тыс. человек, 21 тыс. орудий и минометов, 1257 танков и 1400 самолетов Юго-Западного и Южного фронтов. Так что воевать было чем, и воевать с расчетом на полное уничтожение противника, а не на его выталкивание. О тяжести фронтальных боев может свидетельствовать такой факт: когда Юго-Западный и Южный фронты вышли в конце сентября к Днепру, то оба они заняли полосу обороны шириной 240 км вместо прежних 400 км перед началом наступления в Донбассе.

По одной схеме проводилось наступление и в полосе обороны

группы армий "Центр". Перед Калининским и Западным фронтами была поставлена задача освободить весь Смоленский район. Главный удар наносил Западный фронт, который должен был разбить противника в районах Ельни и Спас-Демянска, а затем продвигаться на Рославль и Смоленск. Калининский фронт своим левым флангом обязан был помочь соседу, наступая на Смоленск с северо-востока через Духовщину. Замысел не заключал в себе даже подобия какого-нибудь маневра, хитрости, изюминки. Просто шаблон.

Наступление началось 7 августа 1943 г. Завязалась упорная борьба за преодоление хорошо укрепленного переднего края противника. Пришлось в первые же дни вводить в бой оперативные резервы - 68-ю армию. Лишь на четвертый день обозначилась возможность существенного продвижения вперед. Но не в полосе наступления главного удара, а южнее - во фланговой 10-й армии. Для развития успеха ей придали резервный 5-й механизированный корпус. Это позволило провести охват Спас-Демянского участка, и противник 13 августа очистил его.

13 августа в наступление перешел Калининский фронт, у которого главный удар наносила 39-я армия на Духовщину. За пять дней боев удалось вклиниться лишь на 6-7 километров, и дальнейшие атаки успеха не имели. Ставка вынуждена была отдать приказ на приостановку наступления войсками обоих фронтов. Стало ясно, что фронтальными атаками без достаточного перевеса в огне, в танках и живой силе серьезного успеха не добиться. К тому же немецкое командование стало перебрасывать сюда дивизии с Орловского участка.

Пришлось подождать и совершить нужную перегруппировку сил. Только после этого, 28 августа, Западный фронт смог возобновить наступление. Теперь главный удар наносился у Ельни. Здесь его немцы не ждали, и в первый же день глубина прорыва достигла 6-8 км. В брешь стали вводиться подвижные соединения. 30 августа советские части овладели Ельней, 1 сентября - Дорогобужем. Фронт обороны группы армий "Центр" стал терять устойчивость.

15 сентября после очередной паузы, связанной с перегруппировкой сил, имевшей характер маневра, войска Западного фронта возобновили наступление. Несмотря на очередную "потерю времени", 25 сентября был освобожден Смоленск. Благополучное завершение операции оказалось связанным не с первоначальными планами, а с последующим маневрированием войск, выбиравших наиболее уязвимые места в обороне противника.

Значительно успешнее пошли дела у Брянского и Центрального фронтов. Закончив Орловскую операцию, они начали наступление на Гомельском и Черниговском направлениях. Здесь противник оказал наиболее слабое сопротивление, потому что основные силы, прежде всего танковые, были задействованы в Донбассе и у Смоленска. Это позволило войскам обоих фронтов продвинуться в среднем на 250 км против 150-200 км у Западного фронта.

Положительной особенностью операций, проведенных наступающими фронтами от Брянского до Южного, - было то, что с ростом опыта советского командования фронтальные удары, вопреки желанию Сталина и отчасти Генштаба, стали сочетаться с маневрированием на поле боя целыми соединениями. В тыл забрасывались подвижные войска, препятствовавшие заблаговременному занятию противником выгодных оборонительных рубежей, наносившие удары по коммуникациям и оттягивавшие на себя малочисленные резервы немцев. Вот что писал о такой тактике бывший командующий Брянским фронтом генерал армии М.М. Попов: "Изучая и оценивая обстановку, мы убедились, что подготовленная в труднопроходимых лесах оборона противника совершенно исключает возможность добиться успеха путем лобовых атак... Все эти обстоятельства требовали от нас решения стоящих перед фронтом задач на флангах Брянской группировки противника или на одном из них. Фланговый удар позволял лишить противника сильных сторон его обороны, уже налаженной по лесам и рекам, и вывести основные силы фронта в тыл противника" (с. 21-22){8}.

Для осуществления этого замысла пришлось пойти на перегруппировку части сил: 50-я армия со средствами усиления была переброшена почти на 100 км в полосу действия 10-й армии. А там - еще раз, чтобы занять лучшие позиции, так как противник обнаружил передислокацию. Потеря времени на переброску с лихвой окупила себя скоростью продвижения и меньшими потерями в сравнении с теми, что были бы при лобовых атаках. (Стоит сравнить эти реалии военно-оперативного бытия с рассуждениями Штеменко о потере времени при маневрировании.)

Мы не будем подробно описывать ход наступления Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Характер их наступательных операций совпадает с боевыми действиями других фронтов. Упустив свой шанс у Орла и Белгорода, советские войска были вынуждены наносить фронтальные удары. Но, воспользовавшись хроническим недостатком резервов у противника, советское командование, нанося удары на различных

направлениях, все же вскрыло немецкую оборону и бросило в прорыв подвижные соединения. И хотя "котлов" достичь нигде не удалось, поскольку никто таких целей и не ставил, сама угроза окружения заставляла врага оттягивать свои дивизии все дальше на запад.

В двадцатых числах сентября советские войска широким фронтом стали выходить к Днепру. Форсирование его стало одной из славных страниц истории Советской Армии. Захват целого ряда плацдармов на правом берегу позволил начать борьбу за Киев. Но Сталин и здесь продемонстрировал приверженность к фронтальной стратегии и нелюбовь к маневрированию, что серьезно отразилось на сроках освобождения столицы Украины. Речь идет о Букринском плацдарме (примерно в 60 км южнее Киева), который захватили части Степного фронта 22 сентября. Именно с него Ставка предполагала нанести главный удар для овладения Киевом. Но противник успел стянуть к нему необходимые для обороны силы, и удар был парирован. Требовался маневр. 25 сентября Жуков доложил Сталину о трудностях наступления с Букринского плацдарма и предложил захватить новый плацдарм. Эта точка зрения совпадала и с мнением Генштаба. Сталин в ответ заявил:

- Еще не пробовали наступать как следует, а уже отказываетесь. Нужно осуществить прорыв с имеющегося плацдарма. Неизвестно пока, сможет ли фронт создать новый.

И хотя Воронежский фронт доказал, что "сможет", захватив к 29 сентября Лютежский плацдарм (к северу от Киева), еще целый месяц войска "пробовали как следует", топчась на Букринском плацдарме. Наконец и Сталин понял, что на этом участке толку не будет, даже если положить костьми оставшуюся часть войск, и 25 октября началась перегруппировка сил. 3-я гвардейская танковая армия скрытно была переброшена на Лютежский плацдарм. 3 ноября началось наступление, и уже 6 ноября Киев был освобожден. Военные специалисты оказались правы. Маневр принес успех. Сталин же фактически задержал освобождение Киева на несколько недель.

Проблема "канн" в российской армии

Охват с целью окружения (так называемые канны) - давняя болезненная проблема российской армии. В войне 1904-1905 гг. русские сухопутные войска терпели неудачи во многом из-за того, что командование, не умея проводить этот классический маневр, в то же время не смогло предотвратить его применение противником. Командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин в сражениях под Ляояном, на реке Шахэ, Мукденом приказывал войскам отступать из-за угрозы фланговых охватов противника, хотя ни разу японцы не располагали сколь-нибудь существенным перевесом в силах. Отступление же проводилось столь неорганизованно, что обращалось в поражение.

Столь же роковыми для русской армии оказались охватывающие операции германских войск в 1914-1915 гг., хотя лишь одну из них им удалось довести до логического завершения - окружить 2-ю армию под командованием генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Попытки же русского командования провести концентрические наступательные операции, будь то в Восточной Пруссии или Галиции, никак не удавались. Прежде всего мешало то, чем страдал и Сталин, "фронтальное мышление". Русские 1-я и 2-я армии в августе 1914 г. имели все возможности, чтобы взять в клещи немецкие войска в Восточной Пруссии, - и превосходство в силах, и удобную дислокацию, и выигранные первые пограничные бои (под Гумбиненном 1-я армия отразила натиск 8-й германской армии с большим для последней ущербом). Но... Когда перед взором командования Северо-Западного фронта предстали две цели: ближайшая - Кенигсберг и более удаленная соединение со 2-й армией, что позволяло взять в клещи отступающую 8-ю армию германцев, - то живой силе противника предпочли Кенигсберг. И Ренненкампф двинулся на северо-запад, тогда как Гинденбург двинулся на юго-восток, во фланг Самсонову.

Но в годы Первой мировой войны для полного успеха концентрических наступлений немцам не хватало быстроты. В

эпоху железных дорог пехота продвигалась слишком медленно, что давало противоборствующей стороне время осмыслить обстановку и перегруппировать войска, используя скорости железнодорожного и отчасти (как в битве на Марне) автомобильного транспорта. Ситуация коренным образом изменилась с моторизацией сухопутных сил. В 1941 г. появление на флангах и в тылу Красной Армии германских войск зачастую становилось полной неожиданностью для всех - от рядовых солдат до высшего командования, что оборачивалось дезорганизацией и паникой. В результате относительно малочисленные моторизованные части противника с несовершенными танками громили войска Красной Армии куда большей численности, а "патриотически" настроенным военным историкам, находящимся на государственном довольствии, ничего не оставалось, как писать про "героическую борьбу с превосходящими силами врага".

Но неудачи российской армии определялись не тем, что в ней не было людей, понимавших выгоду охватывающих ударов. В штабах во все времена осознавались необходимость флангового маневра и издержки фронтально-лобовых ударов. Проблема заключалась в способности реализовать фланговый удар. В книге Н. Левицкого "Русско-японская война 1904-1905 гг.", где дано наиболее детальное описание боевых действий в Маньчжурии, приводятся замыслы и разработки штаба Куропаткина по фланговым и обходным ударам русской армии. Пару раз даже предпринимались действия силами нескольких дивизий, но все заканчивалось ничем. Маневр оказывался слишком сложной задачей для командования, чтобы осуществить ее на практике. С еще худшими результатами была проведена маневренная операция в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Вместо окружения немцев в окружение попала одна из "клешней" русской армии.

Новая, Красная Армия, казалось, полностью переняла негативную традицию старой, императорской, армии. Катастрофой закончилась концентрическая операция Красной Армии против польских войск в 1920 г. у Варшавы. Причем сценарий контрдействий Пилсудского напоминал план Людендорфа в 1914 г. Пользуясь задержкой в движении одного крыла наступающих (в 1920 г. это был Юго-Западный фронт, одним из руководителей которого был Сталин), польское командование сосредоточило главные ударные силы против другого крыла и разгромило его.

Советским военным историкам оставалось только бессильно язвить про "шаблоны прусской школы". На этом безрадостном

фоне удивительным и многообещающим сполохом сверкнула операция, проведенная Г.К. Жуковым на Халхин-Голе в августе 1939 г. То были классические "канны", впервые в истории успешно проведенные российской армией, под которыми с удовольствием подписался бы любой германский штабист или танковый военачальник вроде Гудериана.

Халхин-Гол показал, что неумение проводить операции на окружение не есть что-то фатально-предопределенное для российской армии, а скорее результат отсутствия соответствующей школы и навыков организации и взаимодействия, и при необходимой воле и усилиях операция на окружение может удаваться нашей армии не хуже, чем немецкой. На совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 г. Г.К. Жуков оформил свой опыт теоретически. В своем докладе он говорил: "Наступательная операция с обходом одного или обоих флангов неприятеля приводит к непосредственному удару по наиболее слабым и уязвимым местам противника, т.е. во фронт и тыл расположения его войск. Выгоды обхода флангов противника настолько велики и заманчивы, что к подобному маневру необходимо стремиться во всех случаях, когда к этому представляется хоть малейшая (!) возможность" (с. 137-138){9}.

Но война с Германией вновь пошла в духе "а-ля Куропаткин". Одна сторона мечтала об охватах, другая их делала и заставляла соперника отступать. Попытки отсечь наступающие клинья немецких войск летом 1941 г. в сражениях под Гродно, Дубно, Лепелем, у озера Ильмень и в других местах потерпели полный провал. В окружении оказывались те, кому предписывалось окружать. Дух несчастной армии Самсонова упорно продолжал витать над советскими войсками и в Московской битве, где в окружение попал ряд армий и соединений, пытавшихся рассечь фронт группы армий "Центр", и в ходе майского наступления Юго-Западного фронта в 1942 г., которому ставилась задача "концентрическим ударом 6-й и 28-й армий окружить и уничтожить Харьковскую группировку" противника.

Мастера концентрических ударов, немцы сами же и продемонстрировали, как с ними успешно бороться, неоднократно срезая клинья наступающих. И казалось уже, что совершенно прав был военный историк А.А. Керсновскйй, написавший: "Но горе нам... если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут нашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден - Мазурскими озерами" (с. 331){10}.

Но вот грянул Сталинград... Во второй раз Красной Армии удалось провести столь масштабную и столь классическую

операцию на окружение. Но ликвидация "котла" растянулась на 2,5 месяца. На Сталина явно произвела впечатление такая яркая демонстрация высокого морального духа гитлеровской армии, и в последующем он неоднократно отказывал своим генералам в просьбах на проведение концентрических операций. Жуков приводит следующие примеры таких отказов: отвергнуто его предложение по окружению немецких войск в Донбассе в 1943 г., его идея окружения противника в районе Кривого Рога (с. 375) {5}. Возражал Сталин против окружения 1-й танковой армии у Каменец-Подольска в феврале 1944 г. Аргументы Верховного Главнокомандующего были всегда одинаковы: ликвидация окруженных группировок потребует много времени, и лучше гнать их с советской земли фронтальными ударами. Но эти доводы носили поверхностный характер. Конечно, фронтальные удары позволяли сводить риск операций к минимуму, что являлось весомым доводом для бесталанных военачальников. Но дело в том, что именно во второй период Великой Отечественной войны в Красной Армии появилось целое созвездие талантливых военачальников, способных осуществлять самые сложные операции, и своими запретами Сталин нанес вооруженным силам огромный ущерб, последовательно навязывая свои воззрения командованию вооруженных сил.

Зато в германской армии со времен Фридриха II культивировалась другая идея: первоочередная цель - не захват территории, а уничтожение живой силы противника, после чего территории занимались автоматически из-за отсутствия войск, способных этому воспрепятствовать. Поэтому германское командование, проведя в 1940 г. операцию на окружение в Бельгии англо-французских войск, не считало, что понапрасну теряет время. Плодом этой операции стало быстрое падение Парижа. Тогда как фронтальное наступление в 1914 г. с быстрым захватом территорий Бельгии и Фландрии обернулось затем кровопролитнейшей позиционной борьбой и поражением в войне. И тысячу раз был прав Шлифен, когда писал: "Неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака должна быть направлена не только на одну крайнюю точку фронта, а должна захватить всю глубину расположения противника. Уничтожение является законченным лишь после атаки неприятельского тыла. Для этого в первую голову привлекается конница" (танки) (с. 14) {11}. И германские войска полновесно осуществляли этот завет в кампаниях 1939-1942 гг. Но когда германское командование отступило от этих принципов в Сталинграде, начисто

отказавшись от маневренных действий, то последовала расплата. "Движение и маневр" - вот что было золотым правилом германской стратегии времен ее расцвета.

"Бей по ближайшей цели" - лозунг, который господствовал в советской военной стратегии. Сталин мог себе позволить такую стратегию. Исход войны с Германией в конечном счете решали резервы, пространство и время. Сколь ни ошеломляющи были поражения Красной Армии, к услугам Сталина всегда были пространство и время для отступления, ресурсы для создания новых армий и время для их подготовки. Поэтому Сталину не очень-то и нужны были сложные по замыслу и исполнению военные операции, без которых не могла обойтись германская военная машина.

Но была еще одна сторона проблемы. А зачем, собственно, Сталину нужны были военачальники, умеющие проводить гроссмейстерские по уровню операции? Для того ли он уничтожил всех советских цезарей и помпеев, чтобы на войне выросла плеяда новых, популярных в армии и народе военачальников? Во фронтальных же наступлениях полководческие лавры приобрести сложно, они по плечу генералам средних способностей. А значит, эти генералы взаимозаменяемы и незаметны на фоне Верховного Главнокомандующего. Сталин украл у Жукова пару "сталинградов", не дав ему реализовать свои замыслы и возможности полководца. Но кому от этого было плохо? Только не вождю. В 1944 г. Сталин отменил институт представителей Ставки. Жуков понял подоплеку этого невинного с виду технического мероприятия: "Война подходила к концу, оставалось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один". Что ж, оберегать свой харизматический авторитет от конкурентов для диктаторов столь же важно, как и дышать воздухом.

Глава 8. Свет и тени кампании 1944 года

1944 год вошел в прижизненные Сталину официальные труды как год "десяти сталинских сокрушительных ударов по врагу". Удары были, удары сокрушительные, вот только какова истинная роль Сталина в их планировании и проведении?

Счет "сталинским ударам" открыло наступление на Правобережной Украине. 11 января 1944 г. Г.К. Жуков, являвшийся координатором 1-го и 2-го Украинских фронтов (бывшие Степной и Юго-Западный), представил план разгрома 8-й немецкой армии, получивший наименование Корсунь-Шевченковской операции. 12 января Сталин, впервые после

Сталинграда, дал "добро" на окружение. Наступление прошло успешно. В ходе боев с 24 января по 17 февраля 1944 г. потери противника в "котле" составили 55 тыс. человек убитыми и 18 тыс. пленными. Сталин был так рад этому успеху, что произвел беспрецедентные за одну операцию повышения. Генералу армии И.С. Коневу, генерал-полковнику П.А. Ротмистрову присвоил звания маршалов, маршалу авиации А.А. Новикову - главного маршала авиации.

Отныне выходы на фланги ив тылы немецких войск стали характерной чертой всего дальнейшего советского наступления на Украине. Особенно туго пришлось 6-й армии, над которой постоянно витала тень предыдущей, сталинградской тезки.

6 марта 3-й Украинский фронт (бывший Южный), занимавший участок по реке Ингулец до Днепра, перешел в очередное наступление. Советские войска устремились к Николаеву. Фланги 6-й армии оказались глубоко обойденными. Конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева вышла в тыл противника. Окружения немцам удалось избежать лишь вследствие недостатка сил у соединения Плиева. (Вспоминается аналогичная группа Попова, которая должна была отсечь группу армий "Дон" в феврале 1943 г.) 6-я армия прорвалась сквозь заслоны и отошла с потерями за Буг. Но вскоре, после прорыва советских войск севернее, у Вознесенска, 6-й армии, чтобы избежать новой опасности "котла", опять пришлось стремительно отходить, на этот раз к Одессе, затем далее за Днестр. Получилось зеркальное отражение ситуации с 9-й и 18-й армиями Южного фронта в 1941 г., которые точно так же, избегая окружения, вынуждены были раз за разом "убегать" из-под фланговых ударов.

Более грандиозную операцию на охват крупных сил противника провели 1-й и 2-й Украинский фронты. 4 и 5 марта они перешли в наступление по сходящимся направлениям. В прорыв было брошено сразу несколько танковых армий. К10 марта передовые части 1-го Украинского фронта вышли к Тарнополю и Проскурову, местам столь памятных боев в 1941 г. 29 марта были освобождены Черновцы. Успешно наступал и 2-й Украинский фронт. 10 марта его войска отбили Умань, на следующий день вышли к Южному Бугу и форсировали его с ходу. 31 марта соединения 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта установили связь с 40-й армией 2-го Украинского. Все тыловые коммуникации группы армий "Юг" через Польшу оказались перерезанными. В "котле" у Каменец-Подольска оказалась 1 -я танковая армия в составе одиннадцати пехотных и десяти танковых и моторизованных дивизий. Казалось, что будет

взят реванш за Уманский "котел", где в августе 1941 г, "сварились" 6-я и 12-я армии. Однако сил для уничтожения столь крупной группировки не хватило, и ее основной части удалось вырваться из окружения. Но выталкивание ее фронтальными ударами потребовало бы куда больше времени и жертв. Обход же заставил противника очистить большой район без сопротивления. При отходе 1 -я танковая армия понесла большие потери, и вышедшие из сражений части до пополнения их значились в штабных документах германского командования как боевые группы. А два крупнейших полководца вермахта Манштейн и Клейст были отправлены Гитлером в отставку. Но на незавершенности этой операции, возможно, сказался небольшой опыт советского командования в подобных маневренных действиях.

По эффективности применения имеющихся сил зимне-весенняя кампания 1944 г, на Правобережной Украине явилась выдающимся достижением оперативного искусства советского командования. К тому же маневренные операции проводились в период распутицы. Но тут свою роль сыграли широкие гусеницы советских танков, а также "студебекеры" и "доджи", имевшие отличную проходимость.

К середине апреля 1944 г. линия фронта от Полесья до Молдавии в основном стабилизировалась. Лишь войска 3-го Украинского фронта безуспешно пытались фронтальными атаками сбить заслоны 6-й армии по Днестру. 6 мая Ставка отдала приказ 2-му и 3-му Украинским фронтам перейти к обороне.

Этому приказу предшествовало очередное расхождение во мнениях специалистов с "гениальным полководцем", решившим занять особую и опять неудачную позицию. Генштаб стоял за переход к обороне утомленных и ослабленных войск на всех украинских фронтах. Но Сталин настаивал на продолжении наступления хотя бы на отдельных участках. Поэтому 2-му и 3-му Украинским фронтам пришлось еще несколько недель вести бесполезные атаки и нести напрасные потери.

Но урок Верховному опять впрок не пошел.

В июле 1944 г. вновь перешел в наступление 1-й Украинский фронт. Предстояло совместно с правым флангом 1-го Белорусского фронта очистить от врага западную часть Украины. Наступление развивалось по уже привычной схеме. Сильное сопротивление немецких частей в тактической зоне обороны, потом прорыв советских подвижных соединений и выход их на оперативный простор. Через несколько дней в районе Бродов была окружена первая крупная группировка противника. К 20

июля Львов был охвачен с севера и с юга. Создалась ситуация, имеющая разные варианты продолжения. Представителем Ставки на 1-м Украинском был Г.К. Жуков. В мемуарах он приводит очередной факт расхождения во взглядах с Верховным: "22 июня в разговоре с И.С. Коневым мы согласились, что захват 3-й танковой армией тыловых путей на реке Сан заставит противника оставить Львов. По существу, мы оба пришли к выводу, что сдача немцами Львова дело почти решенное, вопрос лишь во времени - днем позже, днем раньше. Однако на рассвете 23 июля мне позвонил И.С. Конев и сказал:

- Мне только что звонил Верховный. Что, говорит, вы там с Жуковым затеяли с Сандомиром? Надо прежде взять Львов, а потом думать о Сандомире" (с. 574-575){1}. Тогда Сталину позвонил сам Жуков, но Верховный остался неумолим: сначала Львов, а потом уж...

Парадоксально, но повторялась ситуация 1914 г., да и 1920 г. тоже! Точно так же в ходе Галицийской наступательной операции возникла дилемма - брать армии генерала Рузского Львов с фронта или повременить, продолжая двигаться в обход на перехват тыловых коммуникаций главных сил австрийской армии, наступавших на Люблин. И тогда, в августе 1914 г., возобладало нетерпение. Львов взяли. Австрийцы же успели уйти из-под удара. Нечто подобное происходило и в 1920 г. Внимание Южного фронта всецело оказалось прикованным к Львову, и никакие призывы Тухачевского начать движение на соединение с его силами ради общего и куда более важного дела не помогли. Сталин и в 1920-м, и в 1941 г. предпочитал синицу в руках туманным материям стратегии.

"Ближнецельный" подход Сталина к наступлению можно проследить почти по всем операциям. Войскам сначала предписывалось взять, например, Орел, а потом овладеть Орловским выступом. Сначала взять Белгород, потом Харьков. Сначала освободить Ростов, потом Донбасс. Предварительно очистить Таманский полуостров, чтобы затем уже заняться Крымом... Исключений я не нашел. Сталин за всю войну не выдвинул ни одной идеи на охват. Искусный в политике, в оперативных вопросах он демонстрировал уровень самого заурядного штабиста-перестраховщика.

В апреле 1944 г. на совещании в Ставке было принято принципиальное решение о переносе главного удара летом с Украины в Белоруссию. 30 мая Сталин утвердил окончательный вариант боевых действий по разгрому группы армий "Центр", к которому привлекались войска четырех фронтов - 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского. К началу операций удалось

достигнуть невиданного до сих пор перевеса сил над противником: в людях в два раза (2,4 млн. против 1,2 млн. человек), в артиллерии в 3.8 раза (36,4 тыс. стволов против 9,5 тыс.), в танках и САУ в 5,8 раза (5,2 тыс. против 900), в боевых самолетах в 3.9 раза (5,3 тыс. против 1350). Это гарантировало успех.

По плану удары фронтов наносились по сходящимся направлениям, что, как доказал опыт, наиболее эффективно разрушает стратегическую оборону противника. Этому благоприятствовала и конфигурация линии фронта. Она шла дугой на восток в виде выступа в районе Орши, и немецкие фланги в полосе Полоцк - Витебск на севере и Мозырь - Рогачев на юге были чрезвычайно соблазнительны для удара. Но сходящиеся удары порождали проблему окружения, которая чрезвычайно волновала наш Генеральный штаб, вынужденный чутко улавливать настроения и оперативные представления Верховного. В чем же конкретно заключались эти опасения применительно к Белорусской операции? Если способы прорыва тактической обороны противника были уже достаточно ясны, то формы дальнейших действий вырисовывались по-разному. "Никаких сомнений не вызывал район Витебска, вспоминал С.М. Штеменко. - Здесь оперативное положение советских войск, глубоко охвативших этот укрепленный центр, делало наиболее целесообразным окружение с одновременным дроблением и уничтожением вражеской группировки по частям. Применительно же к другим направлениям термин "окружение" не употреблялся. В отношении способов действий, так же как и в операции "Румянцев" (Белгородско-Харьковская операция. -Б.Ш.), проявлялась большая осторожность. Опыт, добытый в битве под Сталинградом и других крупных сражениях, свидетельствовал, что окружение и ликвидация окруженного противника связаны с расходом большого количества войск и боевой техники, с потерей длительного времени. А любое промедление на столь широком фронте наступления, как в Белоруссии, давало врагу возможность подвести резервы и парировать наши удары. Учитывалось и то, что своеобразная лесисто-болотистая местность, на какой развертывалась Белорусская операция, не позволяла создать сплошное кольцо окружения" (с. 305){2}.

Прервем здесь выкладки Штеменко и проанализируем сказанное. Прежде всего бросается в глаза то, что Штеменко демонстрирует невежество в элементарных вопросах оперативного искусства, чего не должно быть у будущего начальника Генштаба. Штеменко здесь служил лишь своеобразным зеркалом - отражателем сталинского видения

оперативных вопросов. Целью боевых действий является уничтожение войск противника, это единственное условие захвата территории и ее закрепления за собой. Можно захватить сколь угодно большие территории и потерять их, если не уничтожены главные вооруженные силы врага. Именно это произошло с вермахтом в 1941 и 1942 гг. Поэтому уничтожение живой силы и техники врага - не потеря времени, а насущная задача армии и ее штабов как центров по разработке соответствующих операций. Причем окружение и уничтожение войск противника выгодно именно при широком фронте, потому что в этих условиях намного сложнее создать прочную оборону на всем его протяжении, чем на узких участках. На широком фронте наступающим легче маневрировать, имея простор для маневра, а обороняющимся требуется больше времени для восстановления сплошного фронта. И, наконец, остается только подивиться "недалекости" германского верховного командования, которое решилось в июне - июле 1941 г. провести крупномасштабную операцию на окружение в "лесисто-болотистой местности", не боясь, что противник сможет "подвести резервы и парировать удары".

Но нельзя упрекать Штеменко в незнании азов оперативной науки, так как дальше он опровергает самого себя и демонстрирует полное понимание сути оперативных вопросов, как и полагается работнику Генштаба. Не понимал военной науки Верховный Главнокомандующий, поэтому есть смысл усомниться в мемуарных утверждениях Жукова и Василевского, что Сталин к 1943 г. стал разбираться в оперативных вопросах, доказательством чему служат свидетельства самих участников событий, включая того же Жукова и Василевского.

Отметим, что Генштаб избегал даже слова "окружение", памятуя о негативном восприятии Сталиным опыта борьбы с окруженной армией Паулюса. Немецкие войска продемонстрировали там и в других местах (Демянск, Холм, Горшечное) высокую стойкость и боевую выучку в очень сложных условиях борьбы. Окруженные войска не сдавались, а вели энергичные бои. Но во-первых, неизвестно, сколько потребовалось бы сил и времени на то, чтобы просто отогнать 6-ю армию от Сталинграда. И удалось ли бы достичь такого военно-психологического и международного эффекта в ходе фронтального наступления? Во-вторых, С.М. Штеменко почему-то вспоминает операцию "Румянцев", которая была проведена в конечном счете как фронтальная операция, и совсем не упоминает о еще более тяжелых потерях и затратах времени в связи с операцией "Кутузов" (очищение Орловского выступа).

Окружение образует бреши в обороне противника в десятки, а то и в сотни километров. Конечно, чтобы ликвидировать окруженную группировку, порой требуется приостановить движение войск, но это не значит, что противнику дается возможность "подвести резервы и парировать удары". Резервы на угрожаемые участки противник будет подтягивать в любом случае. Но при фронтальном характере боев его силы будут прибывать на четко обозначенную линию фронта, где находятся склады, связь, штабы, аэродромы. В условиях отсутствия сплошной линии обороны командиры хуже знают обстановку, и необходимость наладить взаимодействие с. соседями и авиацией превращается в сложную проблему. Зимнее наступление Красной Армии в 19421943 гг. показало, что "котлы", в которых оказались части 6-й, 2-й немецких, 6-й итальянской и 2-й венгерской армий, ознаменовали слом всей стратегической обороны противника от Орла до Кавказа, и это привело к быстрому продвижению советских войск. Резервы, естественно, противником подтягивались, но какой ценой! Чтобы сократить линию фронта, пришлось оставить неприступный Ржевско-Вяземский выступ и не менее неприступный Демянский выступ, срезать которые Красной Армии не удавалось с начала зимы 1942 г. И наоборот, как только бои стали фронтальными - у Ростова, Харькова, Орла, - фронт быстро стабилизировался и противник смог провести успешное контрнаступление.

Вернемся к Белорусской операции. Сходящиеся удары фронтов сулили надежду на то, что часть сил немцев окажется под угрозой окружения. Не останавливать же войска в ожидании, пока противник покинет угрожаемые районы! В Генштабе всерьез задумались над этой проблемой и нашли выход.

"В данной конкретной обстановке прежние методы ликвидации противника мы считали неподходящими, - писал С.М. Штеменко. - Нужно было придумать что-то новое. Родилась, в частности, такая идея: нанеся поражение основной массе войск противника в тактической глубине его обороны мощным артиллерийским и авиационным ударом, отбросить их остатки с оборудованных позиций в леса и болота. Там они окажутся в менее благоприятных условиях: мы будем бить их с фронта, с флангов, с воздуха, а с тыла помогут партизаны. По результатам это было равнозначно окружению" (с. 305-306){2}. Учитывая нелюбовь Верховного к "котлам", Генштаб пошел на хитрость почти анекдотического характера. Вчитаемся еще раз в данный отрывок. Итак, новая (!) идея состояла в том, чтобы подавить тактическую оборону противника "мощным" ударом всех родов войск. Единственное замечание: данная идея перестала быть

новой еще в годы Первой мировой войны. Дальше совсем смешно: предполагалось отбросить врага в "леса и болота", чтобы бить его с фронта (это непременное условие), с фланга (явная уступка очевидности) и с воздуха (поди там разберись, где зад и где перед). А вот с тыла могли бить только партизаны (что с них возьмешь?), но не дай Бог регулярные войска! И такой чепухой вынуждены были всерьез заниматься профессионалы высокой квалификации, дабы угодить гражданской штафирке, возомнившей себя полководцем!

Справедливости ради следует отметить, что хотя в подготовленных документах Генштаб старался избегать слова "окружение", у Сталина хватило здравого смысла не играть в прятки и назвать вещи своими именами. Опальное слово было восстановлено и вписано в окончательную редакцию директив (с. 306-307){2}.

Характерен для рассматриваемой проблемы и "бобруйский эпизод". Подступы к Бобруйску были сильно укреплены, а местность благоприятствовала обороне. Фронтальный удар, таким образом, сулил много неприятностей. Стали искать выход. Было созвано совещание высшего командного состава 1-го Белорусского фронта с участием Г. К. Жукова. Проанализировав различные варианты, совещание признало, что наилучшим решением задачи будет все же окружение противника в районе Бобруйска. "Этот мучительный вопрос (!), - вспоминал Штеменко, разрешился, можно считать, только 19 июня" (с. 317){2}. К сожалению, вопрос об окружении оставался "мучительным" для Генштаба и Верховного Главнокомандующего вплоть до конца войны.

Наступление в Белоруссии началось 23 июня 1944 г. Большие группировки войск противника оказались в "котлах". Как это повлияло на фактор времени и на расход живой силы и техники? Ответ находим у самого С.М. Штеменко: "В ходе операции наши войска создали три больших очага окружения - в районах Витебска, Бобруйска и Минска. Последний был особенно крупным. Тем не менее и он не приковал к себе на длительный срок значительных сил Советской Армии" (с. 327){2}. А вот оценка Г.К. Жукова: "В Белорусской операции наиболее полно проявилось выработанное у советского командования всех степеней умение быстро окружать и уничтожать крупные группировки войск противника. Это искусство командования, мастерство и смелость привели к краху самой сильной немецкой группировки на Берлинском направлении" (с. 577){1}.

Наступление советских войск в Белоруссии развивалось стремительно. 3 июля был освобожден Минск. Глубина прорыва

за десять дней боев достигла 250 км. Группа армий "Центр" фактически прекратила свое существование. Ее новым командующим был назначен фельдмаршал Модель - "палочка-выручалочка" Гитлера в подобных критических ситуациях (он сыграл крупную роль в удержании линии фронта под Москвой зимой 1942 г.). С помощью переброшенных с Украины и из Румынии танковых и моторизованных дивизий, ему удалось восстановить целостность фронта и навязать наступающим фронтальные бои. В середине июля советские войска вышли на линию Вильнюс - Гродно - Брест, после чего темпы продвижения резко упали. Возобновить маневренную войну у советских войск не хватило сил, а фронтальное выдавливание привело к быстрому росту потерь. Штеменко писал о таком типе боев: "По мере развития операции силы сторон все уравновешивались и борьба принимала форму малорезультативных, но характерных большими потерями лобовых ударов" (с. 331){2}. Несмотря на это, Сталин опять же счел нужным продолжать наступательные действия. Кровопролитные бои в Польше без особых успехов продолжались до октября. И лишь по настоятельной просьбе Жукова и Рокоссовского Сталин согласился отдать приказ о переходе к обороне войск ввиду их крайней утомленности.

Вряд ли удастся когда-нибудь подсчитать, сколько людей напрасно погибло в этих атаках "из принципа", ради того, чтобы продвинуться на километр, еще на 500 метров... И так до тех пор, пока в ротах и батальонах оставались солдаты, способные подниматься в атаку.

Глава 9. Нелегкие будни Прибалтийских фронтов

Огромные лесисто-болотистые пространства северозападной части России представляли собой удобную местность для обороны. И бои здесь принимали упорный, затяжной и кровопролитный характер. Для успешных действий от советского командования требовалось найти и разработать какие-то новые тактические и оперативные приемы. Они дались не сразу и без особого поощрения со стороны Верховного Главнокомандующего.

1 марта 1944 г. 1-й и 2-й Прибалтийские фронты перешли в наступление против 16-й немецкой армии с нанесением главного удара на Идрицком направлении (100 км севернее Полоцка). Первые два дня боев показали наличие у немцев хорошо оборудованной в инженерном отношении обороны. Наступление стало захлебываться. Чтобы выявить причины неудач и найти способ преодоления кризиса, 3 марта командование двух фронтов и представители Ставки С.К. Тимошенко и С.М. Штеменко собрались на командном пункте 2-го Прибалтийского фронта. После долгого обсуждения пришли к выводу: прорыв сильной

обороны противника не даст желаемого результата, поэтому следует отказаться от наступления в лоб Идрицкой группировки и ударить в обход - севернее Идрицы. Эти предложения были направлены в Ставку. Сталин реагировал традиционно, показав заодно, во что он ставит мнение целой группы профессионалов. Уже через несколько часов пришел ответ, в котором требовалось продолжать наступление на прежнем участке. 10 марта наступление возобновилось, но не имело успеха. Тогда атаки прекратились до апреля. После чего, заменив убитых и раненых новым пушечным мясом, начали вновь в том же месте и с тем же пылом. Верховного Главнокомандующего не интересовало, что этим нарушается один из принципов оперативного искусства: нельзя повторно атаковать один и тот же участок в том же построении на изготовившегося противника. Войска продвинулись незначительно. Оставался последний "стратегический ход" - махнуть рукой, и бои прекратились до июля 1944 г.

Лишь успешное наступление в Белоруссии резко изменило обстановку на Прибалтийских фронтах. Германское командование изъяло из группы армий "Север" восемь пехотных и одну танковую дивизии. Выход советских войск к Литве и Латвии вообще поставил под сомнение необходимость дальнейшего удерживания старых позиций; Эпицентр боев в середине июля сместился к Риге, Каунасу и Шяуляю. Появилась реальная возможность отрезать группу армий "Север" от остальной германской армии. Эта возможность изучалась советским Верховным Главнокомандованием уже весной 1944 г. Районом, откуда в зависимости от обстановки можно было бы повернуть войска, чтобы отрезать северное крыло вермахта, избрали Шяуляй. Г.К. Жуков на встрече со Сталиным 8 июля 1944 г. предложил заранее усилить фронты, наступающие на Литву, чтобы отсечь группу армий "Север" и с ходу ворваться в Восточную Пруссию.

"- Вы что, сговорились с Василевским? - спросил Верховный" (с. 568){1}. И отказал. Чтобы знали, кто есть кто.

27 июля войсками 1-го Прибалтийского фронта был взят Шяуляй. К 31 июля механизированные части того же фронта вышли на побережье Рижского залива у Елгавы (близ Риги). Казалось, что отсечение группы армий "Север" достигнуто. Но сил для удержания позиций оказалось слишком мало. Германское командование перебросило в Литву части 3-й танковой армии, чтобы восстановить связь вдоль Рижского залива. И коридор был пробит.

14 сентября Прибалтийские фронты начали широкое

Наступление в Латвии и Эстонии с целью окончательного разгрома группы армий "Север". Однако многое из планируемого сделать не удалось. Немецкое командование не стало ждать, пока его войска прижмут к морю, и начало отводить их поэтапно, сначала из-под Нарвы, потом из Эстонии. "Раздробить неприятельскую группировку и на этот раз не удалось, - резюмировал С.М. Штеменко. - Она отошла с боями на заранее подготовленные рубежи в 60-80 километрах от Риги. Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично метр за метром выталкивая его. Такое течение операции не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями" (с. 362){2}.

Неудача наступления на Рижском направлении заставила вспомнить о Шяуляе. Как только возникла потребность, нашлись и средства. Район Шяуляя стал трамплином для прыжка к Мемелю (Клайпеде).

Целью Мемельской операции было прорвать оборону противника у Шяуляя и выйти к Балтийскому морю на участке Паланга - Мемель, чтобы тем самым отрезать немецким войскам пути отступления из Прибалтики в Восточную Пруссию.

С.М. Штеменко отметил, что к "Мемельской операции И. В. Сталин проявил особое внимание" (с. 363){2}. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда, если не брать в расчет погибших на "гиблых" направлениях солдат. Хотя в очередной раз было потеряно время, логика событий заставляла вернуться к оптимальному варианту. 5 октября 1944 г. 1-й Прибалтийский фронт возобновил наступление на своем, по сути, главном направлении. Противник понял, чем грозит ему этот удар, и уже 6 октября начал отход из-под Риги. Все же доблестным войскам 1-го Прибалтийского удалось исправить ошибку своего Главковерха. 5-я гвардейская танковая армия генерала В.Т. Вольского 10 октября прорвалась к морю, а 6-я гвардейская и 4-я ударная армии, развернувшись фронтом на северо-восток, приняли на себя удар отходящего противника и остановили его в Курляндии.

Г.К. Жуков в мемуарах зафиксировал итог своего разногласия со Сталиным: "Пришлось с сожалением констатировать тот промах, который допустила Ставка (точнее, Сталин. - Б.Ш.), не приняв предложение, сделанное еще летом, об усилении фронтов, действовавших на Восточно-Прусском направлении. Оно ведь строилось на том, чтобы с ходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группировка в Восточной Пруссии могла серьезно угрожать нашим войскам при наступлении на Берлинском направлении" (с.

591){1}. А значит, она требовала отвлечения значительных сил, потери времени и главное - много крови. Но за русским мужиком дело не станет...

Остатки группы армий "Север" оказались прочно запертыми в Курляндии. Возник вопрос, что с ними делать. Решение казалось очевидным и лежало, так сказать, на поверхности - атаковать и уничтожить полностью. Начались бои. Время шло, а дело с места не двигалось. Плотность немецких войск для отражения атак оказалась достаточно высока, а профессиональные качества достаточно велики, чтобы зеркально не повторилась история с Советской Армией на Керченском полуострове в 1942 г.

Вначале удары наносили 1-й и 2-й Прибалтийские фронты. Потом им на помощь стали подбрасывать подкрепления, в том числе и с границы с Восточной Пруссией. К началу ноября на реке Неман осталась лишь одна 43-я армия. Но все безуспешно. Тогда Жуков предложил взглянуть глубже. А именно - оставить в покое уже никому не угрожавшие войска группы армий "Север" и нанести удар в Восточной Пруссии. Слово Жукову: "Точно не помню, 1 или 2 ноября меня и А.И. Антонова вызвал Верховный для рассмотрения плана зимних операций. Докладывал проект А.И. Антонов, согласовав его предварительно со мной. И снова Верховный не счел нужным согласиться с нашим общим предложением усилить еще одной армией 2-й Белорусский фронт для разгрома Восточно-Прусской группировки. Мы предлагали взять эту армию за счет Прибалтийских фронтов, которым, по нашему мнению, следовало бы перейти к обороне, блокировав 16-ю и 18-ю армии Курляндской группы противника" (с. 591){1}.

В конце концов, все пришлось сделать так, как советовали военачальники, хотя "фронтальное мышление" Сталина требовало соблюдения очередности: сначала закончить первое, а потом уже браться за второе. Именно здесь, в военной диалектике, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.М. Василевский далеко ушли от взглядов периода Первой мировой войны. Их мышление с середины войны было отчетливо ориентировано на войну маневренную, гибкую и тем самым сберегающую солдатские жизни. Их предложения, слишком часто выходившие за рамки шаблонных представлений, встречали настороженное отношение Сталина. Мастер "каучуковой гибкости" в политике, он никак не проявлял себя гибким стратегом в военном искусстве, где требовался рационально-гибкий ум. Конечно, как человек умный, Сталин в самоочевидных ситуациях соглашался с доводами Жукова и других военачальников в пользу маневра. Сам он не был способен придумать ничего подобного. Но его вина заключалась не в бедности оперативного мышления, а в том, что

он топил чужие верные предложения, затягивая в конечном счете войну и обрекая армию и народ на напрасные жертвы.

Фигура Сталина столь завораживает иных исследователей магией всевластия (так сказать, "комплекс Андрея Болконского"), что им хочется ко всем его сильным сторонам приписать еще и гениальные стратегические и полководческие таланты. Возьмем один из типичных панегириков в книге В. Суворова "Очищение". Уязвленный замечанием Геббельса в дневнике, что Сталин имеет выдающихся военачальников, но ни одного гениального стратега, В. Суворов бросился спасать честь вождя, приведя в качестве примера планирование операции по захвату нефтяных районов Венгрии и Австрии - последних источников природного горючего для вермахта. "Не будем думать, что двум Маршалам Советского Союза (Малиновскому и Толбухину) одновременно пришла в голову идея такой операции. Вовсе нет. Просто над ними стоял еще один Маршал Советского Союза - Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин". Показав, кто есть кто, автор заключает: "И если удар в Венгрию - это проявление стратегической гениальности, то гениальность товарищем Сталиным проявлена. В нужный момент в нужном месте" (с. 27){3}. После такого заявления остается только одно обратиться к фактам.

Нефть - кровь войны. Без горючего танки, самолеты, грузовики, артиллерийские тягачи превращаются в малополезные предметы. Поэтому не требуется никакой гениальности, достаточно толики здравого смысла, чтобы поставить войскам и штабам задачу при первой возможности захватить районы нефтедобычи. Но гении тем и отличаются от простых смертных, что у них бывают необъяснимые затмения ума. Например, Гитлер, без сомнения, выдающаяся личность с ярко выраженными чертами харизматического вождя, осенью 1942 г. весь пыл своей натуры и волю главнокомандующего направил на овладение руинами Сталинграда, но не нефтяного района Грозного. Значит, Сталин был дальновидней Гитлера? Нет, нисколько. В июне - июле 1941 г. не было сделано ни малейшей попытки прорываться к Плоешти, хотя румынские войска были слабее Красной Армии, а семь дивизий 11 -и немецкой армии без танков по всем штабным меркам не могли являться непреодолимой преградой. Плоешти же давал около 80% нефтепродуктов для Германии, являясь главной нефтебазой вермахта, так что смысл побороться за такой стратегический приз явно был. Но до 2 июля, т.е. до перехода германских войск в наступление, ничего для создания ударной группировки, нацеленной на Плоешти, сделано не было. Южный фронт вел себя пассивно.

Упущенные возможности 1941 г. легко можно списать на специфические обстоятельства того нелегкого периода, но вот в 1944 г. обстановка коренным образом изменилась. Командование на высоте, войска хорошо обучены и оснащены, вермахт ослаблен настолько, что мог только обороняться, а о состоянии румынской армии и говорить нечего. В марте 1944 г. советские войска вступили на территорию Румынии, до Плоешти - 300 км. Но армии 2-го и 3-го Украинских фронтов после многомесячных боев вынуждены остановиться для отдыха и пополнения. Кому в первую очередь должны быть направлены пополнения для быстрейшего возобновления наступления? Наверное, войскам, ворвавшимся в Румынию, ведь непосредственно от них зависело скорейшее окончание войны. Но Сталин совершает обратное тому, за что его хвалит В. Суворов. Он делает Румынское направление второстепенным! А наступления готовятся и проводятся в других местах.

В апреле - мае 1944 г. осуществляется операция по очищению от противника Крыма, хотя, казалось бы, куда проще сделать это после овладения Румынским побережьем. 17-я немецкая армия и румынские части никому угрожать, сидя в Крыму, не могли. Иначе думал Сталин. Дух барона Врангеля не давал ему покоя, и он с ноября 1943 г. заставлял войска шаг за шагом прогрызаться к вожделенным курортам. Однако разгром 17-й армии лишь усилил оборону в Румынии. Туда морем было переправлено около 130 тыс. человек.

Далее пристрастия Сталина как Верховного Главнокомандующего распределились следующим образом. В июне 1944 г. началось наступление в Белоруссии, на Карельском перешейке и реке Свирь. 20 июня был взят Выборг. Но разве можно начинать борьбу за Плоешти, если не освобожден Петрозаводск? По стратегической мысли Верховного - конечно, нет. 28 июня город освободили. Но Сталин не успокоился. В июле начали наступать в Прибалтике (26 июля взяли Нарву). Тогда же начали наступление на Западной Украине. И лишь в конце августа, когда не осталось ни одного участка советско-германского фронта, где бы ни проводились наступательные операции, очередь дошла и до Румынии. Может быть, у противника были столь мощные силы, что требовалась полугодовая подготовка? Вовсе нет. Противник в августе имел 400 танков, 800 самолетов всех типов и полмиллиона солдат. Для 400 км фронта это было немного. И так же обстояло дело и в мае, и в июне... Может быть, для надежности, чтобы наверняка перерезать основную нефтяную артерию Германии, Сталин собирал невиданный по мощи кулак? Тоже нет. В качестве

ударных сил там действовала всего одна танковая армия (6-я) и несколько отдельных механизированных корпусов. Более того, с Румынского фронта забрали две танковые армии (5-ю гвардейскую и 2-ю), а заодно общевойсковую 8-ю гвардейскую армию.

Наконец, когда такие "стратегически важные районы", как Нарва и Петрозаводск, были заняты, Сталин дал "добро" на наступление в Румынии. 20 августа 1944 г. началась Ясско-Кишиневская операция, одна из жемчужин советского оперативного искусства Великой Отечественной войны. Она была проведена как классические "канны": прорыв на флангах (опять, как и у Сталинграда, через позиции румынских войск), окружение ядра обороняющихся, погром тылов с полным нарушением управления войсками и стратегический рывок вперед, к жизненно важным районам - Плоешти и Бухаресту в первую очередь. Именно так требовалось сделать еще в 1941 г.

Уже 29 августа без боя был захвачен Плоешти. 31 августа, опять же без боя, ибо режим Антонеску к тому времени пал, советские танки вошли в Бухарест. И войска веером устремились на Балканы: 3-й Украинский фронт - в Болгарию и Югославию, 2-й Украинский - в Трансильванию и Венгрию.

23 октября был освобожден Дебрецен в Венгрии. Открывался путь на Будапешт и, попутно, к нефтепромыслам на юге страны. Командующий фронтом маршал Малиновский запросил у Ставки на подготовку нового удара пять дней, чтобы подтянуть резервы. Привожу показательный диалог между ним и Верховным Главнокомандующим, диалог между военным профессионалом и военным дилетантом:

"И. В. Сталин. Ставка не может предоставить Вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Р.Я. Малиновский. Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт по политическим соображениям. Однако следовало бы подождать прибытия 4-го гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

И.В. Сталин. Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Р.Я. Малиновский. Если Вы дадите мне пять дней сейчас, то в последующие дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то 46-я армия, ввиду недостатка сил, не сможет развить удар. Она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче

говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

И.В. Сталин. Напрасно Вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту, - продолжал терпеливо вразумлять "гениальный стратег" своего неразумного маршала. И все безуспешно. Малиновский стоял на своем. И тогда политически подкованный Верховный отбрасывает либерально-увещевательный тон: "Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт" (с. 143-144){4}.

Воевать "по политическим соображениям" можно, тем более что ума для этого не требуется. Но человеческие жизни таким способом сберечь невозможно. Верховный их и не берег. Ну а Будапештом овладели только 13 февраля 1945 г. после ожесточеннейших боев. "Политические соображения" от этого не пострадали, чего нельзя сказать о войсках.

Польша - Померания - Пруссия

В ноябре - декабре 1944 г. был разработан план наступательной операции в Польше. С самого начала он отрабатывался как комплекс маневренных операций, эффективно взламывающих оборону противника и экономящих время.

Летне-осенними наступательными действиями в Румынии, Венгрии и Прибалтике удалось заставить германское командование оттянуть часть своих сил из Польши на фланги. На главном, Берлинском, направлении осталось всего 49 дивизий, включая пять танковых. Благоприятная обстановка диктовала и особый подход к планированию боевых действий. "Не следовало ли в этом случае оставить мысль о равномерном продвижении по всему фронту, которое привело бы просто к выталкиванию противника? Не лучше ли прорвать этот относительно слабый центр прямым ударом, расчленив немецкий стратегический фронт и, не теряя времени, развивать наступление на Берлин?" - такие, по свидетельству С.М. Штеменко, вопросы задавали себе руководящие работники Генштаба (с. 376-377){2}.

Крупной проблемой являлась Восточно-Прусская группировка противника. Нейтрализовать ее решили прежде всего маневренным путем: 3-й Белорусский фронт сковывал ее на Немане, а 2-й Белорусский обходил и отсекал ее через Польшу, одновременно нанося рассекающий удар через Мазурский район.

Основные удары в Польше наносили 1-й Белорусский (командующий маршал Т.К. Жуков) и 1-й Украинский фронты (командующий маршал И.С. Конев). По рекомендаций Жукова 1-му Белорусскому поставили задачу наступать в обход Варшавы на Лодзь, охватывая с флангов 9-ю немецкую армию, и дальше на Познань.

1-й Украинский фронт наносил удар на Бреслау. Затем предполагалось обойти укрепрайоны Силезии с севера и северо-востока. Этот маневр должен был способствовать сохранению от разрушений Силезского промышленного района.

Характер маневренной войны отразился и на планируемых сроках: 15 дней отводилось на разгром немецких войск в Центральной Польше и 30 дней на выход к Одеру, Померании и западной части Восточной Пруссии. Всего лишь 45 дней давалось на прорыв глубиной в 300-400 км. Но и этого оказалось много.

Наступление в Польше началось 12 января 1945 г. Преодолев тактическую оборону немцев, подвижные соединения советских войск устремились в оперативный прорыв. Для целого ряда вражеских группировок возникла угроза окружения, поэтому немецкое командование стало отводить войска. Отход быстро перерос в бегство. 17 января немцы оставили Варшаву. 19 января передовые части 1-го Украинского пересекли германскую границу в Силезии и одновременно освободили Краков, а войска 1-го Белорусского - Лодзь. 25 января была окружена Познань. 31 января - захвачен плацдарм у Кюстрина на Одере в 65 км от Берлина. Такие темпы наступления могли напомнить вермахту 1941 г., но теперь события развивались с обратным знаком...

В феврале пришло время заняться флангами. На севере линия фронта резко поворачивала на восток по границам Померании до Данцигской бухты. Померанское крыло создавало угрозу контрудара в тыл 1-го Белорусского фронта. На стыках 1 -го и 2-го Белорусских фронтов образовались опасные разрывы. Германское командование, чтобы не упустить благоприятной возможности как-то поправить свои дела, стало наращивать Померанскую группировку. К 10 февраля группа армий "Висла" насчитывала около трех десятков дивизий. Правда, не того уровня, что были у вермахта в начале войны, да и наступал вермахт в последний раз в 1943 г., но все-таки. Фронт Жукова перешел к обороне, а 2-й Белорусский фронт Рокоссовского 10 февраля решительно повернул на север. Между Одером и Восточной Пруссией развернулись ожесточенные бои. В начале марта советские войска вышли к Балтийскому побережью, опрокинув Померанскую группу войск противника.

Бои в Померании по своей ожесточенности превзошли январские бои в Польше. Ставка постоянно посылала фронту крупные резервы (1-ю гвардейскую танковую армию, ряд танковых и механизированных корпусов). Это было оправдано необходимостью обеспечения флангов центральной группы советских войск, так как наступать на Берлин узким клином было бы самонадеянным шагом. Но с выходом к Данцигу ситуация

резко изменилась. Если враг из Померании мог угрожать тылам советских войск, то немцы в Данцигском укрепрайоне, отрезанные от основных сил, не имея достаточного количества наступательного оружия, боеприпасов и горючего, не представляли уже серьезной опасности. Наступать они были не в состоянии. Но холодный расчет не возобладал. Войскам было приказано добивать противника до конца, не считаясь ни с потерями, ни со временем. "С 13 марта по 21 марта суточное продвижение советских войск не превышало 1-1,5 км, а иногда исчислялось и сотнями метров", - говорится в "Истории Второй мировой войны" (т. 10, с 147){6}. Зачем нужны были эти метры, не объяснялось, а ведь они требовали солдатской крови. Уже в самом конце разум взял верх и небольшую группировку к востоку от Данцига "дожимать" не стали. Она капитулировала 9 мая.

29 марта Жуков доложил Сталину о степени готовности фронтов к окончательной операции по разгрому Германии: "2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским". "Не беда", - ответил Сталин (с. 623){1}. И приказал двум фронтам дожидаться окончания боев на побережье. Не имевшие никакой оперативной ценности бои продолжались и дальше, но зато метафизический ум Сталина был спокоен - сначала первое, затем второе... Готовые к выступлению фронты были задержаны до 16 апреля.

Нечто подобное произошло и в Восточной Пруссии. В январе там началось наступление. Войска 2-го Белорусского фронта охватили Пруссию с юга и с запада, заставив 4-ю немецкую армию отступить в глубь территории на внутренний оборонительный обвод. 26 января Восточно-Прусская группировка была отсечена от основных сил. Она еще занимала достаточно большую территорию и теоретически могла угрожать тылам советских армий в Польше. Бои продолжались. Периметр немецких войск довольно быстро сужался под давлением 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Попытки восстановить связь с Померанской группировкой были успешно пресечены. 31 января был отрезан от остальной группы войск гарнизон Кенигсберга. Еще одну группу блокировали на Земландском полуострове. После этого немецкие войска в Восточной Пруссии уже не представляли оперативной угрозы, и, значит, их можно было оставить в покое, подобно Курляндской группировке, а высвободившиеся силы, особенно танки и авиацию, бросить на запад для скорейшего окончания войны. Это позволило бы сэкономить огромное количество боеприпасов и горючего, а главное, не гибли бы люди. Но

фронтальный подход господствовал и здесь. Еще больше двух месяцев войска 3-го Белорусского, а затем и 1-го Прибалтийского фронтов грызли и грызли метр за метром плотную, хорошо подготовленную оборону противника. "Среднесуточный темп продвижения советских войск не превышал 1,5-2 км. Преодолев один оборонительный рубеж, они наталкивались на следующий и вынуждены были заново готовить и осуществлять прорыв", - констатируется в "Истории Второй мировой войны" (т. 10, с. 113) {6}. 18 февраля погиб командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский, и его заменил А.М. Василевский.

К середине марта остатки 4-й немецкой армии занимали плацдарм на побережье в 70 км и в 15-30 км в глубину. Казалось бы, не имеет дальше никакого смысла добивать их, неся большие потери. Но 13 марта наступление возобновилось, и 29 марта 4-я армия наконец прекратила свое существование.

Оставалась Кенигсбергско-Земландская группировка. Ее уничтожение было уже явной бессмыслицей. Какой ущерб советским Вооруженным Силам мог причинить противник с этого пятачка - нельзя придумать, даже если специально задаться такой целью. По всей видимости, Сталин пошел на это из принципа. Для штурма Кенигсберга было привлечено 538 танков и САУ - армада, которую куда разумнее было бы бросить на Берлин. Кроме того, задействовали 2,4 тыс. боевых самолетов. 9 апреля город-крепость пал. Осталась лишь Земландская группа немецких войск. Бои по ее ликвидации развернулись 13 апреля. О характере наступления в "Истории" говорится так: "Медленно, но неуклонно продвигались на запад советские войска" (т. 10, с. 121){6}. Наконец, 25 апреля, закончилось уничтожение противника и там. Хотя нет. Более двух десятков тысяч солдат и Офицеров противника укрылись на косе Фрише-Нерунг, идущей от Пиллау (полуостров Земланд) чуть ли не до устья Вислы. Немцев не оставили в покое, хотя до окончания войны явно оставались считанные дни. В ночь на 26 апреля части 11-й гвардейской армии высадились на косе и бились там до 9 мая. Зачем? Загадка.

9 мая Курляндская группировка и группы на косе Фрише-Нерунг и в устье Вислы сложили оружие без особых осложнений. Так ради каких стратегических и оперативных целей погибли тысячи наших солдат в этих местах? Ради чего было задержано решающее наступление на Одере - Нейсе? Только 3-й Белорусский фронт с 13 января по 25 апреля 1945 г. потерял в боях за Восточную Пруссию 421 тыс. человек убитыми и ранеными. Намного больше, чем другие фронты. Столько же вермахт потерял в СССР с 22 июня по 31 августа 1941 г. Но тогда была захвачена территория по меньшей мере двух десятков

восточных пруссий!

Наглядно-убийственны сравнения потерь боевой техники в операциях советских войск на территории Польши и Германии в 1945 г. Так, в ходе Висло-Одерской операции было потеряно 1267 танков и 374 самолета. Операция по овладению Померанией (10 февраля - 4 марта 1945 г.) обошлась в 1027 подбитых танков и 1073 сбитых самолета. Зато на Восточную Пруссию, не жалея, затратили 3525 танков и 1644 самолета, т.е. больше, чем на Польшу и Померанию, вместе взятые! Остается только задаться вопросом: если вся эта армада танков и авиации, задействованная в Восточной Пруссии в феврале - апреле 1945 г., была бы сразу брошена на Берлин, то насколько раньше закончилась бы война?

Борьба за Восточно-Прусский пятачок - одна из самых неудачных, а может быть, просто преступных операций Ставки, в ходе которой массовый героизм солдат, большие жертвы не приблизили день Победы ни на один час. То было поистине каннибальским торжеством фронтальной - "ближнецельной" - стратегии Сталина, когда исповедуется принцип: "Человек - ничто, поставленная цель все!" Совсем иным был подход к солдатским жизням у наших союзников. Американское командование, понеся чувствительные потери в первых сражениях с японцами (мизерные по советским понятиям), стало обходить острова и целые архипелаги. Такая же стратегия применялась в Европе. Немецкие гарнизоны на Атлантическом побережье Франции и в Норвегии были оставлены в покое до их капитуляции. Причина такой стратегии проста: и командующие, и президент знали, что за лишние потери с них спросят.

Штабная драма Берлинской операции

С 8 по 24 февраля 1945 г. войска 1-го Украинского фронта провели Нижне-Силезскую операцию и вышли на реку Нейсе, на одну линию с 1 -м Белорусским фронтом. Казалось бы, можно готовиться к Берлинской операции. Но внимание советского командования привлек выступ в Верхней Силезии (район Оппельн - Ратибор). Сталин решил перестраховаться и ликвидировать выступ во избежание возможного контрудара оттуда. Новая операция потребовала большого количества сил и времени. Только на ее подготовку ушло три недели. 15 марта войска 1-го Украинского фронта начали наступление, которое развивалось медленно. Судя по всему, противник был к нему готов и сделал все, чтобы насытить оборону противотанковыми средствами, включая фаустпатроны, которые стали подлинным бичом для наших танковых войск. Только в первый день наступления 31-й танковый корпус потерял треть, а 7-й гвардейский механизированный - четверть своих танков. Бои продолжались до

31 марта и завершились занятием большей части Верхне-Силезского района. Дали ли они столь же ощутимые оперативные результаты, как, например, параллельно проводимая Померанская операция? Все нужное 1-му Украинскому фронту для проведения решающего удара на Берлин было достигнуто в ходе Нижне-Силезской операции. Перейти в наступление такой мощи, чтобы изменить обстановку в Польше, немецкая группировка в Верхней Силезии не могла из-за общей истощенности Германии в марте 1945 г. Максимум, что фашисты могли сделать в разгар наступления на Берлинском направлении, - это вклиниться в нашу оборону на несколько десятков километров. Для большего у них не хватило бы ни людей, ни средств. И если бы в Силезию была переброшена хоть часть сил 3-го Белорусского фронта из Восточной Пруссии, то шансы сильного удара из района Оппельн - Ратибор даже теоретически равнялись бы нулю.

Но в марте - начале апреля советские войска завязли в ликвидации многочисленных очагов сопротивления немцев - Данцигского, Восточно-Прусского, Силезского. На них была отвлечена основная масса танковой, артиллерийской и авиационной техники, потрачено много времени. Войска несли тяжелые потери, которые не диктовались серьезной оперативной необходимостью. И вместо марта наступление на Берлин началось в апреле.

Планирование Берлинской операции оказалось связано с недоразумением, характерного, однако, порядка. В ноябре 1944 г. Сталин решил упразднить институт представителей Ставки на фронтах. Г. К. Жукова назначили командующим 1-м Белорусским фронтом (К. К. Рокоссовского переместили во 2-й Белорусский). Тогда же Сталин торжественно объявил Жукову, что его фронт должен будет взять Берлин. С этого все и началось. Генштаб теперь вынужден был следить, чтобы разграничительные линии соседних фронтов не могли помешать исполнению желания Сталина. В начале 1945 г. на практике это выглядело так. "Генштаб беспокоила лишь одна деталь: каким образом наступление на Берлин двух фронтов согласовать с указанием Сталина о том, чтобы столицу фашистской Германии брали войска под командованием Г.К. Жукова? - рассказывал С.М. Штеменко. - После жарких дебатов предложено было утвердить решения обоих командующих фронтами... Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение маршала Конева - правым крылом наступать на Берлин, а с другой - установили разграничительную линию, которая не позволяла этого сделать. Мы рассчитывали лишь на то, что до Берлина еще

далеко и нам удастся устранить возникшую нелепость. В ходе операции обстановка сама должна была внести необходимую поправку" (с. 383){3}.

После разгрома Померанской и Силезской группировок вновь встал вопрос о наступлении на Берлин. Обстановка требовала нацелить на Берлин и 1-й Украинский фронт. "Нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами. Пришлось вернуться к январской идее - брать Берлин, используя обходящие удары 1-го Белорусского фронта с севера и северо-запада и 1-го Украинского фронта с юго-запада и запада. Встреча войск обоих фронтов намечалась в районе Бранденбурга, Потсдама" (с. 392-393){2}.

"Фронтальное мышление" в Генштабе к 1945 г. почти полностью выветрилось, уступив место мышлению иного качества. В 1945 г. Генштаб ратовал за маневренный способ овладения столицей Германии. Оставалось лишь одно препятствие - Верховный.

31 марта 1945 г. руководящие работники Генштаба совместно с командующими фронтами Г.К. Жуковым и И.С. Коневым проанализировали возникший замысел. Немедленно всплыла пресловутая "разграничительная линия". Конев, как дипломатично отметил Штеменко, "очень разволновался" по этому поводу. Однако никто в Генштабе не мог ему помочь. На следующий день, 1 апреля, состоялось решающее совещание в кабинете Сталина. Тянуть далее больше не имело смысла. Начальник Генштаба А.И. Антонов обратил внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами, которая фактически исключала совместное участие в операции двух фронтов. Его поддержал Конев. И Сталин пошел на компромисс. На оперативной карте он зачеркнул часть разграничительной линии, оборвав ее в 60 км от Берлина.

- Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин; - сказал он. Итак, понадобилось "всего" два месяца, чтобы решить насущный вопрос, от которого зависели жизни тысяч солдат, только из-за того, что один человек - но могущественный - сказал не подумав. А сколько таких необдуманных приказов ушло на нижние ступени государственной лестницы, намертво сковав инициативу подчиненных? Конечно, указанию Сталина можно найти вполне понятное объяснение. Жуков многое сделал, чтобы спасти два главных политических и экономических центра страны - Москву и Ленинград. Велика была его роль во всех других крупнейших битвах Отечественной войны. И все же высшая целесообразность всегда должна стоять на первом месте. Здесь ответственность ложится и на самого Жукова. Как полководец он не хуже самого

Конева понимал ситуацию с разграничительной линией, но молчал. Мечты о лаврах победителя Берлина затмевали логику.

Но на этом штабные игры с солдатскими жизнями не закончились. 1 апреля 1945 г. Сталин подписал директиву о Берлинской операции. Главный удар наносился в лоб, там, где его ждал противник - с Кюстринского плацдарма на Одере в полосе 1 -го Белорусского фронта. 2 апреля была утверждена директива 1 - му Украинскому фронту. Главный удар нацеливался с выходом в район южнее Берлина. Лишь в качестве варианта намечался поворот танковых армий этого фронта непосредственно на Берлин.

Но этому очередному фронтальному замыслу предстояло существенно видоизмениться в пользу маневренных действий. Запасной вариант в первые же дни наступления стал основным. В той ситуации иначе и быть не могло. Германская армия уже не в состоянии была оказать эффективного противодействия на всей линии от Судет до Балтики, поэтому ее главные силы сосредоточивались около Берлина. Вокруг столицы шло интенсивное строительство оборонительных сооружений. Все это Ставке было известно. Зачем же тогда понадобился лобовой удар?

"Фронтальному мышлению" в этот момент поддался даже Жуков, - так велико было желание взять Берлин самому. "Для всякого, даже непосвященного в военное искусство человека, - писал Г.К. Жуков, - было ясно, что ключ к Берлину лежит на Одере" (с. 632){1}. Но Георгий Константинович "забыл", что он сам часто восставал против такого рода "ясности", предпочитая искать нешаблонные решения, и своими неожиданными, ставящими противника в тупик действиями, заслужил себе славу полководца. На войне то, что ясно всем, означает, что это ясно и врагу. А значит, он заблаговременно готовится к отражению удара. Жуков сам цитирует высказывание генерала Йодля на допросе: "Для Генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии, оборонявшая Берлин, была введена на передний край" (с. 632){1}. Жуков и Ставка сами пошли на подготавливаемую стенку, уверенные за "лбы" своих войск.

Правда, одной из танковых армий 1-го Белорусского фронта ставилась задача обойти Берлин, но ей не хватало оперативного простора. "Постановка танковым армиям задачи по овладению Берлином неизбежно вела к ограничению их маневренности и ударной силы, - справедливо отмечается в официальном труде. Так, при обходе города с юга 1-й гвардейской танковой армии предстояло маневрировать в непосредственной близости от внутреннего обвода Берлинского оборонительного района, где

возможности для этого были очень ограничены, а порой и вовсе исключены" (т. 10, с. 317){6}. Это означало, что армия была обречена на большие потери.

16 апреля началось генеральное наступление. 1-й Белорусский фронт с самого начала столкнулся с упорным сопротивлением противника на Зееловских высотах. Тяжелые потери понесли введенные в бой после полудня обе танковые армии. Поэтому поздно вечером 17 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта получили приказ на проведение флангового охватывающего удара по Берлинской группировке с юга и юго-запада. К этому времени они завершили прорыв сравнительно слабой обороны по реке Нейсе.

Жуков в мемуарах, сам себе противореча, вернулся к очевидному, признав, что фронтальный удар по Берлину был ошибкой. "Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому... При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанес бы удар... по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада" (с. 643){2}. Жуков в мемуарах приводит и другие возможные варианты маневренного наступления на Берлин, где лейтмотивом является обход с флангов. В этих рассуждениях мы видим привычного Жукова, полководца с нешаблонным мышлением, которому "неясно" то, что "ясно другим". Однако сделанного не воротишь. Жгучее желание первым ворваться в Берлин подвело Жукова, и на его совесть легли напрасные потери.

Фланговый удар 1-го Украинского фронта Конева отвлек на себя часть сил 9-й армии, что способствовало продвижению 1-го Белорусского фронта Жукова. К 25 апреля советские войска завершили окружение Берлина. Борьба за столицу Германии вступила в завершающую стадию. 2 мая остатки Берлинского гарнизона капитулировали.

Потери в канун Победы особенно ощутимы для людей, не очерствевших душой на войне. Сохранилось свидетельство того, как остро переживал их командующий 3-й армией генерал А.В. Горбатов. В частной беседе с А.Т. Твардовским и критиком В.Я. Лакшиным он говорил: "Я держусь того мнения, что с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать. Но город достаточно было взять в кольцо, и он сам сдался бы через неделю-другую... А на штурме, в самый канун победы, в уличных боях мы положили не меньше ста тысяч

солдат"{5}.

Это говорил человек, о котором Жуков отозвался, как о генерале, "который на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией" (с. 504){2}.

Интересный нюанс. В.Я. Лакшин вспоминает, что Горбатов гордился тем, что его армия взяла пленных больше, чем другие. В этом он видел показатель того, что и потери у него были меньше. "Умение воевать не в том, чтобы больше убить, а в том, чтобы с наименьшими жертвами выиграть войну", - вывел командарм чеканную формулу. Да, высший смысл войны заключается не только в том, чтобы разгромить врага. Необходимо ответить на вопрос: какой ценой оплачена победа? До недавнего времени "фронтальное мышление", прежде всего благодаря массированной пропаганде, господствовало в российском общественном сознании. И словосочетание "любой ценой" воспринималось как само собой разумеющееся. Эта формула даже попала в хорошую песню в качестве рефрена: "Мы за ценой Не постоим". Но, кажется, приходит время цивилизованного общества, умеющего различать в массах личности, чтобы проанализировать все эти "цены", очистить их от девальвации, осознать, сколь велика на самом деле цена человеческих жизней, и сделать формулу одного совестливого командарма руководством к действию для всего командного состава армии.

Глава 10. Солдат на войне

Солдат - это человек, которому судьбой предопределено своей жизнью реализовывать приказы вышестоящих. И от того, насколько они удачны, зависит и его жизнь, и количество пролитой на поле боя крови. Так родились понятия "окопной" и "штабной" правды, потому что разумение солдата, как вести дело на войне, далеко не всегда совпадало с разумением о том же в штабе.

С таким разрывом столкнулся молоденький, скороспелый лейтенант Булат Окуджава, приняв взвод обстрелянных, много старших по возрасту солдат. В одном из своих рассказов он поведал, как в первой же атаке картинно встал во весь рост с пистолетом в руке и... был сбит собственными подчиненными. Как затем они продемонстрировали ему, что такое атака не в книжно-уставном, а в солдатском варианте. Окуджава увидел, что солдаты стараются как можно меньше бежать во весь рост, а двигаются вперед перебежками, лихорадочно окапываясь на промежуточных рубежах. Он рассказал и о том, как в бессилии заплакал после боя в землянке.

Мое личное знакомство с двумя правдами произошло в студенческую пору, когда я проходил подготовку на военной

кафедре и должен был изучать Уставы Советской Армии. Пораженный вычитанными в них перлами, я долго хранил листочки с выписками из Устава сухопутных войск Советской Армии СССР. Например, с такими рекомендациями: "В случае внезапной встречи с противником, когда невозможно уклониться от боя, разведывательная группа открывает огонь, смело нападает на него (вот она штабная правда!) и, используя его замешательство, захватывает пленных, после чего продолжает выполнять задачу". И впрямь, сидя в штабе за письменным столом и стаканом горячего чая, чего проще "смело напасть на противника" и "взять пленных".

Или: "Дозорное отделение достигло (лесной) посадки, где было обстреляно внезапным огнем из пулемета... Немедленно открыть ответный огонь по пулемету противника, а после его уничтожения продолжать выполнять поставленную задачу". Вот так просто воевать по "штабной правде". А Устав был издан в 70-е гг., т.е. после войны и оплаченного кровью опыта, и все равно содержал в себе подобные глупости.

Настоящее дыхание войны можно хорошо ощутить лишь в талантливой художественной литературе и кино, которые переплавляют опыт пережитого в художественные образы, являясь развернутым психологическим отражением и осмыслением реальных событий - тех, что лаконично описываются в мемуарах с редкими вкраплениями своего переживания того или иного момента боя. Чтобы человеку невоевавшему почувствовать изнанку войны, ее пот, кровь, ее будни, необходимо прочитать книги И.И. Акулова, В.П. Астафьева, Г.Я. Бакланова, Ю.В. Бондарева, В.Л. Кондратьева. Психологические нюансы есть и в мемуарах, - это драгоценные островки, возвышающиеся среди моря фактов - объективных и субъективных сведений. Командующий 1-й танковой армией М.Е. Катуков привел один эпизод Курской битвы. 6 июля 1943 г. его частям была поставлена задача нанести контрудар. И он размышляет: "Ну хорошо, мы двинемся на немцев. Но что из этого получится? Ведь их танковые силы не только превосходят наши численно, но и по вооружению обладают значительным преимуществом. Не лучше ли в этих условиях повременить с контрударом, делать по-прежнему ставку на нашу тщательно подготовленную глубоко эшелонированную оборону? Пусть гитлеровцы вязнут, гибнут в нашей обороне... А когда мы обескровим их части, тогда и созреет выгодный момент для нанесения могучего контрудара. Скрепя сердце я отдал приказ о нанесении контрудара. Уже первые донесения с поля боя... показывали, что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери" (с. 219-220)

{1}. Здесь Катуков рассуждает как солдат, ибо ему чужие жизни жаль как свою собственную.

Но командарму в тот раз повезло. Неожиданно позвонил Сталин, и Катуков сумел убедить его отменить приказ о бессмысленной атаке. А сколько подобных приказов отменить не удалось! И тогда напрасно гибли люди. А. М. Василевский рассказал К. Симонову о таком случае. Осенью 1943 г. советские войска освободили Таврию. Но у противника остался плацдарм на восточном берегу Днепра у города Никополь. "Я так же, как и командующие фронтами, не считал, что плацдарм представляет для нас непосредственную опасность, - говорил Василевский, - и считал необходимым решать дальнейший исход дела... нанося удары вглубь, через Днепр, значительно севернее плацдарма.

Мы считали, что тем самым заставим немцев самих уйти с этого плацдарма. Но он (Сталин) в этом случае уперся.

Никакие наши убеждения на него не действовали, и он требовал от нас во что бы то ни стало отнять у немцев этот плацдарм... И сколько мы положили людей в безуспешных атаках на этот плацдарм, один Бог знает!" (с. 88){2}. А Сталин всего лишь перестраховывался. Ему как Верховному не нужна была даже теоретическая возможность поражения, которое могло бы бросить тень на его "полководческий гений". И потому - терпи, солдат!

Подобная практика неминуемо рождала спрос на командиров, готовых выполнять приказ любой ценой в буквальном смысле слова. Такой тип наиболее ярко запечатлен Ю.В. Бондаревым в романе "Выбор" в образе майора Воротка, который воевал, жалея пушки (ибо за них был спрос) и не жалея людей.

Ф.М. Достоевский, размышляя о войне, считал, что воевать надо "не столько оружием, сколько умом". Победу он оценивал в зависимости от того, какой ценой она достигнута - умом или числом жертв. "Умом - это когда число своих жертв меньше числа жертв противника. Но если число обратное и за каждого убитого врага уплачено несколько жизней победителей, то война выиграна не умом, и славить полководца в таком случае означало бы кощунство перед мертвыми, павшими из-за неумения вести дело"{3}. Многие ли услышали этот призыв? Талантливый военачальник нужен солдату, чтобы меньше гибло бойцов, чтобы выигрывать сражения как можно меньшей кровью, а не ради чинов, наград и славы.

Ум армии

Красная Армия вступила в схватку с сильнейшей армией мира - германской. Сила вермахта крылась в высоком

профессионализме офицеров, выучке солдат, их высоком боевом и моральном духе и впечатляющей маневренности ее соединений. Боевые качества германской и русской военной школы сравнивались еще в XIX в. Вот, например, к каким выводам пришел Михаил Бакунин, живший одно время в Германии и воевавший там на баррикадах: "Надо быть чрезвычайно невежественным или слепым квасным патриотом, чтобы не признать, что все наши военные средства и наша пресловутая, будто бы бесчисленная армия ничто в сравнении с... армией германской. Русский солдат храбр несомненно, но ведь и немецкие солдаты не трусы" (с. 126){4}. Какие аргументы приводит М.А. Бакунин в пользу таких "непатриотичных" взглядов? Прежде всего он нисколько не идеализирует германскую армию и ее центральную фигуру - офицера.

"В отношении своего государя, герцога, короля, а теперь всегерманского императора немецкий офицер раб по убеждению, по страсти. По мановению его он готов всегда и везде совершить самые ужасные злодеяния, сжечь, истребить и перерезать десятки, сотни городов и селений, не только чужих, но даже своих" (с. 127){4}. "Холодный, а когда нужно и жестокий в отношении к солдату, человек, у которого вся жизнь выражается в двух словах: слушаться и командовать - такой человек незаменим для армии и для государства" (с. 128-129){4}.

"Но немецкий военный мир имеет огромное преимущество: немецкие офицеры превосходят всех офицеров в мире теоретическим и практическим знанием военного дела, горячею и вполне педантическою преданностью военному ремеслу, точностью, аккуратностью, выдержкою, упорным терпением, а также и относительною честностью.

Вследствие всех этих качеств организация и вооружение немецких армий существует действительно, и не на бумаге только, как это было при Наполеоне III, во Франции, как это бывает сплошь да рядом у нас. К тому же, благодаря все тем же немецким преимуществам, административный, гражданский и в особенности военный контроль устроен так, что продолжительный обман невозможен. У нас же, напротив, снизу доверху и сверху донизу рука руку моет, вследствие чего дознание истины становится почти невозможным.

Сообразите все это и спросите себя, возможно ли, чтобы русская армия могла надеяться на успех в наступательной войне против Германии?" (с. 130-131){4}.

Предчувствуя возражения, Бакунин спорит с оппонентами: "Скажете вы, что в случае нужды Россия, т.е. всероссийская империя, в состоянии поставить еще миллион войска; отчего же и

не поставить, да только на бумаге. Да где вы возьмете достаточное количество офицеров для организации нового миллионного войска, и чем вооружите его? палками?" (с. 131){4}. Как тут не вспомнить 1915 год! А вот еще одно предсказание: "При первом шаге, лишь только сунете нос на немецкую землю, вы будете самым страшным образом разбиты наголову, и ваша наступательная война тотчас же обратится в оборонительную; немецкие войска вступят в пределы Российской империи" (с. 132) {4}. Прямо-таки пророчество событий августа 1914 г. Пророчество, основанное на анализе действительных возможностей обеих сторон.

Большевики, первоначально разрушив разлагавшуюся, потерявшую веру в свое командование армию и доведя страну до края национальной катастрофы в феврале марте ?..; 1918 г., в последующие годы сумели сделать многое для создания боеспособных вооруженных сил. На то были веские причины: без силы штыка удержаться у власти было нельзя (Мао гениально-бесхитростно изрек: "Винтовка рождает власть"). В 30-е гг. Сталин уже ясно понимал, что политические процессы в Европе идут не по марксовым схемам и лишь новая европейская война может изменить социальные порядки на континенте, поэтому делал особую ставку на милитаризацию страны, готовясь к решающей схватке. Успехи были, и успехи значительные. Маневры 1936 г. в Киевском военном округе произвели большое впечатление на зарубежных специалистов новациями, которые продемонстрировали красноармейские части. Но погром военных кадров практически прервал дальнейшее становление Красной Армии как армии нового типа. Такой армией стал вермахт.

Невысокий уровень оперативного мастерства большей части оставшихся военных кадров неизбежно вел к укоренению линейной тактики, ведения боя, фронтального оперативного мышления. Ведь так было легче управлять войсками. Но сама жизнь заставляла искать пути к нахождению форм и методов боя, дающих высокий результат при малых потерях. И открывалось давно открытое. Еще древнекитайский военный теоретик Сунь Цзы сравнивал войско с рекой, которое обходит очаги сопротивления и устремляется к слабо обороняемым участкам. Как река прокладывает свое русло в зависимости от местности, так и армия действует соответственно дислокации сил противника. Однако многие наши командиры и военачальники, включая Верховного Главнокомандующего, предпочитали долгое время не обходить горы, а сдвигать их.

"- Скажите... неужели мы всегда так воевали?" - спрашивает один из героев романа В. Пикуля "Баязет" другого.

"- Да, пожалуй, всегда... Войны ведь не каждый день бывают. Поначалу лезут все больше на авось, валят промах на промахе. Наконец выучиваются. Бьют врага уже как надо. А войне-то, глядишь, и конец. Допущенные ошибки стараются замолчать. Историки врут. Военные специалисты хотят позабыть старые невзгоды и погрязают в изучении мелочей. Нагрянет новая война, и опять старые ошибки на новый лад. Или же наоборот: новые - на старый".

Все верно. Так оно и есть. Так оно и было в начале Великой Отечественной войны. Достижением военного командования Советской Армии в последние два с половиной года войны явилось овладение искусством маневренной войны. Причем достижением исторического масштаба, потому что российской армии такой тип военных действий удавался не часто. Больше приходилось уповать на героизм солдат, что так приводит в восторг многих наших историков и публицистов, забывающих упомянуть при этом, что слишком часто героизм являлся оборотной стороной чей-то нераспорядительности. Германская военная школа пошла другим путем.

Прусско-германская армия выигрывала войны 1866 г. и 1870 г. за счет компетентного штабного командования и выучки полевых войск. Вместо самопожертвования от солдат требовался разве что боевой задор. А верховное командование благоприобретенный опыт постаралось прочно закрепить, в виде традиций.

Русско-японская война 1904-1905 гг. стала примером полного провала царского командования в искусстве маневренной войны. Можно только удивляться, каким образом японской армии удалось выигрывать сражение за сражением без единой осечки, ведь русские войска воевали в исключительно благоприятных условиях - вдоль линии Маньчжурской железной дороги, имея возможность получать все необходимое прямо из вагонов, в то время как японской армии требовалось везти предметы снабжения сначала морем, затем перегружать их в портах на телеги и по грунтовым дорогам тащить на позиции. Однако это не помещало японской армии, не имевшей численного или технического перевеса и даже значительного военного опыта (за исключением китайско-японской войны 1894-1895 гг. Япония не вела внешних войн несколько веков!), выиграть сложную кампанию за счет активного оперативного маневрирования.

В Первой мировой войне русская армия как маневренная сила выглядела не лучше и не хуже других - французской, английской, австрийской армий, так как все они особым оперативным искусством не блеснули. Но она явно уступала

германской армии, не выиграв у нее ни одного крупного сражения. Таким образом, Красная Армия не могла унаследовать глубоких традиций маневренного оперативного искусства от старой. Но опыт Гражданской войны - прежде всего маневренной - повлиял на воззрения ряда молодых военных специалистов, вышедших из низов и не связанных с прежней косностью военного мышления. Они заложили фундамент будущего взлета советского оперативного искусства, рассматривая боевые действия как комплекс маневренных мероприятий по разгрому противника. Первая половина 30-х гг. стала временем активных и плодотворных теоретических поисков новой военной концепции. В.К. Триандафилов и М.Н. Тухачевский увидели будущую войну в современной для эпохи моторов форме.

Советские историки пытались доказать уникальную самобытность отечественной военной теории, которую, мол, заимствовали на Западе всякие там гудерианы, не способные сами придумать ничего оригинального. В этом прослеживается старая традиция (с 40-х гг.) утверждать, что чуть ли не все важное было открыто и изобретено в России, а Запад присвоил приоритеты. Все это, конечно, ложь. Но есть и нюанс. В любой стране может родиться талантливый человек, однако вопрос в том, сумеет ли эта страна воспользоваться своим интеллектуальным богатством, предлагаемыми разработками и открытиями. Проблема заключается не столько в изобретении пороха, сколько в его использовании. А это уже зависит от организации. То, что нашими разработками нередко пользуются другие, говорит прежде всего о несовершенстве нашей организации (экономической, социальной, военной). И наоборот, тот, кто этим воспользовался (а механически воспользоваться невозможно - открытие не запчасть), может поставить "плюс" своей системе организации. Германская армия, имея собственных оригинальных военных мыслителей, заимствовала самое прогрессивное в военной мысли других стран - от теорий Дуэ и Фуллера до советских военных разработок, что делает честь профессионализму ее военных руководителей{5}. Получился сплав, основанный на организованности, вере в себя и оправданном риске. Германская армия не имела превосходства в численности и качестве вооружения перед англо-французскими или советскими армиями, а по ряду компонентов уступала им. Ее первоначальные успехи - это успехи лучшей организации дела. Она вела войну современными оперативными методами и побеждала. Побеждала до тех пор, пока ее противники сначала не сравнялись, а потом и не превзошли ее в этом. Но только не в таком компоненте маневренного оперативного искусства, как

блицкриг. Здесь с вермахтом во второй половине XX в. может сравниться разве что израильская армия.

В советской, а порой и в литературе нового времени, обязательным считалось отзываться о блицкриге с высокомерием: "Молниеносная война - это авантюра". Так можно рассуждать только в стране, испокон веков ведущей длительные войны на истощение и к ним привычной. Размеры территории, населения, природных богатств позволяли особенно не задумываться над сроками боевых действий. Но есть страны, для которых сроки - вопрос жизни и смерти и блицкриг, в сущности, единственный путь к успеху.

Блицкриг требует чрезвычайно высокой степени организации, тщательной подготовки, хорошего знания противника и прежде всего его слабых сторон, а не количественного превосходства. Блицкриги вермахта или израильской армии были основаны именно на этих основополагающих факторах.

Российской армии блицкриги никогда не давались, отсюда и соответствующее пренебрежение в духе басни Эзопа о лисе и винограде. Взять хотя бы советско-финскую войну 1939-1940 гг. Планировалась она как блицкриг, но превратилась в кровопролитную борьбу на выносливость. Все попытки вести маневренную войну закончились полным провалом. Несколько дивизий в Карелии попали в окружение и были разгромлены. Молодая финская армия, как в свое время японская, в маневренных действиях переиграла российскую армию, окружив и разгромив полностью четыре (18-ю, 44-ю, 139-ю, 168-ю) дивизии и одну (75-ю) частично. Красную Армию подвели основополагающие факторы: войска не имели всех необходимых сведений о противнике, а организационную сторону пришлось выправлять уже в ходе конфликта (подтягивать необходимые силы и средства, думать о зимнем обмундировании, разрабатывать тактику прорыва укрепрайонов и борьбы в условиях лесистой местности). Войну выиграли привычным лобовым ударом за счет подавляющего превосходства в людях (которых не жалели) и технике. А что изменилось сейчас? Война в Чечне лишнее тому доказательство. И там бои проводились главным образом за счет численного превосходства в людях и средствах. Показательна операция "по вводу" российской армии в Чечню осенью 1999 г. Она проводилась способом фронтального выдавливания противника с его позиций, хотя логика борьбы требовала как раз маневренных действий, чтобы не допустить отхода сепаратистов в горы - в свой партизанский край. Но никаких прорывов механизированных войск в сочетании с воздушным десантом, отсекавшим пути отхода, не проводилось,

ибо этого не умели делать войска. Да и, судя по всему, само командование.

Россия всегда страдала от одной плохо разрешимой проблемы - противоречия между ее огромными ресурсами и управленческими возможностями по их эффективному использованию. Поэтому организационные трудности традиционны для русской армии. Не было еще ни одного случая в истории, чтобы она вступила в войну хорошо подготовленной. Конечно, "пришить последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата" не удавалось к началу войны ни одной армии мира, Армия мирного времени не совпадает по боевой подготовке с армией воюющей и имеющей опыт. Но русские войска всегда вступали в борьбу в той степени неготовности, которая сильно отражалась на качестве боевых действий. Требовалось время, определенная раскачка, чтобы действующая армия приобрела необходимую ударную мощь. Например, в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. из-за нехватки медикаментов и плохой организации тыла от ран и болезней погибло не меньше солдат, чем на поле боя. И это рядом со своими границами, тогда как англичане постоянно вели войны за тысячи миль от своих берегов, почти всегда удачно и с минимальными потерями. Очень часто русские войска несли большие потери, кампании с заведомо слабым противником (например, турками в XIX веке) затягивались по причине организационных слабостей. И наоборот, там, где осуществлялось четкое, целенаправленное, волевое руководство, русские войска били любого, даже самого сильного противника независимо от объективных сложностей. Можно вспомнить пусть стародавние, но поучительные походы А.В. Суворова и адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Устранение организационных неполадок не означает доведение всего до идеала. Суворовским солдатам тоже многого не хватало в походах, но эти трудности не сказывались на самом главном - боеспособности войска, ибо за ними стояли не разгильдяйство и некомпетентность, а объективные трудности боевых условий. А ведь наши историки любят перечислять, чего не хватало Красной Армии в июне 1941 г. Иной вздохнет: вот если бы война началась в 1942 г.! Мол, уж в 1942 г. было бы "всегвсе" готово, забывая при этом, что и германская армия не стояла бы на месте. Достаточно сравнить ее мощь в 1940 г. с 1939 г., в 1941 г. - с 1940 г., чтобы убедиться, сколь быстро и эффективно развивались вооруженные силы Германии. К тому же противник по определению не должен ждать полной готовности своего соперника. Стоит обратить внимание на то, что вермахт одерживал в 1940-1941 гг. одну победу за другой порой в

совершенно невыгодных условиях - в Норвегии, на Крите или в Ливии. Качество организации и напористость как сердцевина боеспособности - вот главные компоненты успеха вермахта того периода.

Но если этих компонентов нет, то приходится выкручиваться, в том числе пропагандистскими методами, выдавая бедность за добродетель. Продолжая традиции советско-партийной мифологии, В. Суворов в книге "Последняя республика" всерьез уверяет, что одной из основных причин поражений Красной Армии летом 1941 г. являлась нехватка топографических карт, как будто германские штабы во всех звеньях всегда имели под рукой карты местности от границы до Волги.

Перманентная организационная расслабленность наложила отпечаток на российскую военную теоретическую мысль, которая забраковала (возможно, правильно по отношению к русской армии, - вспомним М.А. Бакунина) блицкриг как способ ведения боевых действий. Но вряд ли целесообразно игнорировать то, что удавалось армиям других стран.

Высшее командование Красной Армии сумело к середине Великой Отечественной войны в полной мере овладеть искусством маневренных операций стратегического масштаба. К началу 1943 г. советское полководческое искусство практически сравнялось с немецким, а с лета 1943 г. явно превзошло его. Но не следует забывать, что к ноябрю 1942 г. немцы на Восточном фронте оккупировали территорию, равную трем Франциям, и вывели из строя около 10 млн советских солдат, что равно примерно трем французским армиям 1940 г. За это время было подбито около 35 тыс. танков и столько же самолетов, что в 8-10 раз превышало силы Франции и ее союзников в 1940 г. Но людские и материальные ресурсы Советского Союза позволили продолжать войну, так что возможности учиться военному искусству у советского командования были почти неограниченные. Солдат такую "учебу" вытерпел, но лишь к 1943 г. была преодолена порочная тактика атак живыми волнами. Хотя немецкий генерал Ф. Меллентин утверждал: "До самого конца войны русские, не обращая внимание на огромные потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях" (с. 245){6}. Но если такие атаки и практиковались дальше, то, во всяком случае, не повсеместно.

Ф. Меллентин отметил и другую напасть, свойственную командованию Красной Армии и подтверждаемую во многих мемуарах: "У русских была одна тактическая ошибка, которую они так и не смогли искоренить, несмотря на жестокие уроки. Я имею в виду их почти суеверное убеждение в важности овладения

возвышенностями. Они наступали на любую высоту и дрались за нее с огромным упорством, не придавая значения ее тактической ценности" (с. 246){6}.

Здесь подмечена существенная черта "фронтального мышления" - атаковать то, что маячит перед глазами. В стратегическом масштабе это выражалось в упорном и дорогостоящем добивании уже неопасного в оперативном значении противника. Так было с армией Паулюса, остатками немецких войск в Восточной Пруссии или на польском побережье. Но в данном случае вина лежала не столько на фронтовом командовании, сколько на Сталине как Верховном Главнокомандующем и отчасти Генштабе, нередко вынужденном следовать за оперативным мышлением вождя.

Несомненно, сильной стороной высших командных кадров Красной Армии, в отличие от царской, была их высокая степень обучаемости. К 1943 г. они в своей массе научились воевать, тогда как царские генералы демонстрировали отсутствие полководческих способностей на всем протяжении войн начала XX в.

Но кристаллизация военного искусства командования Красной Армии происходила медленно и противоречиво, чего до сих пор не хотят видеть многие военные историки. "Мы можем гордиться блестящими хрестоматийными операциями, такими как Курская, Белорусская, Берлинская и другие", - уверяет генерал-полковник Ю. Горьков в книге "Кремль. Ставка. Генштаб" (с. 18){9}. Как раз в планах Курской и Берлинской операций предусматривались шаблонные лобовые удары, и лишь обстановка вынуждала идти на маневр.

Эта кристаллизация была отягощена как родовыми недостатками российских традиций военной школы, так и крайне негативным влиянием субъективного фактора - воли Сталина и его фаворитов.

Сталину очень повезло, что он не успел до конца истребить все самое яркое и талантливое в армии. Рокоссовского выпустили из тюрьмы в 1940 г., Мерецков побывал в застенках НКВД осенью 1941 г. и уже оттуда поехал спасать Карельский фронт. Жуков избежал ареста в 1938 г., попросив помощи у хорошо знавшего его Тимошенко. А теперь попробуем представить 1941 год без Жукова, Рокоссовского, Лукина... Удалось бы тогда отстоять Ленинград и Москву "сталинским соколам" Ворошилову, Жданову, Мехлису, Буденному, Тимошенко, Кулику?

Казалось бы, это очевидные вещи - и тем более удивительным стало появление книги В. Суворова "Очищение", где на месте старых советских мифов с упоением создаются новые, а по сути те

же нафталинно-старые. В книге содержится масса недостоверного материала (например, целая глава связывает бои под Псковом 23 февраля 1918 г, с именем П.Е. Дыбенко, хотя тот появился на фронте со своим отрядом лишь в марте). В. Суворов утверждает, что репрессирование 80% высшего и 50% среднего командного состава РККА стало благом для страны и ее вооруженных сил. Даже если не брать во внимание этическую и юридическую стороны такого подхода (и впрямь, не в Англии же живем!), то по В. Суворову получается, что уровень оставшихся в живых и новых маршалов: Ворошилова, Буденного, Тимошенко, Кулика - был намного выше уровня Тухачевского, Егорова. А Уборевич и Якир в подметки не годятся Кирпоносу и Павлову. И совсем неясно, какими полководческими данными поразили воображение В. Суворова командармы сталинского набора 1941 г. - Гореленко (7-я армия), Голубев (10-я армия), Коробков (4-я армия), Музыченко (6-я армия), Собенников (8-я армия) или командующие фронтами Кузнецов (Северо-Западный), Павлов (Западный), Кирпонос (Юго-Западный), Тюленев (Южный). Ну а как могли бы воевать многие из расстрелянных, показали те, кто вышел из тюрем, - Рокоссовский, Мерецков, Горбатов, Магон, Петровский, Ворожейкин.

Война высветила все: подлинное и мнимое величие военачальников, ценность и пустозвонство идей, глубины падения и высоты взлета нашей Армии. Другое дело, что историки и разного рода пропагандисты могут затушевать одно и отретушировать другое, тем самым продолжая традиции советско-партийной историографии, к чему, увы, до сих пор имеются и объективные, и субъективные предпосылки.

"Блицкриговцы". Значение М.Н. Тухачевского как стратега

Переход Советской Армии к маневренному способу ведения войны в 1943-1944 гг. произошел не на пустом месте. И халхин-голские "канны" не есть стихийное порождение таланта Жукова. Известно, что нечто из ничего не вырастает; надо, чтобы кто-то бросил в почву семена. Посеяны они были в так называемый Тухачевский период Красной Армии, когда вопросы "быстрой войны" всерьез разрабатывались в теории и на практике. После гибели М.Н. Тухачевского и И.П. Уборевича от наследия людей, разбиравшихся в этом вопросе, остался лишь лозунг "войны малой кровью на чужой территории". А идеи этих и примыкавших к ним теоретиков были качественно новыми и в истории российской армии почти неразработанными.

То небольшое теоретическое наследие, которое могло достаться новой армии от старой, было окончательно девальвировано Гражданской войной, в которой бывшие царские генералы неоднократно терпели поражения от бывших вахмистров и поручиков. Отечественной науки о стратегии практически не стало. Попытки заменить ее цитатами классиков марксизма могли дать военным профессионалам лишь временное удовлетворение. Опыт Гражданской войны не мог быть всерьез использован против регулярных, хорошо технически оснащенных армий вероятного противника. Фактически приходилось начинать с нуля. Разброс мнений был, естественно, велик, но Вооруженные Силы требовалось строить на базе какой-то одной концепции, а не всех сразу. В выработке, принятии и реализации такой концепции М.Н. Тухачевский сыграл главную роль. Он отстаивал наступательную доктрину, которую воспринимал всей душой пламенного революционера, что характерно для политических романтиков. Тухачевский не был человеком бонапартистского склада, как хотели его представить враги. По духу он был скорее ближе к Александру Македонскому с его мечтой-идеей о всемирном государстве, устроенном на неких универсальных философских принципах, которые для XX в. Тухачевский усмотрел в марксизме. И создать такое мировое государство-федерацию средствами позиционной, оборонительной борьбы, конечно, не представлялось возможным.

В Красной Армии он был первым (и вначале единственным) человеком, который всерьез и с методической целеустремленностью занялся творческим переносом на российскую почву идей и традиций школы Х.К. Мольтке и А. Шлифена, стремившихся заранее спланированными и четко осуществленными операциями добиться быстрой победы (блицкрига) малой кровью. Творческий вклад Тухачевского состоял в том, что он совместил принципы стратегии германской

школы с совершенно новыми факторами борьбы, такими, как танки и авиация. Пока европейская теоретическая мысль билась над проблемой совмещения боевых машин с традиционными родами войск, Тухачевский разглядел в них то, что за редким исключением пока никто не видел - мощное таранное оружие оперативного масштаба. И пока Д. .Фуллер, Г. Гудериан и Ш. де Голль пытались убедить свои Генеральные штабы в революционной перспективности новых средств, Тухачевский уже формировал танковые армии (маскируемые под корпуса). Ворошилов и Сталин лишь заимствовали внешнюю сторону концепции Тухачевского, мало что поняв в его выкладках, потому и расформировали механизированные корпуса. А еще потому, что механизированная армия требовала высокого уровня-организации и управления, обеспечить который после уничтожения профессионально подготовленных кадров было невозможно.

Возможно, Тухачевский не был военным гением, он имел крупные недостатки, например страдал гигантоманией, но в отличие от своих партийных начальников он был талантливым военным мыслителем и новатором. Еще в Начале своей военной карьеры, будучи в невысоких офицерских чинах царской армии, Тухачевский уяснил огромное значение для оперативного искусства идей Мольтке и Шлифена, суть которых можно выразить следующей логической цепочкой: 1) стратегический анализ обстановки (поиск слабых звеньев у противника); 2) построение войск, нацеленных на маневр; 3) сам маневр с целью нарушения устойчивости фронта противника; 4) решающая битва,, в ходе которой противник оказывается в проигрышной позиции, воюя "перевернутым фронтом", идеальным продолжением чего является его окружение ("канны"). Вот как это выглядело на практике.

В битве при Садове в 1866 г. Мольтке осуществил нетрадиционный маневр. Прусские войска вступили в бой с австрийской армией тремя группами вместо полагающегося одного кулака. Первая армейская группа начала сражение традиционно с фронта. Затем подоспела вторая колонна и ударила во фланг. Следом в бой вступила третья группа, нацелившись на другой фланг и тыл австрийцев. Командующий австрийской армией, видя перед своим фронтом пруссаков, счел их за главные силы, как вдруг, в разгар битвы, на фланге появились новые силы. Думая, что теперь перед ним все войска неприятеля, командующий произвел перегруппировку сил, но внезапно на другом фланге появилась третья колонна противника, заходящая в тыл. Позиция перевернулась... Началась

паника, боясь окружения, австрийцы поспешно бросили поле боя.

Другой начальник Генерального штаба - А. Шлифен - модернизировал стратегию "концентрического наступления" Мольтке. Он решил уклониться от лобового столкновения с французской армией в грядущей войне. Шлифен понимал: французская армия будет развернута вдоль границы с Германией. Театр военных действий заранее подготовлен к боям: у французов там расположены первоклассные крепости - Верден, Туль, Седан, Бельфор. В такой ситуации огромные потери германской армии неизбежны, а быстрая победа сомнительна. И Шлифен предложил обойти невыгодный район, нанося удар главными силами через Бельгию. Французское командование неизбежно будет вынуждено загнуть,свой левый фланг, ослабляя центр. Но Шлифену было этого мало, и он решает продолжить наступление дальше, в глубь Франции, создавая угрозу Парижу. Противнику придется еще больше загибать и растягивать свой фланг, оставляя в то же время на границе с Германией крупные силы в ожидании концентрического удара. Шлифен планировал продвинуться еще дальше, обходя Париж и фланг французской армии не только с севера, но и с северо-запада. Тогда французским войскам, как и австрийским при Садове, придется воевать перевернутым фронтом, что обернется для них поражением.

В плане Шлифена крылся немалый риск: противник мог нанести контрудар под основание охвата. Но по расчетам Шлифена выходило, что командование французской армии не успеет разобраться с обстановкой и организовать контрнаступление надлежащей силы. То была стратегия сродни шахматному анализу. Шлифен (как в свое время Мольтке) рассчитал движение наступающих войск с такой скрупулезностью, что становилось ясно - противник попадет в цугцванг, так как он будет успевать реагировать лишь на уже сделанный ход и у него не останется времени на ход упреждающий. Противник, поворачивающийся вокруг оси, поневоле растянет свои силы по огромной дуге.

То был, наверное, первый в мире перспективный план Генерального штаба, по которому готовились вооруженные силы страны в течение длительного времени. Он не удался из-за ошибок германского командования в 1914 г., с первых же ходов отошедшего от требований плана Шлифена. Но проведенная по этим же принципам кампания 1940 г. подтвердила правоту Шлифена. Кстати, польская кампания 1939 г. велась в духе концентрического наступления Мольтке (армии из Силезии, Померании и Восточной Пруссии сошлись в районе Варшавы, расплющив польскую ащмйю).

Тухачевский не дожил до успехов стратегии блицкрига. Но прекрасно понимал ее штабную красоту в сочетании с армейской силой. Еще в 1920 г. свое наступление на Варшаву он организовал по принципам плана Шлифена. Имитируя удар с фронта, 27-летний командующий бросил основные войска Западного фронта в глубокий охват, оставляя Варшаву далеко позади, но нависая над ней с севера. Польским войскам пришлось разворачиваться на 90 градусов, не зная, когда же обрушится занесенный молот. Ю. Пилсудский в своих воспоминаниях отмечал, что в штабах царили растерянность и эвакуационные настроения, близкие к панике. А разведка ничего вразумительного о планах и дислокации войск противника доложить не могла. Однако "третья колонна, призванная, как это было при Садове, появиться на другом фланге польского фронта, не подошла. Конная армия Буденного застряла в сотнях километров от решающего сражения, осаждая Львов, т.е. вместо маневренных действий занялась позиционной борьбой. В итоге ударные силы были ослаблены и попали под контрудар. Были нарушены основополагающие принципы стратегического маневра - собрать главные силы в нужном месте в нужный момент и (принцип Мольтке - Шлифена) в нужной для победы диспозиции. Послевоенный анализ, проведенный Тухачевским, показал, что замысел не был неверным. Не хватило материального обеспечения и координации. Упреки в авантюристичности были столь же справедливы, как критика планов блицкрига германских штабов. Когда они удавались, как в 1866 и 1940 гг., критики молчали, когда терпели неудачу, как в 1914 и 1941 гг., начинали говорить про "авантюристичность". В 1920 г. у Тухачевского не было надлежащей власти для концентрации сил и времени для отработки удара. В 1941 г. у него все это было бы в избытке. Если бы...

Но идеи не умирают со смертью их создателей. Вспомним план наступления Красной Армии 1940 г. Ведь он - зеркальное отображение замысла Тухачевского! Только главный удар перенесли с севера на юг. По плану 1940 г. главный удар наносил Юго-Западный фронт на Краков с поворотом на север, а роль 1-й конной армии выполняли механизированные корпуса с Белостокского выступа. А так - та же "шли-феновская коса" с замахом вокруг главных сил противника. Стратегический почерк, совершенно не присущий командованию Красной Армии, ни тем более царской. Ничего подобного из-под пера советских генштабистов больше не выходило: не та школа. Да ее и не могло быть в 1940 г. после уничтожения основных кадров Генштаба. Поэтому новый призыв "творчески" позаимствовал чужое. Когда

Красная Армия в 1939 г. вышла на демаркационную линию с вермахтом и оперативный отдел Генштаба засел за разработку нового плана, то ничего лучше, чем замысел Тухачевского, чьи лекции генштабисты слушали в академии, изобрести не смогли. Но Тухачевский пытался применить свой план к польской армии, и только к ней. А молодые операторы Генштаба во главе с опытным, но не хватающим звезд с небес Б.М. Шапошниковым, - к германской. Поэтому у них получалась странная вещь: план обрывался на самом интересном месте - когда Красная Армия, после прорыва к Бреслау и поворота к Балтике, подставляла себя под фланговый удар из Силезии. Получается, что в своих академических конспектах операторы Генштаба на сей счет ничего прочитать не могли, а потому поставили жирную точку. Решили: война покажет, как действовать дальше. План 1940 г., а также аналогичный проект плана от 15 мая 1941 г. доказывают две вещи. Во-первых, замысел Тухачевского 1920 г. основывался на объективных предпосылках, поэтому он и был воспроизведен в общих чертах в последующем. Во-вторых, высокий уровень стратегического таланта Тухачевского.

Тухачевский пришел к выводу: раз главным в концепции блицкрига является скорость движения войск, что приводит к эффекту цугцванга, то требуемую скорость может дать лишь моторизация войск. Отсюда логично вытекала идея о механизированных корпусах. В 1932 г. Тухачевский был среди тех, кто выступил за формирование первых в мире механизированных корпусов, имевших более 500 танков и 200 автомашин. (Отметим, как точно было рассчитано требуемое количество танков в корпусе. В 1940 г. Сталин санкционировал увеличение штатов до 1031 танка, но этого оказалось слишком много. Война показала, что оптимум 500-600 танков)

Единомышленниками Тухачевского стали Уборевич и Якир, которые учились в военных академиях Германии и, значит, были знакомы с концепцией Мольтке Шлифе -на, но не Ворошилов с его узким оперативным кругозором. Возник неизбежный конфликт не только с никчемным наркомом обороны, но и с его всесильным патроном, который мог завершиться лишь устранением одной из сторон. Устранили "блицкриговцев": В 1939 г. танковые корпуса расформировали. Но практика войны 1939-1940 гг. наглядно показала, насколько правы были "вредители". В 1940 г. был отдан приказ вернуться к мехкорпусам. Восстановление пошло, но по принципу "утрем нос Тухачевскому". Тот создал 2 мехкорпуса за четыре года, а Сталин приказал сформировать 20 буквально за год. У "вредителя" в корпусах было 560 танков, а в новых - штаты удвоены. И не

важно, что для создания корпусов не было ни техники, ни людей, ни навыков управления...

В 1937 г. Красная Армия обладала такой структурой ударной мощи, какой вермахт не имел даже в 1939 г., нападая на Польшу. (Вермахт располагал 1700 танкетками с пулеметным вооружением Т-I и 1400 танками с пушечным, сведенными в худосочные корпуса.) И лишь в 1940 г. на полях Франции появились танковые группы, равняющиеся по мощи тем мехкорпусам, что создавались Тухачевским. Но разве Тухачевский остановился бы на достигнутом к 1937 г.? Конечно, нет. Продолжай бронетанковые войска развиваться естественным путем, в 1941 г. с танками Т-34 и КВ Красная Армия имела бы ударную мощь, какой вермахт смог бы достичь разве что в 1943 г. Это означало, что у танковых групп Клейста и Гудериана летом

1941 г. не было бы шансов на успех, потому что тройное превосходство в танках у Красной Армии дополнялось бы превосходством надлежащего качества организации. Значит, вермахт мог быть разбит уже в 1941 г., ибо его главной ударной силой являлись танки. Но Сталин внес свои коррективы в "план Тухачевского", и его потенциальные возможности не были реализованы. Бурно развивавшаяся Красная Армия в 1938-1939 гг. потеряла темп. Ее передовая авиация и танковые войска превратились в заурядные. Если этот процесс сравнить со скачками, то РККА подсекли, когда она шла в лидерах, и вперед вышел вермахт. (Правда, на эту ситуацию можно посмотреть с другой стороны. Ведь Сталин, расстреливая большевиков, в сущности, спасал Европу. Будь во главе РККА Тухачевский и Уборевич, советские танки как минимум дошли бы до Рейна. А максимум?)

Любая теория уже реалий жизни. Поэтому теории Д. Дуэ, Д. Фуллера или А. Мэхэна верны лишь частично. Задача политической или военной теории - верно угадать тенденцию развития и контуры тех сил или средств, которые в наибольшей степени повлияют на будущие события. У Тухачевского, как и у других военных теоретиков, можно найти много неверных оценок, пробелов и перехлестов, но тенденции надвигающейся войны он уловил очень точно. Он готовил Красную Армию к войне с Германией и к мировой в целом. Войне танково-механизированной, тотальной, бескомпромиссной, цель которой - полный разгром и уничтожение противника. Войне идеологической, войне маневренной. И еще он хотел научить Армию "блицкригу". Тому, чего не умела старая армия, чему не научилась Красная Армия, и чего не умеет современная. В этом вопросе Тухачевский стоит в истории отечественной военной

мысли совершенно особняком.

Но Тухачевский и Уборевич успели сделать одно чрезвычайно важное дело воспитать из части офицеров профессионалов, пригодных по складу мышления и кругозору к будущей войне. Тухачевский делал это преимущественно через статьи, книги, лекции, совещания. Одному из участников учений 1925 г. в Белоруссии запомнилось следующее характерное обращение Тухачевского к присутствующим на разборе командирам: "Советую всем вам хорошенько вчитаться в замечательную книгу немецкого военного мыслителя фон Шлифена "Канны". Но тут же предостерег: "Постигайте не только искусство создавать "канны", но и искусство избегать "канн". На войне второе нужно не менее первого", - и самокритично сослался на свой опыт похода на Вислу (с. 69-70){7}. Как бы пригодился такой методологический подход нашим военачальникам в 1941 г.!

Единомышленник Тухачевского Уборевич всем этим принципам учил на маневрах. А учиться у него было чему. Г.К. Жуков отзывался об Уборевиче как о большом знатоке оперативного искусства и тактики. И.С. Конев считал, что "в его лице наша армия понесла самую тяжелую утрату". А эти маршалы в военных вопросах разбирались. Мемуаристы в один голос называют Уборевича выдающимся "воспитателем войск". Наиболее детально это понятие раскрыл в своих воспоминаниях К.А. Мерецков. Любопытен выбор эпизодов этого опытнейшего штабиста и военачальника. Мерецков сообщает, что Уборевич максимально приближал военные игры к боевым условиям. Для чего это нужно - понятно. Добивался от командиров ясных приказов. Ну и что? Мерецков как бы отвечает на возможный вопрос читателя следующим примером. Один командир на учениях написал длинный приказ, поэтому его передача по связи затянулась. Начало учений задерживалось. Тогда Уборевич, руководивший учением, распорядился условному противнику перейти в наступление. Мелочь? Но ведь именно такая история произошла в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Пока из Москвы передавалась в штабы округов длинная директива о приведении войск в боевую готовность, враг "внезапно" атаковал их.

А вот еще одна показательная "мелочь", приведенная Мерецковым. Начальник штаба одного из соединений на учениях ошибся с определением времени для прибытия части на учения. Реакция Уборевича выражена в его вопросе к начштабу: "Как же это вы смогли допустить такой просчет?!" Наш современник, возможно, не поймет смысл вопроса и тем более реакцию начштаба. "Впоследствии Шиловский признался мне, - вспоминал Мерецков, - что вопрос командующего потряс его больше и

глубже, нежели возможное замечание, и он никогда и ничто так не переживал, как в этот раз".

Господи! Да отчего же потрясаться? Ну не вышло соединение куда следует в намеченное время из-за просчета... Стоп! Суть дела в слове "просчет". Когда начнется война, подобного рода просчетам будет несть числа. Дивизиям и корпусам будут отдаваться приказы с указанием нереальных сроков выдвижения и наступления, за которыми последуют жертвы и поражения. "Воспитатель войск" Уборевич прекрасно понимал цену подобных просчетов и пытался добиться этого понимания у своих подчиненных. И начальники штабов у него знали: там, где речь идет о жизни солдат, о возможности поражения войск, "просчетов" (аналог халатности) быть не должно. Увы, традиции "просчетов" глубоко въелись в отечественный управленческий организм. Складывается впечатление, что не только у военачальников, но и у некоторых руководителей государства методика "просчетов" - основная в управленческом арсенале. В своей сфере Уборевич добивался повышения уровня управления, что, в сущности, является синонимом, понятия "высокая штабная культура".

Уборевич занимался тем, что можно определить двумя словами, "боеспособность войск". Но не бывает боеспособных войск без толковых, профессионально подготовленных командиров. Мемуаристы (от Василевского до Мерецкова) в один голос свидетельствуют: им многое дала работа с Уборевичем. Именно в Белорусском округе времен командования Уборевича прошли свои командные и штабные университеты: командующие фронтами в Великую Отечественную войну и будущие маршалы - Г. К. Жуков (в БВО командир дивизии), Р.Я. Малиновский (оперативный отдел штаба округа), К.А. Мерецков (начальник штаба округа), К.К. Рокоссовский (командир корпуса); начальники штабов фронта, тоже будущие маршалы - М.В. Захаров (начальник оперативного отдела округа), В.Д. Соколовский (командир дивизии); командующие армиями - А.В. Горбатов (командир дивизии) и В. Колпакчи (штаб корпуса). Жуков решительно и уверенно пошел на такую сложную операцию, как окружение, он уже отрабатывал этот тип операции на картах и маневрах под руководством "блицкриговцев". Напомню, что в боях с чеченскими сепаратистами в 1995-1996 и 1999 гг. наши генералы много раз имели возможность окружать их отряды, но, несмотря на небольшую численность боевиков и свое подавляющее превосходство в огневых средствах, ни разу не добивались успеха. Это значит, что они не умеют проводить сложные операции такого рода, их к этому по-настоящему не

готовили. Поэтому несерьезно было бы считать, что Жуков, не учившийся в академиях, запросто мог окружить и уничтожить на Халхин-Голе целую армию хорошо подготовленного противника по наитию, не имея никаких предварительно наработанных схем и навыков.

Хотя большая часть сослуживцев и воспитанников Тухачевского и Уборевича была уничтожена (Рокоссовский, Мерецков и Горбатов чудом выжили в застенках), та горстка, что осталась от "школы Тухачевского" и воспитателя маршалов Уборевича, сыграла ведущую роль в Великой Отечественной войне.

И последнее. Так за что расстрелял Сталин Тухачевского и Уборевича? Они были коммунистами, но не были сталинцами. В этом состояла их главная вина и опасность для диктатора. Поэтому Сталин осуществил свою "ночь длинных ножей", заменив "нейтральные кадры" лично ему преданными. Вот и вся разгадка "очищения".

Сталин как военный стратег и политик

Солдаты сильны своим командиром. Армия - своим командованием. В годы войны особое значение для действующей Армий приобрела Ставка Верховного Главнокомандования. О ее успехах написано много. Но были у нее не просто неудачи, а настоящие провалы. Ставкой, а вернее персонально Сталиным как диктатором страны и Главковерхом, в ходе войны были допущены шесть крупных (по существу дела, преступных) стратегических ошибок, имеющих общую природу и серьезно повлиявших на сроки войны и размеры потерь.

Первая преступная ошибка связана с абсолютно неверной оценкой планов Германии на 1941 год. Высшее военное командование РККА - от наркома обороны до штабов приграничных округов - видело приближение опасности. Проект директивы от 15 мая 1941 г. - одно из ярких тому подтверждений. Но все усилия военных разбивались о твердокаменную позицию вождя. Ошибиться может каждый, но Сталин не взял вину на себя, хотя единственным виновником был он, а подло переложил ее на других, расстреляв группу генералов Красной Армии, лишив их чести как офицеров и граждан.

Следствием стратегической ошибки Сталина был шок в штабах приграничных округов, которых убеждали в отсутствии прямой опасности, что способствовало развалу обороны, особенно в Белоруссии и Прибалтике.

Вторая ошибка определилась "суетливой" директивой No 2 от 22 июня 1941 г., по которой войскам приграничных округов была поставлена нереальная задача немедленно перейти в

контрнаступление. Это мероприятие, не обеспеченное ни временем на подготовку, ни разведкой, ни знанием сложившейся обстановки, привело к тяжелым потерям. Особенно тяжелые последствия данная директива имела на Юго-Западном фронте, который располагал всеми необходимыми силами для отражения удара. Ввод в бой механизированных корпусов без средств обеспечения их контрудара привел к быстрому уничтожению их материальной части. Оставшись без танков, Юго-Западный фронт был обречен на поражение.

Третья ошибка связана с требованием Верховного Главнокомандующего не отводить войска Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. из-под Киева, в тот момент, когда явно обозначилась угроза их окружения. Это повлекло за собой быстрый разгром фронта, потерю Харькова и большей части Донбасса.

Четвертая серьезная ошибка была допущена в ходе контрнаступления под Москвой. Войскам и командованию навязали директиву от 5 января 1942 г., требовавшую организовать наступление на большинстве фронтов. Это привело к распылению стратегических резервов и проведению ряда наступательных операций без существенного ущерба для противника. Нехватка сил обрекла Западный фронт на фронтальное давление на позиции группы армий "Центр" с быстрым расходованием фронтовых и армейских резервов. Это дало врагу возможность прийти в себя и организовать эффективное сопротивление, что фактически спасло его от разгрома.

Пятая ошибка аналогична предыдущей. Распыление стратегических резервов в ходе зимней кампании 1943 г. позволило германскому командованию не только избежать полного поражения на южном крыле Восточного фронта, но и организовать успешное контрнаступление. При надлежащих подкреплениях, которые имелись у Ставки, войска Воронежского и Юго-Западного фронтов вполне могли удержать Харьков и другие освобожденные районы. Однако 1-я танковая армия и 68-я армия были усланы под Демянск. Остались неподвижными крупные группировки советских войск на пассивных участках, в то время как немецкое командование активно маневрировало своими силами.

Шестая ошибка заключалась в том, что Сталин в 1945 г. заставил войска в Польше и Восточной Пруссии втянуться в бои с группировками противника, не представлявшими к тому времени оперативной опасности. Это вызвало ненужные и многочисленные солдатские жертвы и оттянуло начало Берлинской операции, а с

ней и окончание войны примерно на месяц.

Здесь перечислены главные ошибки Сталина, не считая более "мелких", вроде упрямого использования Букринского плацдарма на Днепре, что отодвинуло освобождение Киева примерно на месяц.

То что Сталин не был ни даровитым военным стратегом, ни тем более полководцем, наверное, с очевидностью следует из всего содержания книги.

Сталин нигде не проявил себя проницательным стратегом в отношении противника, а это основополагающее качество подлинного полководца. Его оценки боевых возможностей финской армии в 1939 г. и способности к удару Германии в 1941 г. оказались убийственно поверхностными. Плохо, когда государственный деятель ошибается, но еще хуже, когда он демонстрирует твердолобость. Никакие доводы военных специалистов не заставили Сталина изменить свою точку зрения. В обоих случаях он подставил Красную Армию под удар, обрек ее на тяжелые потери.

В 1937-1939 гг. Сталин провел генеральную чистку Вооруженных Сил страны, после которой армия стала совершенно послушной ему. И небоеспособной! Если, конечно, ей не противостоял в несколько раз меньший по силам противник, вроде финской армии, и если войска не возглавляли не уничтоженные в ходе репрессий командиры "старой" выучки Тухачевского - Уборевича.

Подбор высших военных кадров - это еще один из сталинских провалов. Выдвинутые им после чистки командные кадры в 1941 г. ничем замечательным себя не проявили. К середине 1942 г. почти все скороспелые командные кадры "сталинского призыва" - командующие фронтами, армиями, мехкорпусами - либо завершили свою военную деятельность в "котлах", погибнув или попав в плен, либо ушли на вторые роли. Среди заканчивающих войну военачальников не осталось ни одного выдвиженца 1937-1940 гг. Командовали фронтами на завершающем этапе: три подчиненных Уборевича (Жуков, Мерецков, Рокоссовский); один выдвиженец войны - Черняховский (начал войну командиром дивизии); остальные относятся к людям с нормальным, т.е. -без феерических скачков, послужным списком. В 1937 г. Говоров, Толбухин, Петров были комбригами, Еременко и Конев - комдивами, Баграмян и Малиновский - полковниками. Войну они начали в звене корпус - армия - штаб округа. Это нормальный служебный рост.

Просто позорным является то обстоятельство, что все четыре предвоенных маршала с 1942 г. "отведены" в тыл. Кулик

разжалован в генерал-майоры. Заканчивали в тылу все военачальники, выходцы из 1-й конной армии (маршалы Буденный, Ворошилов, Тимошенко и генерал Городовиков). А ведь за каждым из них тянется шлейф проваленных операций, понапрасну пролитая кровь.

С учетом уничтожения военных и технических кадров впору было поставить вопрос о вредительской деятельности секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина. И любой Ульрих или Вышинский проголосовал бы за расстрел через 20 минут после рассмотрения содеянного. Но тем и хороша "должность" диктатора, что все ошибки списываются на других, а специально подобранные историки обеляют и возвеличивают преступника.

Защитники Сталина ссылаются иногда на то обстоятельство, что репрессируемые также не были ангелами. Да, это так. Маргинальная природа большевизма вовлекала в свою орбиту людей, способных на жестокость в любой форме. Ненависть и нетерпимость (якобы "классовая") являлись составной частью официальной идеологии большевистской версии марксизма. Ничего другого от типично левацкого течения в революционном движении и ждать нельзя было. Но с приходом к власти и ее упрочением, т.е. с окончанием своего маргинального, подпольного существования, происходит неизбежное обмирщение ее представителей ("обуржуазивание" по терминологии фанатичных сторонников подпольной чистоты умонастроений). С годами они становятся нормальными людьми, выполняющими свои гражданские функции в обществе. Такую эволюцию, например, проделал Н.И. Бухарин.

Трагедией для страны становится насильственная попытка прервать этот естественный процесс. Сталин в 1936- 1938 гг. вновь ввергает партию в маргинальное состояние. Он распространяет на нее новую гражданскую войну, начатую со своим народом в 1929 г. Все животное, низменное, столь характерное для гражданской войны, - этой войны без правил, стало знаменем борьбы. От людей, в сущности, требовалось одно - стать подлецами и преступниками, доносить друг на друга, обливать грязью своих недавних товарищей, сослуживцев, а самим раболепствовать. Процесс "оцивилизовывания" кадров был грубо прерван. (Искусственность подобной "классовой борьбы" доказывает то обстоятельство, что люди, активно участвовавшие в репрессиях, сразу же свернули и осудили их после смерти диктатора. И процесс "оцивилизовывания" благополучно пошел дальше.) Качественному управлению маргинализация наносит колоссальный урон, хотя происходит известная консолидация власти. Страх цементировал государственную дисциплину.

Именно этот фактор приводит в восторг ценителей Сталина. На деле же происходит и происходило разложение Власти. Общество теряло гибкость. Скрепы между "верхами" и "низами" держались в немалой степени благодаря насилию. Правдивая информация вытеснялась приукрашенной. И как следствие гром среди ясного неба. При сильном толчке централизованная, казавшаяся сверхпрочной империя стала неожиданно разваливаться.

1941 год характерен не только тем, что Красная Армия терпела военные поражения. Дал течь и опасно накренился весь государственный корабль. Сам капитан, то есть Верховный Главнокомандующий, оказался не на высоте положения.

В ходе руководства Сталина Вооруженными Силами дважды пришлось восстанавливать разбитые Северо-Западный (июнь - июль, сентябрь 1941 г.), Юго-Западный (сентябрь 1941 г., июль 1942 г.) и Южный фронты (октябрь 1941 г., июль - август 1942 г.), трижды Западный фронт (июнь, июль, сентябрь 1941 г.). Полностью разгромлен Крымский фронт (май 1942 г.). Только в летне-осенние месяцы 1941 г. было разбито в общей сложности около 250 советских дивизий, что вдвое превышало англо-французские силы в 1940 г. Какие еще вооруженные силы выдержали бы такое командование?

В частном письме Г. К. Жуков, не связанный путами цензуры, писал о Верховном: "В начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать. Он прежде всего тогда плохо разбирался в способах, методиках и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом, как германская армия... Особо отрицательной стороной Сталина на протяжении всей войны было то, что, плохо зная практическую сторону подготовки операции фронта, армии и войск, он ставил совершенно нереальные сроки начала операции, вследствие чего многие операции начинались плохо подготовленными, войска несли неоправданные потери, а операции, не достигнув цели, "затухали""{8}.

Л.Н. Толстой, размышляя о войне, в том числе о войне с превосходящим по силам противником, приходил к простой и мудрой истине: "Верь, голубчик, говорил Кутузов Андрею Болконскому, - нет сильнее тех двух воинов, терпение и время". Сталин дошел до этой истины ценой огромных напрасных жертв.

Конечно, Сталин работал над собой, постепенно избавляясь от дилетантизма и торопливости, с течением времени стал больше прислушиваться к мнению военных специалистов. Но велика ли в этом его заслуга? Думается, любой, даже глупый человек поступил бы со временем точно так же.

Подлинная сила Сталина как Главнокомандующего

заключалась в его советниках, таких, как Жуков и Василевский, военачальниках фронтового и армейского звена и, наконец, во все терпящем солдате. Прямые же, единоличные вмешательства Сталина в руководство войсками обычно ни к чему хорошему не приводили. "И где кончается железная воля, и где начинается непостижимое упрямство, стоящее десятков тысяч жизней и целых кладбищ загубленной техники, не всегда сразу поймешь, - размышлял К. Симонов в "Живых и мертвых". - Да, слушает, рассматривает и одобряет планы, принимает во внимание, не отмахивается от советов и донесений... Но это все до какой-то минуты - а потом последнее слово за ним, и слово это - иногда единственно верное решение, а иногда вдруг рассудку вопреки... и никто никакими доводами уже не заставит передумать! А вся тяжесть положения в том, что оно, это его последнее слово, все равно всегда правильно, даже когда оно неправильно... и виноватые в неудачах найдутся. Должны же они каждый раз находиться, если он всегда прав".

Лучше о сути диктаторской гениальности, пожалуй, не скажешь. Потому Россией управлять всегда легче было, чем Швейцарией или Норвегией. Там не до "гениев". Слишком велика цена ошибки. Там надо двигаться наверняка. А если в России из-за ошибок "гения" вымрет несколько миллионов людей - что с того, все равно останется еще много. И "победа будет за нами".

Сталину повезло, и не более того. Не будь у страны обширных пространств, у армии талантливых полководцев, а у государства - огромных материальных возможностей и людских ресурсов - никакая сталинская воля и никакая его гениальность не спасли бы режим от краха. Таким образом, на давний вопрос: мог ли СССР выиграть войну с Гитлером без Сталина - ответ получается однозначный: мог, причем гораздо быстрее и с меньшими потерями.

Красная Армия могла противопоставить вермахту силы, во много раз превосходившие англо-французские армии в 1940 г. И это при том, что последние могли отступать на глубину максимум 500 км, дальше начинался Атлантический океан, а Красная Армия, отойдя на 800 км, имела возможность сохранять боеспособность и даже, при необходимости, отступать еще дальше. "Кутузовский вариант" войны был фактически вновь испробован в 1941-1942 гг. и вновь доказал свою эффективность. Однако незаурядная фигура диктатора до сих пор завораживает иных историков. Так, генерал-полковник Ю. Горьков, написавший интересную книгу о работе Ставки, утверждает: "Думаю, даже фанатичные антисталинисты не станут утверждать, что И.В. Сталин не сыграл никакой положительной роли в Великой

Отечественной войне. Поэтому воздадим каждому по делам его" (с. 19){9}.

Если бы Николая II, Верховного Главнокомандующего российской армии в Первой мировой войне, не свергли с престола (чего не произошло со Сталиным в силу предпринятых им превентивных мер), то через год с небольшим Российская империя праздновала бы Победу. И тогда историки тоже писали бы о "положительной роли" царя, как писали о его прадеде Александре I. Конечно, вряд ли даже ярый антисталинист будет утверждать, что Сталин не сыграл вообще никакой положительной роли как руководитель, но то же самое можно сказать о члене Ставки Л.П. Берии, о наркоме путей сообщения Л.М. Кагановиче, о наркоме иностранных дел В.М. Молотове и даже о Л.З. Мехлисе. Дай любому человеку власть и право ворочать миллионами, и помимо бед, которых он наделает, где-нибудь всплывет и его положительная роль. Вопрос в другом: во что обошлась эта "положительная роль" народам Советского Союза? И не оказалась ли победа в войне пирровой победой, которая вместе с предыдущими репрессиями подготовила почву для выморочной инертности нынешнего поколения?

И наконец, следует задаться вопросом: кого следует считать полководцем? Много ли найдется людей, которые смогли бы утверждать, что они в состоянии выиграть войну против превосходящих сил врага с потерями, не превышающими десятой части своей армии, как это делали Наполеон или Суворов, Мольтке или Гудериан? И сколько бы нашлось кандидатов в генералиссимусы на других условиях: выиграть войну с любыми мыслимыми и немыслимыми потерями, оставляя сколь угодно обширные территории своей страны, одновременно располагая талантами лучших военачальников, а также получая помощь от могущественных союзников?

Советские историки и пропагандисты любили повторять высказывания Жукова и Василевского о том, что к 1943 г. Сталин стал неплохо разбираться в оперативных вопросах, не понимая, что эта оценка, наоборот, унижает и развенчивает Сталина как полководца и главнокомандующего. Итак, согласимся, что Сталин стал сносно разбираться в насущных вопросах боевых действий с 1943 г. И остается удивляться тому, сколь долог был путь к познанию у вождя. Еще в 1918 г. он являлся фактическим командующим Царицынским фронтом. В 1920 г. Сталин - член Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Став руководителем страны, он, в силу своей должности, постоянно занимался военными вопросами, имея таких сведущих советников, как Егоров, Шапошников, Тухачевский. С 20-летним багажом

постоянного соприкосновения с военными вопросами, он возложил на себя обязанности Верховного Главнокомандующего в 1941 г., но багаж оказался почти пустым. Потребовалось еще два кровавых года непрерывного обучения под попечительством Жукова и Василевского, чтобы его очередные Учителя могли констатировать: ну, наконец-то! Думается, что за четверть века можно научить и куда более посредственных людей. На деле же у Сталина не было способностей к военной науке, а плата за обучение оказалась чрезмерно велика. Как тут не вспомнить Рузвельта и Черчилля, которые, являясь Главнокомандующими, не вмешивались в оперативные вопросы (хотя Черчилль был военным министром еще в Первую мировую войну) и не учились военной науке за счет жизней своих граждан.

"Да, скифы мы, да азиаты..." - сказал поэт. И если народ отдал за Победу столько своих граждан, сколько не может позволить ни одна страна в мире, то глава государства не имеет морального права величать себя полководцем. Де Голль справедливо писал о Сталине: "Он был удачлив потому, что встретил народ до такой степени живучий и терпеливый, что самое жестокое порабощение его не парализовало, землю, полную таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить, союзников, без которых нельзя было победить противника, но которые без него также не разгромили бы врага" (1990, No 3, с. 24){10}. Лишь последнее утверждение требует уточнения: не "без него", а без русского народа.

Сталин привлекателен главной чертой своего характера - волевой целеустремленностью, что делало его хорошим администратором. В сочетании с умом (умом особого - макиавеллистского - склада), работоспособностью, цепкой памятью это производило сильное впечатление на людей, знавших его или изучавших его деятельность. И сейчас производит на фоне отсутствия этих качеств у последующих руководителей страны. Но нельзя забывать, что эта волевая личность, по сути, провела этническую чистку в стране. В российской деревне были уничтожены хозяева-землепашцы, в городе выкорчевано торговое сословие и лица свободных профессий. От "враждебных элементов", имевших свой взгляд на вещи и независимый талант, очищалась интеллигенция, в том числе военная. Досталось и "гегемону", превращенному в разновидность крепостного сословия. К 1941 г. в народе еще хватало талантов, и национальный надлом произошел много позже. Но обильное кровопускание 1930-1940-х гг., с культивированием сервилизма как черты народного характера, внесло свою лепту в оскудение национального духа,

проявившееся в последующие десятилетия.

Народ на войне

Советскому народу так долго и навязчиво внушали, что война была выиграна благодаря гению Сталина, что многие и впрямь в это поверили. На самом деле народ в войне "подставили". Его вынудили героически преодолевать искусственно созданные трудности.

Коллективизация подорвала сельское хозяйство. Колхозы превратились в поселения аракчеевского типа, хотя были получены дополнительные средства на милитаризацию. Репрессии военных и технических кадров ослабили армию, но цементировали сталинский режим властвования. Игры диктатора с Гитлером способствовали развязыванию войны на Западе, большевизации приграничных территорий и одновременно привели к трагичной развязке 22 июня.

Сталин - руководитель "экстенсивного типа". Его методы руководства могло выдержать лишь государство с огромными материальными ресурсами. Какая-нибудь Швейцария или Англия не, смогла бы устоять после сталинской коллективизации и индустриализации. Народ там либо вымер бы, либо восстал. Наш народ выдержал все.

Рабочие и колхозники перешли на полувоенное положение еще в 30-е гг., и на полный военный режим в 1940 г., когда был введен "Закон о переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю". Были запрещены добровольные увольнения с предприятий, введены суровые наказания за опоздания на работу вплоть до тюремного заключения. Если бы такие меры ввело в мирное время какое-нибудь буржуазное правительство, то советская печать незамедлительно заклеймила бы их как "антирабочее законодательство". Но советским рабочим, считало советское правительство, все на пользу, что бы оно с ними ни делало. Думали ли так сами рабочие и колхозники, прояснилось в первые же недели войны, когда одни из них, одетые в солдатское обмундирование, сдались в плен, а многие другие легко покидали свои позиции. Открытое недовольство прорывалось и в тылу.

В журнале "Исторический архив" была опубликована подборка документов об антисоветских выступлениях рабочих-ткачей Ивановской области в октябре 1941 г. В докладных местных партийных органов в ЦК ВКП(б), в частности, сообщалось:

"Забастовочные настроения... гуляют среди значительной части рабочих текстильных фабрик";

"В одном лишь цехе за 30-40 минут до начала работы ночной

смены собрались человек 120 рабочих, разбившись на 3 группы, в каждой проходила оживленная беседа. В одной обсуждался вопрос, при ком лучше жить: при советской власти или при Гитлере, а в другой утверждали, что в войне будет победителем Гитлер, в третьей группе заявляли, что наших красноармейцев на фронте "как косой косят"" и т.д.;

"Работница прядильной фабрики комбината "Большевик" заявила: "Сохрани Бог от победы советской власти, а вас всех, коммунистов, перевешают". Банкоброшница Чернышева Н., комсомолка, работающая на фабрике им. Шагова... заявила: "Кто бы только начал забастовку, а мы поддержим"";

"20 октября с.г. на фабриках г. Приволжска вражеские элементы спровоцировали антисоветское выступление, в котором участвовало 200-300 чел., а всего же в этот день не работало 897 рабочих..." (с. 112, 116, 117, 133){11}. И так далее. Это были, согласно официальной идеологии, "хозяева страны", носители "диктатуры пролетариата".

Но ведь опубликована лишь малая толика того, что происходило на самом деле в умах и душах людей, что накопилось за годы "победоносного социалистического строительства" и что рвалось наружу.

Оппозиционно настроенной части народа приходилось выбирать между Внутренним Завоевателем (сталинским оккупационным режимом) и Внешним Завоевателем. И народ, и колхозник в серой шинели, выражаясь партийным новоязом, "колебнулись", но устояли в своей лояльности, выбрав меньшее зло. Свой дракон привычнее чужеземного. Сталин объявил войну "Отечественной", а слово "Родина" в лозунгах чаще всего употреблялось без прилагательного "социалистическая" и "советская". Сам диктатор назвал подданных своими "братьями" и "сестрами" и психологически сразу выиграл (вот психологом он был гениальным без всяких кавычек). Одновременно швею работали особые отделы, военные трибуналы и создавались заградотряды, имевшие право расстреливать военнослужащих без суда. Беспрецедентный случай для "народной" армии, а уж для "капиталистической" и подавно.

Сохранив лояльность верхам (выбросить лозунг "поражения своему правительству", как это некогда сделали большевики, уже было некому), народ привычно взвалил на себя тяжесть войны и ошибки вождей. Огромная убыль на фронт мужчин восполнялась в тылу подростками, женщинами и стариками. Доля молодежи до 18 лет в общей численности рабочих и служащих промышленности выросла с 6% в 1939 г. до 15% в 1942 г. В колхозах работало 95% всех подростков и 96% стариков и

больных (с. 14, 15){12}. В Красную Армию широко призывались и женщины, и не только на "женские" специальности вроде телефонисток, но и на солдатские места (летчики, зенитчики, саперы, вынос раненых с поля боя), чего не было, например, в армии фашистской Германии.

О том, что творилось - у кого в большей, у кого в меньшей степени - в душах вынужденно молчащих людей, могут рассказать удивительные дневниковые записи учителя из Донбасса Александра Копенина, опубликованные в журнале "Родина". Их уникальность в глубине и точности понимания происходящего в условиях отсутствия альтернативной информации. Завесу над действительностью ему приоткрывала душевная боль за страну, народ и природный аналитический ум.

10 августа 1942 г. Копенин записал: "На Кубани наши войска отступают. Чем это объяснить? Первой причиной является бездарность нашего Верховного Главнокомандования. Сталин по своей узкой и властной натуре портит все дело. Он не дает свободы и возможностей проявления инициативы отдельным командирам. Он убивает маневренность и гибкость нашей армии... Отсутствие маневренности у нас и наличие ее у немцев - вот первая причина наших неудач".

5 декабря 1942 г.: "Ход войны показал с явной очевидностью, что командование наше бездарно - но сказывается упорство, техника и мужество народа, подхлестываемое жестокостью. Демократические народы на такие лишения и на такое напряжение не способны. Поэтому надо признать за счастье человечества, что две однородные системы диктатуры оказались в различных лагерях, а иначе англичане войну могли бы проиграть".

16 декабря 1943 г.: "Мою душу посещает страшный гнев не только на немцев, но и на большевиков, которые в 20-м веке первые открыли зверства над мирным русским народом. Они с начала Гражданской войны начали истреблять русский народ, самую лучшую его часть. Они делают это и до наших дней. Достаточно указать на тюрьмы, которые и зовутся в народе вторым фронтом... Я вполне понимаю крестьян, которые не особенно возмущаются зверствами немцев, говоря, что и у нас не лучше поступают большевики с народом".

И последняя цитата из дневника этого талантливого стихийного политолога: "Я часто в уме сравниваю поступки и роль в истории деспотов-диктаторов с сильно действующими лекарствами, которые на время возбуждают организм, а потом ему становится еще хуже, и, в конечном счете, он гибнет без времени" (с. 95, 97, 98, 97){13}.

Глубочайшее наблюдение, которое не мешало бы осмыслить всем любителям "вождей", тем более что оно полностью подтвердилось историей Советского Союза.

Народ принял вызов гитлеризма и победил. Но плодами победы воспользоваться не мог. Политический урожай собрал сталинизм, продлив жизнь своей системы еще на несколько десятилетий. Распространение гегемонии на Восточную Европу и Дальний Восток, конфронтация с западными демократиями заставили без передышки начать новую гонку вооружений и расходовать колоссальные средства на далекие от нужд народа цели. В очередной раз в России сложилась парадоксальная ситуация - победители проиграли. В 1812 г. победа народа в Отечественной войне продлила существование крепостничества. Лишь поражения - будь то в Крымской или русско-японской войнах - способствовали политическому прогрессу государства. Точно так же поражение в "холодной войне" Советского Союза стало катализатором демократических преобразований в России. [356}

И как долго поражения будут крестным путем нашей страны?

Качество войны зависит еще и от того, какое оружие дается солдату, армии, в каких пропорциях расходуются верхами средства, собранные с народа. v

"Кулаки" бога войны

Танки и авиация были новыми родами войск, но именно они оказали решающее влияние на ход военных действий. Несокрушимость позиционной обороны времен Первой мировой войны осталась в прошлом. Пехота могла держать оборону достаточно долго лишь там, где местность не благоприятствовала танковым атакам.

Танки - оружие наступательное, и Красную Армию готовили к наступательным действиям. К началу войны танкопарк РККА впятеро превышал танковые силы вермахта. Причем советские машины превосходили немецкие по тактико-техническим данным, особенно в среднем классе - самом главном для боя. Казалось бы, у немцев не было никаких шансов в танковом единоборстве. Но произошло чудо. Советские танковые войска потерпели сокрушительное поражение. Открытого боя не смог долго выдержать ни один корпус, ни одна дивизия. Лишь действия танковых бригад из засад в октябре 1941 г. принесли первые успехи. Генерал танковых войск Ф. Меллентин дал следующую характеристику эволюции танковых войск Красной Армии: "Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное

умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Первые операции танковых армий заканчивались полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовалась неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, а в случае прорыва наших позиций прекращали движение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех... Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть, однако уже зимой 194243 года в их тактике появились первые признаки улучшения... Лишь в 1944 году крупные русские танковые и механизированные соединения приобрели высокую подвижность и мощь и стали весьма грозным оружием в руках смелых и способных командиров. Даже младшие офицеры изменились и проявляли теперь большее умение, решительность и инициативу" (с. 248-249){6}.

Прилежный ученик может превзойти своего учителя. И наоборот, учитель может растерять свои достоинства. Уже в 1941 г. германское командование избрало принципиально неверный путь дальнейшего организационного развития бронетанковых войск. Танковые группы стали объединяться с пехотными дивизиями. Переименованные в танковые армии объединения плохо отвечали реалиям маневренной войны, так как за ними закреплялись постоянные фронтовые полосы. Немецкие танковые армии с конца 1942 г. потеряли главное свое качество оперативно-стратегическую мощь. Позже они стали использоваться как затычки при прорывах германского фронта. Лишь в самом конце войны германское командование пошло на создание танковых армий по образцу советских (5-я и 6-я танковые армии СС), которые наносили удары в Арденнах и у озера Балатон. Но было уже слишком поздно.

Советское командование пошло по пути сохранения мобильности танковых соединений. Танковые армии подчинялись командованию фронтов только на время операции. Фактически же они подчинялись Ставке, которая перебрасывала их туда, где их использование представлялось наиболее целесообразным. С появлением достаточно большого количества танковых армий некоторые из них стали передаваться фронтам на постоянной основе, но никогда танковые армии не имели своих участков обороны. Советские танковые армии в 1944-1945 гг. стали лучшими оперативными соединениями в мире, удар которых вряд ли могла парировать какая-нибудь другая армия.

Но и количественный фактор в победе советского оружия

также сыграл свою роль. За годы войны СССР произвел 109,8 тыс. танков и САУ, тогда как фашистская Германия за все 12 лет своего существования 50 тыс. (плюс ее противники США произвели в войну 135 тыс. танков и САУ и Великобритания - 24,8 тыс., из которых несколько тысяч было поставлено в СССР). Так что Советская Армия воевала, всегда имея двойной-тройной перевес в танках. Другое дело, что колоссальные потери от неумелого их использования до 1943 г. приводили к уравновешиванию соотношения сил с противником.

Подобная эволюция произошла и с советской авиацией. Приграничные военные округа в 1941 г. имели двойной перевес в самолетах над люфтваффе и четырехкратный с учетом авиации внутренних округов. Но разгром ВВС Красной Армии был, однако, не менее полным. Перелом наступил лишь в 1943 г., когда качественное (новые Ла-5 и Як-9 превосходили Ме-109) и количественное превосходство, наконец, возымело свое действие. Тем более что в этот год люфтваффе разрывалось между двумя фронтами: на Западе оно как могло отражало всё усиливающиеся налеты англоамериканских бомбардировщиков на города и предприятия Германии (в июле 1943 г. единовременно вылетали на бомбежку 730 английских бомбардировщиков, а в декабре только американский 8-й воздушный флот организовал единовременный налет 3546 бомбардировщиков) и фронтовой борьбой за господство в воздухе на Востоке. Но, несмотря на численный перевес противника, по количеству асов люфтваффе лидировало до конца войны. 104 летчика германских ВВС сбили по 100 и более советских самолетов. Проблема у советских ВВС была та же, что у танкистов, - качество подготовки кадров. Отбор лучших совершался "естественным" путем на войне.

Итоговое превосходство танковых войск и авиации Красной Армии стало результатом "русского пути" - достижения цели за счет огромных материальных издержек и большой крови.

Ход военных действий в 1941-1942 гг. наглядно показал разницу между количеством и качеством. Сталин сумел создать колоссальный военный аппарат с уникальным военным арсеналом. Но вермахт перемолол его с удивительной легкостью, доказав, что 20 тыс. танков и 8 млн. солдат не достигнут победы, если внутри военного организма нет качественного содержания. Причем не столько технического, ибо советские танки и пушки были лучше немецких, сколько качества человеческого фактора. На полях сражений в 1941 г. столкнулись две разнополюсные системы качества и количества. Качество неизменно одерживало верх. Но командование вермахта успокоилось и подрастеряло свои преимущества, а Красная Армия сумела преодолеть свои

недостатки. С 1943 г. обновленная Советская Армия сравнялась с германской по качеству организации и управления, и если бы не "фронтально-лобовое" мышление Верховного Главнокомандующего, Армия победила бы вермахт значительно скорее и с меньшими потерями.

Флот и война

15 января 1938 г. Политбюро утвердило программу строительства военного флота до 1947 г. Предполагалось построить 13 линкоров, 16 тяжелых крейсеров, 2 авианосца. Но события в Европе заставили передать дефицитные ресурсы на другие цели. 19 октября 1940 г. постановлением СНК и ЦК программа, строительства тяжелых военных кораблей была свернута. Но и того, что успели построить, с избытком хватило для обороны.

Советский линейный флот (3 линкора, 8 тяжелых крейсеров) сыграл в войне незначительную роль. До конца войны Военно-Морской Флот СССР, несмотря на полное превосходство в линейных кораблях, не смог пресечь крупномасштабные морские перевозки противника. Вот некоторые цифры. Из Крыма в 1944 г. было эвакуировано морем 130 тыс. человек из состава немецко-румынских войск. Из Эстонии осенью 1944 г. - 34,5 тыс. человек и около 50 тыс. т. техники и военных материалов. Вплоть до апреля 1945 г. шли перевозки между Восточной Пруссией и Германией (с. 358, 360, 362){14}. И только у подводников и летчиков на счету были значительные успехи, например, такие, как потопление командой А.И. Маринеско парохода "Вильгельм Густлов" с немецкими курсантами-подводниками или повреждение линкора "Тирпиц".

На сравнительно небольших пространствах Балтийского и Черного морей крупные корабли легко обнаруживались и были хорошими мишенями для самолетов и подлодок противника. Поэтому все крупные корабли ВМФ СССР, за исключением редких эпизодов, простояли без дела в портах. Огромные средства, затраченные перед войной на их модернизацию и эксплуатацию, оказались напрасными.

Вторая мировая война подтвердила тенденцию, вскрытую во время Первой мировой войны, - время фронтальных морских сражений эскадр линейных кораблей уходит в прошлое. Военно-технический прогресс в XX в. выдвинул на первый план сравнительно небольшие суда, обладающие, однако, большой сокрушающей силой, подводные лодки, торпедные катера, а также самолеты, многократно превосходящие по скорости любое судно и способные, несмотря на свою малость и дешевизну, потопить корабль любого водоизмещения. Единственным

крупным типом корабля, игравшим оперативно значимую роль, был авианосец. Но в малых морских акваториях вроде Черного и Балтийского морей авианосцы, разумеется, были не нужны, хотя мысли об их строительстве в умах, причастных к военно-морскому флоту, витали. Эти идеи были реализованы много позднее, уже в брежневское время, хотя наступил век реактивной авиации, многократно перекрывшей скорость и дальность поршневых самолетов, а также ракетного оружия. Несмотря на опыт двух мировых войн, продолжилось бессмысленное строительство линейных кораблей. Их судьба та же, что у линкоров времен Великой Отечественной войны - ржаветь в портах приписки.

Тенденцию военно-морского развития отцы ВМФ не поняли ни в 30-е гг., ни позже. Огромные средства, затраченные на линейный российский флот в XX в., оказались невостребованными. Единственным оправданием расточительству служит то, что создавался флот с дальним прицелом. Бывший нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов отмечал: "У Сталина было особое, трудно объяснимое пристрастие к тяжелым крейсерам... Я подумал, что у него есть какие-то свои планы, делиться которыми он не считает нужным. Возможно, так оно и было" (с. 301, 302) {15}. Для чего нужны тяжелые крейсера, хорошо продемонстрировал Гитлер в ходе вторжения в Норвегию. Но СССР они не понадобились.

Как в свое время Российская империя не решилась высадиться на берегах Босфора, так и СССР не смог это сделать ни в Финляндии, ни в Румынии, ни в Болгарии. Тем паче не понадобились крейсера вдали от своих границ. Значит, планы оказались неверными. Ну да не впервой...

Ленд-лиз

Советская историография всегда старалась умалить помощь США и Англии Советскому Союзу. Главный прием - преуменьшение ее значимости в соотношении к общему военному производству СССР. Причем моральный аспект этой проблемы опускался.

Ленд-лиз нельзя оценивать в процентах от произведенного в СССР вооружения хотя бы потому, что оружие и материалы достались США и Англии не в виде манны небесной. На их изготовление были затрачены немалые средства, для их доставки использованы сотни судов, десятки из которых были потоплены. Эти оружие, материалы и корабли могли быть задействованы на своих театрах военных действий, для помощи своим солдатам, что сберегло бы не одну тысячу жизней.

Но куда больший эффект дали не поставляемые танки и

пушки, а "мирная продукция" - грузовики, паровозы и алюминий. Красная Армия просто не смогла бы так быстро продвигаться в 1943-1945 гг. без американских транспортных средств: 400 тыс. грузовиков (особенно хороши были вдвое более мощные и грузоподъемные, чем наши "газики", "студебекеры"), 51 тыс. "виллисов", 1900 локомотивов и 11 тыс. вагонов. Ведь за войну в СССР было произведено всего 265 тыс., автомобилей, 700 (!) паровозов и 1 тыс. вагонов.

Потеря управления войсками в 1941-1942 гг. не раз приводила к поражениям. Главную составляющую в управлении играют средства связи (радиостанции, полевые телефоны и др.). К концу войны 80% средств связи комплектовались из поставок союзников.

Важнейшую роль сыграли поставки материалов для производства самолетов и танковых двигателей. Для них прежде всего требовался алюминий. Поставки союзников превысили отечественное производство в 1,2 раза. Получается, что, не будь импортного алюминия, производство самолетов и танковых дизелей пришлось бы сократить вдвое (германские технологи не смогли запустить дизель в серию из-за нехватки алюминия). А еще были поставки каучука, высокооктанового бензина (600 тыс. т), без которого не могли нормально летать самолеты. Сколько бы боеприпасов недополучила армия без 300 тыс. т. пороха и сколько крови пришлось бы еще пролить? А памятная людям того времени американская тушенка? Только мясных консервов было поставлено 600 тыс. т. Мелочь? В 1943 г. генерала М.А. Пуркаева сняли с командования Калининским фронтом за случаи смерти солдат от дистрофии. О том, что такое голод на передовой, с художественной выразительностью рассказано в повести В.Л. Кондратьева "Сашка". Общий объем поставленного продовольствия составил 4,7 млн. т. Сколько же людей было спасено от дистрофии и голодной смерти? А скольких раненых спасли импортные лекарства?

Жуков после войны признавал в кулуарных разговорах огромную роль ленд-лиза. КГБ записало следующие слова опального маршала: "Американцы нам гнали столько материалов, без которых мы... не могли бы продолжать войну. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии" (с. 162){16}.

И еще один не менее важный аспект: это политическая сторона дела. Могущественные капиталистические страны оказали помощь в огромных размерах социалистической стране{17}, чем опровергли утверждения Маркса и Ленина о неизбежной враждебности капиталистических государств

странам, где произошли пролетарские революции. Они вступили с социалистической страной не просто в торговые и политические отношения, а в союзнические! Причем лидер США Ф. Рузвельт строил их на основе дружбы, невзирая на ярко выраженную идеологическую непримиримость большевистской идеологии ценностям западной демократии.

Политика ленд-лиза - яркий пример осуществления на деле принципов мирного сосуществования, исходящих от буржуазных правительств. Причем они забыли (как оказалось затем, напрасно) и полусоюзнический договор Сталина и Гитлера, и аннексию Прибалтики, и попытку экспорта социализма в Финляндию. Поэтому рассуждать о ленд-лизе с позиций, чего "мало" или "много" было поставлено Красной Армии, для советской историографии было, мягко говоря, неуместно.

Советскому Союзу достался уникальный по силе противник. С 1870 по 1918 г. и с 1939 по 1942 г. Германия располагала лучшей военной машиной в мире, хотя во Вторую мировую войну она вступила с огромными пробелами в подготовке промышленности к столь серьезному испытанию. Германия, Подталкиваемая Гитлером, ввязалась в войну, несмотря на негативный опыт предыдущей войны. Германская армия в Первой мировой войне пала, как падает Очень усталый человек, боровшийся с противниками, которые вступали в схватку свежими, один за другим. Германию задавили совокупной экономической мощью, материальным и людским перевесом. Это была первая война такого масштаба, выигранная в основном экономическими средствами. Немецкое население со времен Тридцатилетней войны XVII в. не переживало таких лишений, как в 1916-1918 гг. Но этот опыт затем помог фашизму. Трудности, которые переносило гражданское население в 1943- 1945 гг., на фоне предыдущего опыта не казались уже исключительными. Но в то же время память о тех лишениях, что вызвали революционные настроения, заставила Гитлера осторожничать с милитаризацией экономики. Степень задействованности производственных мощностей в войне была куда меньшей, чем в Советском Союзе, что и объясняет столь существенную разницу в выпуске оружия двух стран. Но если для малых пространств Западной и Центральной Европы этого оружия хватало, то для Востока его стало ощутимо недоставать уже в первый месяц войны. Вермахт вступил в войну с СССР, имея всего на 800 танков больше, чем в войне с Францией, хотя восточный театр военных действий в несколько раз превосходил предыдущий. Во Франции у вермахта было примерно 10 самолетов на каждый километр фронта, в СССР - один. Более того, после разгрома Франции и вопреки

планам восточного похода Гитлер пошел на сокращение выпуска некоторых видов военной продукции ради увеличения гражданского потребления. Так, в 1941 г. производство боеприпасов сократилось по сравнению с 1940 г. с 867 тыс. до 540 тыс. т. К исходу 1941 г. вермахт использовал 583 тыс. т. боеприпасов, т.е. 40 тыс. т. были покрыты благодаря прежним запасам. В 1942 г. производство боеприпасов пришлось восстанавливать до уровня 1940 г. Но и этот уровень был невелик. По утверждению бывшего министра вооружений Германии А. Шпеера, в 1941 г. производство орудий и боеприпасов составило всего лишь четверть от объема аналогичной продукции, выпускаемой в Германии осенью 1918 г. (с. 298){18}.

Руководство рейха лишь в феврале 1943 г., после сталинградской катастрофы, объявило о тотальной мобилизации, хотя Советский Союз воевал в таком режиме уже полтора года. Но вермахту и того хватило, чтобы поставить Красную Армию на грань полного поражения.

Советские историки много насмехались над тем, что Гитлер отвел всего 14 недель на разгром Вооруженных Сил СССР. Но ведь эти сроки и впрямь чуть было не реализовались! Войска группы армий "Север" вышли к окраинам Ленинграда уже в первых числах сентября, то есть через 11 недель после начала войны. Группа армий "Центр" спустя 15 недель, в середине октября, оказалась в 100 км от Москвы. Но сил у Красной Армии оказалось в несколько раз больше, чем думали в германском Генштабе: не 5 тыс. танков, а 20 тыс., не 5 тыс. самолетов, а 15 тыс. и т.д. Гитлер доверился данным разведки, и Генштаб выделил под них соответствующие ресурсы и силы. Вермахт за 14 недель не только выполнил план разгрома разведанных сил, но и значительно перевыполнил его по танкам и самолетам. Потому вермахт и не готовился к зиме, что ни Гитлер, ни верховное командование вермахта не подозревали об истинном количестве накопленного оружия и истинных, чудовищных по европейским меркам, масштабах военной промышленности. Абверу просто не поверили бы, добудь разведчики реальные цифры арсенала Красной Армии. Как можно было поверить в то, что СССР накопил основных видов тяжелого оружия столько же, сколько остальные государства земного шара? И вермахт готовился к войне, беря за основу армии, подобные тем, что имели Англия и Франция - самые мощные военные Державы того времени. И благополучно разбил их за считанные недели. Потом еще столько же, потом еще... А тут и зима грянула, а сил у Красной Армии не убывало. Только такая армия, как германская, могла выдержать подобную

"психическую атаку".

Но анализ боевых действий в 1941 г. показывает, что и пространства могли не помочь, если бы германское руководство осенью 1940 - весной 1941 г. уделило пристальное внимание производству и модернизации танков и других средств моторизации. Для такой мощной промышленности, как германская, на которую якобы работала промышленность чуть ли не всей Европы, выпуск менее 200 танков в месяц означал более чем щадящий режим. В итоге уже через одну-две недели после начала боевых действий немецкое командование стало усиленно размышлять, как эффективно распорядиться столь небольшими бронетанковыми силами на такой обширной территории. Г. Гот, бывший командующий 3-й танковой группой, вспоминал: уже 26 июня Гитлер высказал мысль, что по завершении боев под Белостоком необходимо сосредоточить усилия на фронте группы армий "Юг", но уже 30 июня он стал настаивать на усилении группы армий "Север" за счет "Юга". Сам Гот считал, что "учитывая превосходство противника на Волыни, группе армий "Юг" следовало бы приказать занять оборону за рекой Стырь" (с. 78, 90){19}.

Дальше больше. 23 июля Гитлер издал приказ, по которому 3-я танковая группа временно подчинялась группе армий "Север", а 2-я танковая группа Гудериана нацеливалась на Донбасское направление. Пехотные дивизии группы армий "Центр" должны были двигаться на Москву. Но уже 30 июля приказ был отменен с постановкой новых задач: в частности, 2-я танковая группа должна наступать на Киев.

В конечном счете это привело к растрате летнего времени, а Красная Армия неоднократно получала возможность для передышки. Так, у Смоленска оперативная пауза сохранялась полтора летних месяца. Правда, Красной Армии это мало помогло, и как только группа армий "Центр" перешла в наступление, грянула Вяземская катастрофа. Войска вермахта воевали великолепно, хотя Гитлер и верховное командование их, как говорится, "подставили". Они не позаботились обеспечить солдат должным, с учетом пространств СССР, числом машин и танков, а заодно зимним обмундированием. Если рассматривать объективное соотношение сил, то непонятно, как немцы дошли до Москвы, Ростова, а затем до Волги. Не должно было быть никакого наступления 15 ноября 1941 г., потому что грянули холода, а к зимним боевым действиям вермахт не готовили. Если брать голые цифры и саму ситуацию - климат, усталость в танковых дивизиях от долгих непрерывных боев, износ техники, отсутствие зимних масел и пр., - то ни солдаты, ни танки не

могли успешно двигаться вперед. И уже совершенно непонятно, каким образом немцы продавливали советскую оборону в первых числах декабря, когда грянули настоящие морозы. Солдаты вермахта воевали вопреки погоде, сопротивлению советских войск и верхоглядству своего верховного командования. И как воевали! События 1940-1942 гг. на фронтах показывают, насколько велик был подъем национального духа германского народа, используемый, увы, на неправедные цели, но от этого не становящийся менее значительным. Гитлер использовал его, загнав страну и Армию в тупик мировой войны. Если вспомнить, как неоднократно подставлял свою Армию Сталин, то можно смело констатировать - это одно из "любимых" и закономерных занятий диктаторов, производное от самой природы диктаторства.

Эйфория руководства рейха от легких побед 1939- 1940 гг. существенно помогла Красной Армии. Но рассмотрим гипотетический вариант: немецкое руководство с должным вниманием отнеслось бы к производству танков. Произвести дополнительно 600-700 танков германской промышленности было вполне по силам. Вермахту необходимо было иметь еще одну, 5-ю танковую группу, которая наступала бы в полосе 11 -и армии из Румынии. Тогда удар в тыл Юго-Западного фронта в июле 1941 г., навстречу дивизиям Клейста, непременно завершился бы окружением основных сил Юго-Западного фронта. Тем самым отпала бы необходимость в походе группы Гудериана на Киев. Клейст вывел бы свои танки к Десне на соединение с ним уже в августе, в то время как "5-я танковая группа" наступала бы через Южную Украину на Донбасс. Тогда бы танковые группы двигались упорядочение, имея свою стратегическую цель: 4-я - Ленинград, 3-я и 2-я - Москву, 1-я - Дон, "5-я" - Ростов. Если учитывать только время оперативных пауз, вызванных отсутствием таковой 5-й группы, то они вышли бы на эти рубежи в следующие сроки: 4-я танковая группа в августе к Ленинграду, 2-я и 3-я в сентябре (а не в октябре) к Москве, 1-я и "5-я" в октябре (а не в ноябре) к Ростову, то есть до наступления зимы и прибытия дальневосточных дивизий. И где бы тогда удалось остановить немцев - одному Богу известно.

План "Барбаросса" критиковался за разбросанность операционных целей. Войска наступали по расходящимся направлениям. Это видимый, хотя и понятный, изъян плана. Но практика подтвердила правильность выбора операционных направлений. Каждая группа армий имела свою цель и ее фактически достигла: "Север" - Ленинград, "Центр" - Москву, "Юг" - Кавказ. Если не брать во внимание "философский" вопрос о

самой возможности завоевания СССР, то единственный крупный оперативный просчет связан с непредусмотренным ударом танковой группы навстречу Клейсту, что диктовалось конфигурацией границы и самой логикой действий. Без "канн" выиграть кампанию на Украине было невозможно даже теоретически. Немыслимо гнать перед собой противника лобовыми ударами от Польши до Волги. Требовался маневр, а его-то в плане "Барбаросса" и не предусматривалось. Для германского Генштаба - хранилища традиций "канн" это было непонятным упущением.

СССР не повезло с Германией как противником, но Сталину повезло с Гитлером как ее правителем. Германский генералитет никогда бы не осмелился идти на Восток, оставив в тылу Англию и США. Он не ставил бы целью тотальное уничтожение народов СССР, что вызвало в ответ Отечественную войну. Очень вероятно, что он сделал бы ставку на сепаратизм народов Советского Союза, и тогда появление националистических правительств, например на Украине, серьезно осложнило бы борьбу Красной Армии. И наверняка они бы постарались значительно шире использовать армию Власова и жажду борьбы с большевизмом деятелей вроде Краснова и Шкуро.

Летом - осенью 1941 г. фашисты преподнесли кремлевскому вождю ценнейший подарок, уничтожив более миллиона военнопленных, многие из которых были настроены против сталинского режима. Гитлер довел до конца чистку невыявленных врагов Сталина. Остальное доделал введенный для "восточных территорий" оккупационный режим. Политика Гитлера не оставляла шансов славянским народам либо деградация, либо борьба до победы.

Если Сталин оказал ценнейшую услугу Гитлеру, уничтожив значительную часть высших командных кадров Красной Армии, что существенно облегчило вермахту ведение боевых действий в начале войны, то Гитлер ответил той же любезностью, при малейшей возможности отправляя в отставку цвет своего высшего командования. Вот краткий список:

- Фельдмаршал Браухич, главком сухопутных сил вермахта, руководитель блицкрига в Польше, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции. Отправлен в отставку в декабре 1941 г.

- Фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий "Север" в польской кампании, группой армий "Б" в 1940 г., "Центр" в 1941 г. и "Юг" в 1942 г. Отправлен в резерв в июле 1942 г.

- Генерал Гёпнер, командующий 4-й танковой группой (Польша, Франция), разжалован и уволен из армии в декабре

1941 г.

- Генерал Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных сил. Обеспечивал штабное обеспечение всех кампаний вермахта с 1939 г. Уволен в июле 1942 г.

- Генерал Гудериан - ас танковой войны. Был отстранен от участия в боевых действиях с декабря 1941 г. по 1944 г., когда был назначен начальником Генерального штаба сухопутных сил, что все равно не соответствовало его истинному призванию.

- Фельдмаршал Клейст. Командовал танковой группой, осуществившей Арденнский прорыв в 1940 г., завершившийся Дюнкерком. Командовал танковой группой в период югославско-греческой кампании и 1-й танковой группой (армией) в 1941 - 1942 гг. в СССР. Отправлен в отставку 30 марта 1944 г.

- Фельдмаршал Кюхлер, командующий 18-й армией в 1940-1942 гг. (Голландия, Франция, СССР), командующий группой армий "Север" с января 1942-го по январь 1944 г. Затем в отставке.

- Фельдмаршал Манштейн - автор плана Арденнской операции 1940 г. Командующий 11-й армией в 1941- 1942 гг. и группой армий "Дон" в 1943 г. Нанес чувствительные контрудары Красной Армии в Крыму (май 1942 г.) и Донбассе (март 1943 г.). Отправлен в отставку 30 марта 1944 г.

- Фельдмаршал фон Лееб. Командовал группой армий "Ц" в 1940 г. и группой армий "Север" в 1941 г. С небольшими силами благополучно дошел до Ленинграда. Отправлен в отставку в январе 1942 г.

- Фельдмаршал Лист. Командовал 12-й армией, осуществлявшей прорыв во Франции в 1940 г., в Югославии и Греции в 1941 г. Командовал группой армий "А" в июне - августе 1942 г. Отправлен в отставку в сентябре 1942 г.

- Генерал Штраус, командующий 9-й армией в 1941 г. В декабре 1941 г. отправлен в отставку.

Это равнозначно тому, как если бы Сталин уволил из армии Василевского, Ватутина, Катукова, Конева, Рокоссовского. Всего из действующей германской армии только в 1941-1942 гг. было уволено 66 генералов!

Конечно, служебные перемещения естественны после неудач военачальников. На войне необходим поиск новых талантов. Другое дело - как поступить с отстраненными от командования. За небольшим исключением, им вообще не давали никакого дела. Даже не пытались использовать в обучении кадров или подготовке резервов. Их просто вычеркивали из жизни вооруженных сил, и это в разгар войны! Лишь Гудериана - аса танковой войны - после сталинградской катастрофы Гитлер

вернул на действующую службу в тылу.

Иначе поступал Сталин. С 1930 г., когда по делу "Весна" увольнению подверглись около 3 тыс. человек из бывших царских офицеров, он тоже не берег кадры. Последние расстрелы произошли в октябре 1941 г. Затем Сталин сообразил, что продолжение подобной практики резко увеличит шансы вновь оказаться в Туруханском крае. Больше он кадрами в войну не разбрасывался (иное дело мирное время). Ворошилов, Буденный, Тимошенко не справились с ролью командующих фронтами. Сталин отправил их готовить резервы. Командир 7-го мехкорпуса генерал Виноградов, имея трехкратное превосходство в танках, вчистую проиграл сражение у Лепеля в июле 1941 г., и его перевели зам. по тылу. Не умеешь воевать - заботься о портянках. Он даже получил повышение и закончил войну генерал-лейтенантом. Значит, сталинский выдвиженец нашел свое истинное место в тылу. Генерал Пуркаев не понравился в роли командующего Калининским фронтом. У него солдаты мрут от дистрофии, - непорядок. Солдаты должны умирать в бою, атакуя в лоб вражеский дзот. Пуркаева перевели на Дальний Восток, готовить войска к будущей войне с Японией. И так с каждым несправившимся. Терпели поражения, командуя фронтами, Еременко (Брянский, сентябрь 1941 г.), Конев (Западный, октябрь 1941 г.), Малиновский (Юго-Западный, июль 1942 г.), Ватутин (Юго-Западный, март 1943 г.) и т.д., но на генеральские дачи или еще дальше никого не посылали. Всем находили дело по уму и способностям. Война! Каждый человек на счету. Гитлер же начал с обратного, а закончил тем, с чего Сталин начинал.

Советские историки никогда не писали о такой силе противника, как высокий моральный дух солдат. Однако он был и играл огромную роль в боевых действиях. Один из важнейших его показателей - число пленных. На 1 марта 1944 г. в лагерях НКВД содержалось всего 51 499 немецких военнопленных. Даже с учетом умерших к тому времени военнопленных получается мизерное число при таких масштабах войны и, конечно, с учетом числа плененных красноармейцев. Лишь с окончанием войны счет взятых в плен солдат противника пошел на миллионы. На 1 июня 1945 г. их насчитывалось 2389 тыс. человек. Немецкие войска, за редчайшим исключением, продолжали сражаться до самого конца.

Но жертвы германского народа оказались напрасными. Дело, за которое дрались его солдаты, было неправедным, и, сохраняя память о проявленной воинской доблести, немцы, к счастью, это понимают и не хотят возврата к чему-либо подобному.

Заключение. Последние выводы

СССР выиграл Вторую мировую войну, что стало прологом к его поражению в третьей - "холодной" - мировой войне. Проигравшие Германия и Япония вынуждены были полностью сосредоточиться на своих внутренних проблемах, ключом к решению которых стало создание эффективной гражданской экономики. Они открыли принципиально иной путь "подхлестывания" общества - путь не милитаристской, а экономической агрессивности. Рычагом ускоренного развития стал экспорт готовой продукции. Военная экспансия была заменена энергичной экономической экспансией. Военный дух и смекалка были переплавлены в борьбу за конкурентоспособность товаров. Результаты появились достаточно быстро. Оккупированные Япония и ФРГ по темпам экономического роста и богатству превзошли победителей. Особенно плачевными итоги соревнования были для Советского Союза, чья экономика по качественным показателям к 80-м гг. безнадежно отстала от ФРГ и Японии.

Основная причина сложившегося положения состояла в том, что гонка вооружений 30-х гг. для советской экономики сразу же, без передышки, переросла в бесконечную гонку вооружений последующих десятилетий. Победа в войне превратила СССР из государства-одиночки "во враждебном капиталистическом окружении" в имперский центр с двумя десятками государств-сателлитов, которым необходимо было помогать в той или иной форме. Советские войска, впервые в истории России, оказались размещенными в Европе на постоянной основе, что, наряду с "чувством законной гордости", предполагало солидное финансирование. Борьба за гегемонию в мире отвлекала огромные средства. Все лучшее отдавалось вооружениям. То был молох, безостановочно пожиравший богатейшие материальные и интеллектуальные ресурсы советской экономики и науки. Руководство СССР постоянно находилось под двойным впечатлением - 1941 г., года поражений, и 1945 г., года Победы. Чуть было не состоявшийся крах СССР связывался политическим и военным руководством со слабостью Армии, а победа - с сильной Армией. Отсюда делался простенький, но "железный" своей логикой вывод - Армия должна быть сильной. Всегда. Во всех компонентах. Мифы тем и страшны, что принимаются за правду. Власть так усиленно пропагандировала тезис об отставании Красной Армии в 1941 г. от вермахта как основную причину поражений, что убедила в этом и саму себя. Поэтому наращивание гор оружия превратилось в самоцель. К моменту краха Советского Союза история с танками повторилась: наша страна опять имела их больше всех государств мира вместе

взятых. От поражения, как и в 1941 г., СССР это не спасло.

Верхи так и не поняли простую истину: побеждают не числом, а умением, не количеством, а качеством организации. И еще не дутой, а реальной связью верхов и низов.

Население устало от бедности и тотального дефицита, и народ-победитель, столь много сделавший и столь многим пожертвовавший ради сохранения государства в годы Великой Отечественной войны, безучастно принял его развал и смерть социалистического строя. То, что могло произойти, но не произошло в 1941 г., закономерно свершилось в 1991 г. Борьба с гитлеризмом лишь отсрочила закономерную гибель тоталитарного строя. Хотя события 1941 г. показали, что вполне можно было победить сталинскую систему властвования. Эту тайну и пыталась замаскировать советская историография, конструируя мифы про "многократное превосходство немецко-фашистских захватчиков".

"Тысячелетний рейх" просуществовал всего 12 лет, но и сталинское тоталитарное государство по историческим меркам продержалось не так уж и долго, хотя послесталинское руководство в Целом немало сделало для его модернизаций. Причины крушения "маяка всего человечества" четко просматриваются уже в испытаниях 1941-1945 гг. Прежде всего это полное пренебрежение к жизням и судьбам людей, которые большевистским вождям служили лишь подсобным материалом для строительства своих вариантов Вавилонской башни и затычкой прорех, беспрестанно возникавших из-за их преступных ошибок.

В 1941 г. выявилось неумение эффективно использовать гигантские ресурсы: человеческие, сырьевые, материальные. Достижение практически любой цели обеспечивалось слишком часто за счет значительного перерасхода сил и средств. И лишь репрессии против сомневающихся и закрытость общества позволяли затушевывать цену таких побед, а массированная пропаганда давала возможность приписывать все достижения исключительно мудрости Вождя и списывать все поражения на происки врагов или объективные факторы. На деле колоссальное количественное превосходство "по валу" долго, очень долго, до конца 1942 г., не оборачивалось превосходством качества организации.

Сталинская, "очищенная" в ходе репрессий 1936- 1939 гг. Красная Армия проигрывала военное соревнование на поле боя вермахту. Но ведь в конечном счете справедливо указывают апологеты Иосифа Виссарионовича и созданного им мобилизационно-репрессивного режима, СССР выиграл войну у

Германии. Конечно, можно сбросить со счетов фантастическую цену такой победы. К тому же Сталин оказался везучей Гитлера. Он избежал "прелестей" войны на два фронта. Япония "подыграла" ему, не тронув дальневосточных границ и втянув США в войну. Ему, несгибаемому борцу с империализмом, всерьез помогали главные империалистические державы. Сталин вел войну в самых благоприятных международных условиях, какие только можно представить. Даже с царской Россией союзники обходились строже. В Первой мировой Россия воевала без ленд-лиза и сама оплачивала большую часть перевозок по коммерческим ценам.

Но главное не в этом. Фактически сумма просчетов одного диктатора (Гитлера) превысила сумму ошибок другого (Сталина). И это решило исход войны.

Победа в Великой Отечественной войне стала на долгое время основным доказательством верности реализованных Сталиным принципов властвования. При этом мало кто отмечал, что война была военно-идеологическим столкновением двух тоталитарных систем. Обе имели свои сильные и слабые стороны. Гитлер сумел создать мощную армию, где главной боевой силой являлся высокий моральный дух. По этому, решающему, показателю вермахт почти до конца 1942 г. заметно превосходил Красную Армию. Увы, тоталитарные идеологические режимы способны создавать иллюзии великих целей, мобилизующих энергию людей на подвиги. Гитлер прекрасно разыграл карту ущемленного национального достоинства немецкого народа. Вермахт был национальной армией, носителем духа мщения за унижения Версальского договора и этим он выгодно отличался от рыхлых по боевому духу французской и Красной армий. Тема эта "не патриотичная", скользкая, а потому еще мало исследованная. Но без осознания этой проблемы толком не понять ни ярких успехов вермахта на первом этапе мировой войны, ни его упорного сопротивления в последующие два с половиной года. Как не понять и причины удивительной беспомощности Красной Армии в 1941-1942 гг. Вермахт был прекрасной армией, но с преступным руководством во главе, которое, по сути, предало его. Предало тем, что ставило перед вермахтом нереальные задачи победить всех и вся; тем, что бросало в бой, не обеспечив необходимым снаряжением и техникой; тем, что заставило воевать с мирным населением. Солдаты жертвовали собой напрасно. Шансов выиграть мировую войну на два фронта, чувствуя ненависть народов, с которыми они столкнулись на своем пути в никуда, у них не было.

Войны среди развитых государств отошли в прошлое. Решать свои проблемы с помощью войны уже не рационально. Но войны

между ними тем не менее идут, только виртуальные - в сфере экономики, финансов и высоких технологий. Короче говоря, в сфере менеджмента. На этом поприще Германия (ФРГ), Япония и даже Италия одержали куда большие успехи, чем во Второй мировой войне.

Наша Власть пока не освоила виртуальные (точнее, управленческо-экономические) способы борьбы. А раз так, то война традиционная остается одним из основных индикаторов истинного состояния общества и государства, продолжается, теперь уже чеченской. И вновь она выявила проблемы давнего 1941 г.: неспособность толком использовать свои огромные преимущества, плохую обученность личного состава, вопиющие пробелы в организации, и так вплоть до частных проблем, вроде неумения проводить операции на окружение и уничтожение врага или тяги к фронтальному выдавливанию противника, как это происходило в ходе операции по "вводу" войск в Чечню в 1999 г. История повторяется, пусть и в других условиях, а учиться у нее все так же лень, и потому Власть упрямо наступает на те же грабли, чтобы опять учиться пройденному и уже оплаченному кровью. И так виток за витком...

Примечания

Примечания ко введению

{1}Некрич А.М., 1941, 22 июня. - 2-е изд. - М., 1995.

{2}Наш современник. - 1997. - No 11.

{3}Зиновьев А.Л. Русский эксперимент. - М., 1995.

Примечания к первой главе

{1}Секреты Гитлера на столе у Сталина. - М., 1995.

{2}Карпов В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. - М., 1994. - Кн. 1.

{3}Военно-исторический журнал.

{4}Егоров А И, Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940). - М., 1965.

{5}Тухачевский М.Н. Избр. соч. - М., 1964. - Т. 1-2.

{6}Русский архив: Великая Отечественная. - М., 1993. - Т. 12: Накануне войны (Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г.).

{7}Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М., 1988.

{8}Горьков Ю. Кремль, Ставка. Генштаб. - Тверь, 1995.

{9}1941 год: - М., 1998. - Кн. Г-2.

{10}XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. - М., 1939.

{11}Хрущев Н. Воспоминания. - М., 1999. - Т. 1-4.

{12}Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М., 1996.

{13}Воронов Н.Н. На службе военной. - М.,1963.

{14}Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. - М., 1981.

{15}Великая Отечественная война 1941-1945. - М., 1998. - Кн. 1.

{16}Полвека назад: Великая Отечественная война: цифры и факты: Кн. для учащихся ст. классов и студентов. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. - М., 1995.

{17}Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. - М., 1997.

{18}Винцер Б. Солдат трех армий. - М., 1973.

{19}Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии. 1939- 1945. - М., 1958.

{20}Гудериан Г. Воспоминания солдата. - М., 1954.

{21}Катуков М.Е. На острие главного удара. - М., 1976.

{22}Ванников Б.Л. Записки наркома Знамя. - 1988. - No 1.

{23}Великая Отечественная война 1941-1945. - М.,. 1998. - Кн. 1.

{24}Начальный период войны Под ред. С.П. Иванова. - М., 1974.

{25}Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{26}Морев А. Патриотический фильм. Правда. - 8 февраля 1938.

Примечания ко второй главе

{1}Болдин И.В. Страницы жизни. - М., 1961.

{2}Сандалов Л.М. Пережитое. - М., 1966.

{3}Великая Отечественная война 1941-1945. - М., 1998. - Кн. 1.

{4}Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. - М., 1993:

{5}Еременко А.И. На Западном направлении. - М, 1959.

{6}Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{7}Баграмян И.Х. Так начиналась война. - М., 1977.

{8}Анфилов В.А. Провал "блицкрига". - М., 1974.

{9}Гудериан Г. Воспоминания солдата. - М., 1954.

{10}Манштейн Э. Утерянные победы. - М., 1954.

{11}Проэктор Д. Агрессия и катастрофа. - М., 1972.

{12}Например, 6-й мехкорпус насчитывал 1085 танков, в том числе 114 КВ, 238 Т-34, 416 БТ-5 и БТ-7, 126 Т-26, 127 Т-27, Т-28, Т-37, Т-40; 8-й мехкорпус имел 858 танков, включая 171 КВ и Т-34; 4 мехкорпус - 892 танка, из них 414 КВ и Т-34 ({2}, 1989, No 4, с. 23, с. 42, табл.).

{13}Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год. - М., 1996. - Т. 16.

{14}Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - М., 1977.

{15}Гальдер Ф. Военный дневник. - М., 1968-1971. - Т. 1-3.

{16}Клокова Т., Прохорова И. Тыл. Оккупация. Сопротивление (Советская страна в годы Великой Отечественной войны 1941- 1945 гг.). - М., 1993.

{17}Типпелъскирх К. История Второй мировой войны. - М., 1956.

{18}Горькое Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. - Тверь, 1995.

{19}Военно-исторический журнал.

{20}Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М., 1988.

{21}Горбатов А.В. Годы и войны. - М., 1992.

{22}Колесник А. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. - Харьков, 1991. .

{23}Хрущев Н. Воспоминания Вопросы истории. - 1990. - No 12.

{24}Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.) Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. - М., 1996.

{25}История Второй мировой войны. В 12 т. - М., 1973- 1982.

{26}История Великой Отечественной войны. В 6 т. - М., 1961-1965.

{27}1941 год. - М., 1998. - Кн. 2.

Примечания к третьей главе

{1}История Второй мировой войны. В 12 т. - М., 1973-1982.

{2}Русский архив: Великая Отечественная война. - М., 1996. - Т. 16 (5-1). .

{3}Анфилов В.А. Провал "блицкрига". - М., 1974.

{4}Военно-исторический журнал.

{5}Рейнгард К. Поворот под Москвой. - М., 1980.

{6}Гальдер Ф. Военный дневник. В 3 т. - М., 1968-1971.

{7}Горбатов А.В. Годы войны. - М., 1992.

{8}История Великой Отечественной войны. В 6 т. - М., 1961-1965.

{9}Баграмян И.Х. Так начиналась война. - М., 1977.

{10}Бригада М. Катукова не была первопроходцем. Такой способ действий использовала 100-я стрелковая дивизия под Минском в июне 1941 г. Ее командир И.Н. Руссиянов отмечал: "Надо сказать, что тактика танковых засад еще много раз выручала нас впоследствии. Оправдала она себя и в первом бою". См.: Руссиянов И.Н. В боях рожденная. - М., 1982. С. 29.

{11}В мае 1940 г. французская армия имела 2800 танков, 1648 боевых самолетов (История Второй мировой войны. Т. 3. С. 89). Английская армия имела 300 танков и 1800 боевых

самолетов, 14,4 тыс. орудий. Объединенные силы союзников насчитывали 108 дивизий. Общая численность вооруженных сил составляла свыше 3 млн. человек.

{12}Старинов И. Записки диверсанта. - М., 1997.

{13}Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. - М., 1984.

{14}Еременко А.И. Годы возмездия. - М., 1985.

{15}Грицов М.Д. На юго-западном направлении. - М., 1965.

Примечания к четвертой главе

{1}Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. - М., 1989.

{2}Гудериан Г. Воспоминания солдата. - М., 1954.

{3}Роковые решения. - М., 1958.

{4}Еременко А.И. На западном направлении. - М., 1959.

{5}Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{6}Коммунист.

{7}Рокоссовский К.К. Солдатский долг. - М., 1968.

{8}Рейнгард К. Поворот под Москвой. - М., 1980.

{9}Яковлев Н.Н. 19 ноября 1942 года. - М., 1979.

{10}Военно-исторический журнал.

{11}Гальдер Ф. Военный дневник. В 3 т. - М., 1968-1971.

Примечания к пятой главе

{1}История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6 т. - М., 1961-1965.

{2}История Великой Отечественной войны 1941-1945. Кн. 1. М., 1998,

{3}Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.) Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. - М., 1996.

{4}Шубкин В. Один день войны Литературная газета. - 23 сентября 1987.

{5}Катуков М.Е. На острие главного удара. - М., 1976.

{6}Казаков ММ. Над картой былых сражений. - М., 1965.

{7}Быков В. "За Родину, за Сталина!" Родина. - 1995. - No 5.

{8}Горбатов А.В. Годы и войны. - М., 1992.

{9}Меллентин Ф. Танковые сражения в 1939-1945 гг. - М., 1957.

Примечания к шестой главе

{1}Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945. - М., 1957.

{2}Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{3}Манштейн Э. Утерянные победы. - М., 1957.

{4}Сроки борьбы других окруженных группировок советских войск:

1) в Белоруссии 10-я и 3-я армии - 27.06-05.07.41 г.;

2) Уманский "котел" - 6-я и 12-я армии - 31.07-07.08.41 г.;

3) у Невеля 51-й стрелковый корпус - 16-22...41 г.;

4) в районе Волчанска 28-я и 38-я армии - 13-16.06.41 г.;

5) в Барвенковском "котле" 6-я и 57-я армии - 22-29.05.42 г. Зато конная группа П.А. Белова рейдировала в тылу противника с января по HtoHb (ошибка сканирования)1942 г. Два месяца по апрель сражались части 33-й армии М.Г. Ефремова.

{5}Роковые решения. - М., 1958.

{6}Василевский А.М. Дело всей жизни. - М., 1987.

{7}Военно-исторический журнал.

{8}История Великой Отечественной войны. В 6 т. - М., 1961 - 1965. ,

{9}Радзиевский А.И. Танковый удар. - М., 1977.

{10}Бабаджанян А.Х. Дороги победы. - М., 1972.

{11}Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - М., 1981.

{12}Клокова Т., Прохорова И. Тыл. Оккупация. Сопротивление. - М., 1993.

Примечания к седьмой главе

{1}Штеменко СМ. Генеральный штаб в годы войны. - М.,1981. - Кн. 1.

{2}Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. - М., 1977.

{3}Радзиевский А.И. Танковый удар. - М., 1977.

{4}Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. - М., 1993.

{5}Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{6}Рокоссовский К.К. Воспоминания солдата. - М., 1972.

{7}Симонов КМ. Глазами человека моего поколения. - М.-, 1988.

{8}Попов ММ. Фланговый удар Брянского фронта (Воспоминания) Военно-исторический журнал. - 1959. - М., 10.

{9}Русский архив: Великая Отечественная. - М., 1993. - т. 12(1).

{10}Керсновский А.А. История русской армии. - М., 1994.

{11}Шлифен А. Канны. - М., 1938.

{12}История Второй мировой войны. В 12 т. - М., 1973- 1982.

Примечания к восьмой главе

{1}Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{2}Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - М., 1981.-Кн. 1.

Примечания к девятой главе

{1}Жуков Т.К. Воспоминания и размышления. - М., 1970.

{2}Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - М., 1981. - Кн. 1.

{3}Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? - М., 1998.

{4}Светлишин Н.А. Орден "Победа" полководцам. - М., 1988.

{5}Огонек. - 1988. - No 20, с. 24.

{6}История Второй мировой войны. В 12 т. - М., 1973-1982.

Примечания к десятой главе

{1}Катуков М.Е. На острие главного удара. - М., 1976.

{2}Симонов К. Глазами человека моего поколения Знамя. - 1988. - No 5.

{3}Литературное наследство. Т. 83, с. 602.

{4}Бакунин М. Государственность и анархия. - М., 1933.

{5}"Я неоднократно, - утверждал он (Гитлер) при случае, - перечитывал книгу полковника де Голля о возможности современного ведения боя моторизованными соединениями и много из нее почерпнул" Шпеер А. Воспоминания. - Смоленск - Москва, 1997. С. 245.

{6}Меллентин Ф. Танковые сражения в 1939-1945 гг. - М., 1959.

{7}Дудинский И. Портреты и силуэты. - М., 1987.

{8}Московские новости. - 1988. - No 19.

{9}Горькое Ю. Ставка. Кремль. Генштаб. - Тверь, 1995.

{10}Военно-исторический журнал.

{11}Исторический архив. - 1994. - No 2.

{12}ЭКО. - 1985. - No 5.

{13}Родина. - 1996. - No 2.

{14}Вторая мировая война: два взгляда. - М., 1995.

{15}Кузнецов Н.Г. Накануне. - М. 1989.

{16}Цит. по; Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. - СПб., 1998.

{17}Союзники поставили СССР 17 тыс. самолетов, 11 тыс. танков, 8 тыс. зенитных орудий, 105 подлодок, 197 торпедных катеров, 50 тыс. т. кожи, 15 млн. пар ботинок, 3,4 млн. т. взрывчатых веществ, 3,7 млн. автошин, 2,8 млн. т. стали, 2,6 млн. т. нефтепродуктов, 81 тыс. т. резины и т.д. Не учтены материалы и техника, потопленные противником. Роковые решения. - М., 1958. С. 114; Гриф секретности снят. С. 365; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Стат. Сборник. - М., 1993; Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. - М., 1998.

{18}Шпеер А. Воспоминания. - Смоленск; Москва, 1997.

{19}Гот Г. Танковые операции. - Смоленск, 1999.